

ISSN 3034-6827

Современная гуманитаристика

Научный журнал

Modern humanities

Scientific journal

Хальхи гуманитаристика

Ўсләләх журналә

Т. 1. № 3
2025

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2025. Том 1. № 3

Научный журнал

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovyemyennaya-gumanitaristika.html>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2025

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Леонтьев Алексей Петрович — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. ист. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Ахметова Лейла Сейсембековна — д-р ист. наук (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2025. Vol. 1. No 3

Scientific journal

ISSN 3034-6827

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic
«Chuvash State Institute of Humanities»
The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. *Historical sciences*

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. *Philology*

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. *Art history and cultural studies*

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Leontiev Alexey Petrovich — Chuvash State Institute of Humanities,
Cand. Sc. (History), Senior Researcher

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)

Akhmetova Leila Seysembekovna — D.Sc. (History) (Almaty, Kazakhstan)

Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)

Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)

Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)

Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)

Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)

Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)

Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)

Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)

Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)

Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)

Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)

Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)

Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)

Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)

Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)

Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)

Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)

Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитари ħслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2025. 1 том. 3 №

Īслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентĕ министрствин
«Чăваш патшалăх гуманитари ħслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет ħслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать

Çулталăкра 4 хут тухать

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

ЖУРНАЛĀН ĀСЛĀЛĀХ СПЕЦИАЛЬНОÇĒСЕМ

5.6. *Истори ħслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведенипе культуuroлоги*

5.10.3. Ёнер тĕсĕсем (музыка ёнерĕ; театр ёнерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной ёнер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала ħслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеçĕ

Редакцие шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

Тән редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГҖИ директорё,
филол. әсләл. д-рё, доц.

Тән редактор сүмё

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГҖИ директорён әсләләхпа
аталану енёпе ёслекен сүмё, филол. әсләл. канд., доц.

Яваплә редактор

Леонтьев Алексей Петрович — ЧПГҖИ әсләләх аслә ёштешё,
ист. әсләл. канд.

Редакци канашё

Аврутина Аполлиария Сергеевна — филол. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Ахметова Лейла Сейсембековна — ист. әсләл. д-рё (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. әсләл. д-рё (Бишкек, Кәркәсстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. әсләл. д-рё (Тирасполь, Днестрсүм)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рё (Мускав, Раçсей)
Напольнова Елена Марковна — филол. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. әсләл. д-рё (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийё

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Бойко Иван Иванович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. әсләл. д-рё (Самар, Раçсей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Иванов Виталий Петрович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Иванова Алена Михайловна — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. әсләл. д-рё (Владивосток, Раçсей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рё (Ижевск, Раçсей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Салмин Антон Кириллович — ист. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. әсләл. д-рё (Владикавказ, Раçсей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. әсләл. д-рё (Пенза, Раçсей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рё (Хусан, Раçсей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Завьялов А. И., Якунов И. А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОГО ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 1056 В САРАТОВЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	10
<i>Кирчанов М. В.</i> FIN DE SIÈCLE В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЕ	18
<i>Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А.</i> НОВАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭНЕРГЕТИКОВ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	30
<i>Краснов П. С.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШИИ (1985 — 2000): К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ	39
<i>Кропачев С. А.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	58
<i>Сараев А. С.</i> «СУВАР» — ГОРОД ИЛИ НАРОД? (ИСТОРИОГРАФИЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА И ДИСКУССИЯ 1960 — 1980-Х ГОДОВ	66
<i>Серазетдинов Б. У.</i> ЭКОНОМИКА ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ СТРАНЫ)	82
<i>Смирнова Н. Б.</i> ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1945 — 1949 ГОДАХ	96
<i>Шайдуллин Р. В.</i> ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК-РАДИСТ СЕРЖАНТ М. З. САБИРОВ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ	114

Филологические науки

<i>Никифорова В. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (2000 — 2020)	124
<i>Софронова И. В.</i> РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ ЛИРО-ЭПИКИ 2011 — 2020 ГОДОВ	137

Виды искусства (музыкальное искусство)

<i>Кондратьев М. Г.</i> МАСТЕР П. Е. ВОЛКОВ И «ЗНАМЕНИТЫЕ ГУСЛИ» ШЕРЕМЕТЕВСКОГО ДВОРЦА	144
<i>Малинина А. А.</i> ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЖИВОПИСИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	155

Рецензии

<i>Виноградов Ю. М.</i> РАБОТА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИССЛЕДОВАНИЮ ГОВОРА РОДНОЙ ДЕРЕВНИ	169
---	-----

Научная жизнь

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	172
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	174

CONTENTS

Historical Sciences

<i>Zavyalov A. I., Yakupov I. A.</i> THE ACTIVITIES OF THE SARATOV SPECIALIZED NEUROSURGICAL EVACUATION HOSPITAL No 1056 DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	10
<i>Kirchanov M. V.</i> FIN DE SIÈCLE IN EARLY SOVIET CHUVASH PROSE	18
<i>Koroleva T. V., Kotlova T. B., Budnik G. A.</i> THE INNOVATIVE ACTIVITIES OF URAL POWER ENGINEERS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR	30
<i>Krasnov P. S.</i> SOCIO-POLITICAL HISTORY OF CHUVASHIA (1985 — 2000): TOWARDS A HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM	39
<i>Kropachev S. A.</i> ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF RUSSIA ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	58
<i>Saraev A. S.</i> “SUVAR” — CITY OR NATION? (HISTORIOGRAPHY OF 19th — EARLY 20th CENTURIES AND THE DISCUSSION OF THE 1960s — 1980s).	66
<i>Serazetdinov B. U.</i> THE MILITARY ECONOMY OF THE CHUVASH ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (THE MATERIALS OF THE CENTRAL ARCHIVES OF THE COUNTRY)	82
<i>Smirnova N. B.</i> CRIMINAL PROSECUTION FOR POLITICAL REASONS OF FOREIGN WAR PRISONERS AND THE INTERNEES ON THE TERRITORY OF CHUVASHIA IN 1945 — 1949	96
<i>Shaidullin R. V.</i> WIRELESS OPERATOR AND AIR GUNNER SERGEANT M. Z. SABIROV: LIFE IN THE NAME OF VICTORY	114

Philological Sciences

<i>Nikiforova V. V.</i> THE PROBLEM OF RUSSIAN-LANGUAGE PROSE IN THE CONTEXT OF MODERN CHUVASH LITERATURE (2000 — 2020)	124
<i>Sofronova I. V.</i> DEVELOPMENT OF CHUVASH LYRIC-EPIC IN THE PERIOD OF 2011 — 2020	137

Arts (musical arts)

<i>Kondratiev M. G.</i> THE MASTER P. E. VOLKOV AND “THE FAMOUS GUSLI” OF THE SHEREMETEV PALACE	144
<i>Malinina A. A.</i> THE HISTORY OF CHUVASH PAINTING IN ART CRITICISM	155

Reviews

<i>Vinogradov Yu. M.</i> WORK DEDICATED TO THE STUDY OF THE DIALOGUE OF THE NATIVE VILLAGE	169
--	-----

Scientific life

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “SLAVIC-TURKIC WORLD: HISTORY AND MODERNITY”	172
<i>REQUIREMENTS FOR ARTICLES</i>	174

ТУПМАЛЛИ

Истори аслаһәсем

Завьялов А. И., Якупов И. А.

САРАТОВРИ НЕЙРОХИРУРГИН ЯТАРЛА 1056-МЁШ ЭВАКОГОСПИТАЛЁН
ТАВАН ҶЁР-ШЫВАН АСЛА ВАРҶИ ВАХАТЁНЧИ ЁҶЁ 10

Кирчанов М. В.

«ЁМЁР ПЁТМЁШЁ» ЧАВАШ СОВЕТ ПРОЗИН ПУҶЛАМАШ ТАПХАРЁНЧЕ 18

Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А.

УРАЛ ЭНЕРГЕТИКЁСЕН ТАВАН ҶЁР-ШЫВАН АСЛА ВАРҶИН
ҶУЛЁСЕНЧИ ҶЁНЕТУҶЁ ЁҶЁ-ХЁЛЁ 30

Краснов П. С.

ЧАВАШ ЕНЁН ОБЩЕСТВО-ПОЛИТИКА ИСТОРИЙЁ (1985 — 2000):
ИСТОРИОГРАФИ ПРОБЛЕМИ ТАВРА 39

Кропачев С. А.

РАҶҶЕЙ ХАЛАХЁН ТАВАН ҶЁР-ШЫВАН АСЛА ВАРҶИ УМЁНХИ НАЦИ ЙЫШЁ 58

Сараев А. С.

«САВАР» — ХУЛА-И Е ХАЛАХ-И? (ХІХ — ХХ ЁМЁР ПУҶЛАМАШЁНЧИ
ИСТОРИОГРАФИ ТАТА 1960 — 1980-МЁШ ҶУЛСЕНЧИ ДИСКУССИ) 66

Серазетдинов Б. У.

ЧАВАШ АССР ЭКОНОМИКИ ТАВАН ҶЁР-ШЫВАН АСЛА ВАРҶИН
ҶУЛЁСЕНЧЕ (ҶЁР-ШЫВАН ТЁП АРХИВЁСЕН МАТЕРИАЛЁСЕМ ТАРАХ) 82

Смирнова Н. Б.

1945 — 1949 ҶУЛСЕНЧЕ ЧАВАШ ЕН ТЕРРИТОРИЙЁНЧЕ ЮТ ҶЁР-ШЫВСЕН
ҶЫННИСЕНЕ — ТЫТКАНА ЛЕКНИСЕНЕ ТАТА ИРЁКСЁР ТЫТСА
ЧАРНИСЕНЕ — ПОЛИТИКА САЛТАВЁПЕ УГОЛОВЛА ЯВАП ТЫТТАРНИ 96

Шайдуллин Р. В.

СЫВЛАШ СТРЕЛОК-РАДИСЧЁ М. З. САБИРОВ СЕРЖАНТ:
ҶЁНТЕРУШЁН ПАНА ПУРНАҶ 114

Филологи аслаһәсем

Никифорова В. В.

ХАЛЪХИ ЧАВАШ ЛИТЕРАТУРИ ХУТЛАХЁНЧИ ВЫРАС ЧЁЛХИЛЛЁ
ПРОЗА БЫТАВЁ ПИРКИ (2000 — 2020) 124

Софронова И. В.

ЧАВАШ ЛИРО-ЭПИКИН 2011 — 2020 ҶУЛСЕНЧИ АТАЛАНАВЁ 137

Ўнер тәсәсем (музыка ўнерё)

Кондратьев М. Г.

П. Е. ВОЛКОВ АСТА ТАТА ШЕРЕМЕТЕВ КЕРМЕНЁН «ЧАПЛА КЁСЛИ» 144

Малинина А. А.

ЧАВАШ ЖИВОПИСЁН ИСТОРИЙЁ ЎНЕР ТЁПЧЕВ ЛИТЕРАТУРИНЧЕ 155

Рецензисем

Виноградов Ю. М.

ТАВАН ЯЛ ПУПЛЕВНЕ ТЁПЧЕНЁ ЁҶ 169

Аслаһә пурнаҶё

«СЛАВЯН-ТЁРЁК ТЁНЧИ: ИСТОРИ ТАТА ХАЛЪХИ САМАНА»

ХАЛАХСЕН ХУШШИНЧИ П АСЛАЛАХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙЁ 172

СТАТЬЯСЕНЕ МЁНЛЕ ҶЫРМАЛЛА 174

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES /
ИСТОРИЯ АСЛАЛАХЪСЕМ**

УДК 616.8-089:355.721(470.44-21саратов)(091)"1941-1945"(045)
ББК 56.13г+58,9+63.3(2)622(2-2Саратов)

Научная статья

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО
НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОГО ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 1056
В САРАТОВЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А. И. Завьялов¹, И. А. Якупов²

¹ Национальный научно-исследовательский институт
общественного здоровья им. Н. А. Семашко,
г. Москва, Россия
ark.zavyalow@yandex.ru

² Московский научно-практический центр
дерматовенерологии и косметологии,
г. Москва, Россия
yailyas@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена организации и деятельности специализированного нейрохирургического эвакогоспиталя № 1056 в г. Саратове по оказанию медицинской помощи и реабилитации раненых военнослужащих в период Великой Отечественной войны. Только в течение первого года работы эвакогоспиталя нейрохирургами было выполнено 987 операций на головном и спинном мозге и периферической нервной системе. Нейрохирургами госпиталя были разработаны современные методики лечения огнестрельных черепно-мозговых травм и опухолей, получившие широкое их применение в эвакогоспиталях страны в годы войны.

Ключевые слова: нейрохирургический эвакогоспиталь № 1056, Саратов, Великая Отечественная война, лечебно-диагностическая работа

Для цитирования: Завьялов А. И., Якупов И. А. Деятельность специализированного нейрохирургического эвакогоспиталя № 1056 в Саратове в период Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 10 — 17

© Завьялов А. И., Якупов И. А., 2025

Scientific article

**THE ACTIVITIES OF THE SARATOV SPECIALIZED
NEUROSURGICAL EVACUATION HOSPITAL No 1056
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

A. I. Zavyalov¹, I. A. Yakupov²

¹ N. A. Semashko National Research Institute of Public Health,
Moscow, Russia
ark.zavyalow@yandex.ru

² Moscow Scientific and Practical Center
of Dermatovenereology and Cosmetology,
Moscow, Russia
yailyas@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the organization and activities of the Saratov specialized neurosurgical evacuation hospital No 1056 to provide medical care and rehabilitation to

wounded servicemen during the Great Patriotic War. During the first year of evacuation hospital operation neurosurgeons performed 987 operations on the brain, spinal cord and peripheral nervous system. The hospital's neurosurgeons developed modern methods for treating gunshot traumatic brain injuries and tumors which were widely used in the country's evacuation hospitals during the war.

Keywords: neurosurgical evacuation hospital No 1056, Saratov, the Great Patriotic War, medical and diagnostic work.

For citation: Zavyalov A. I., Yakupov I. A. The activities of the Saratov specialized neurosurgical evacuation hospital No 1056 during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(3):10 — 17

Аслалӑх статийи

САРАТОВРИ НЕЙРОХИРУРГИН ЯТАРЛА 1056-МӐШ ЭВАКОГОСПИТАЛӐН ТАВАН ҶӐР-ШЫВӐН АСЛА ВӐРҶИ ВӐХӐТӐНЧИ ӐҶӐ

А. И. Завьялов¹, И. А. Якупов²

¹ Общество сывлӑхӑн Н. А. Семашко ячӑллӑ наци аслалӑх тӑпчев институтӑ,
Мускав, Раҫҫей
ark.zavyalow@yandex.ru

² Дерматовенерологие косметологин Мускав аслалӑх-практика центрӑ,
Мускав, Раҫҫей
yailyas@mail.ru

Аннотаци. Статъяна нейрохирургин Саратов хулинчи ятарла 1056-мӑш эвакогоспитальне йӑркеленине тата унӑн ӑсене халалланӑ, унта Тӑван ҫӑр-шывӑн Асла вӑрҫи вӑхӑтӑнче аманнӑ ҫар ҫыннисене сипленӑ тата реабилитациленӑ. Эвакогоспиталь ӑҫленӑ малтанхи ҫултах нейрохирургсем пуҫ мимине тата ҫурӑм шӑммине, перифери нерв тытӑмне сиплеме 987 операци тунӑ. Госпиталь нейрохирургӑсем пуля е мина-снаряд, бомба ванчӑкӑ лекнипе пулнӑ сурансене, шыҫӑсене сиплемелли хальхи меслетлӑхсем аҫлайланӑ, вӑсемпе вӑрҫӑ вӑхӑтӑнче ҫӑр-шыври эвакогоспитальсенче анлӑн усӑ курнӑ.

Тӑп сӑмахсем: 1056-мӑш нейрохирурги госпиталь, Саратов, Тӑван ҫӑр-шывӑн Асла вӑрҫи, сиплев-диагностика ӑҫӑ

Цитатӑлама: Завьялов А. И., Якупов И. А. Саратоври нейрохирургин ятарла 1056-мӑш эвакогоспитальн Тӑван ҫӑр-шывӑн Асла вӑрҫи вӑхӑтӑнчи ӑҫӑ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 10 — 17

Введение

Развертывание тыловых эвакуационных госпиталей тыла страны на территории Саратовской области было обусловлено наличием в 1941 г. квалифицированных медицинских кадров (более 2400 врачей), 10 500 коечного фонда в клиниках медицинского института и больницах, общественных зданий для размещения раненых и больных, а также хорошо развитой сети коммуникаций, промышленности и сельского хозяйства. В результате проведенной напряженной работы к 1 июля 1942 г. была развернута работа 77 эвакогоспиталей различного профиля на 48 262 койки.

В общей структуре из поступивших раненых и больных в эвакогоспитали составляли раненые (81,7 %), больные (10,2 %) и обмороженные (5,6 %). В специализированном нейрохирургическом эвакогоспитале Саратова № 1056 были сконцентрированы в основном пациенты с тяжелыми ранениями головы, шеи и позвоночника и составляли около 5 % от всех раненых, находившихся в хирургических эвакогоспиталях региона.

Материалы и методы

В статье использованы архивные документы Государственного архива Саратовской области: полугодовые и годовые отчеты и справки руководителей о деятельности нейрохирургического госпиталя № 1056, научные разработки по внедрению новых методов лечения огнестрельных черепно-мозговых травм и опухолей у раненых военнослужащих в период Великой Отечественной войны. Кроме того, ценными источниками явились отдельные фрагменты материала из пособия, опубликованного сотрудниками Саратовского медицинского университета, отражающего деятельность всех эвакуогоспиталей, находившихся на территории Саратовского региона.

Основу научного исследования составили сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Плановая работа по развертыванию тыловых эвакуогоспиталей в Саратове началась 24 июня 1941 г. под руководством сформированного Управления местного эвакуационного пункта (УМЭП-45), то есть уже на третий день после начала Великой Отечественной войны. Для размещения эвакуогоспиталей администрацией города выделялись помещения в школах, институтах, техникумах, гостиницах и санаториях. При этом учитывались возможности в выделенных помещениях организации санпропускников, пищеблоков, хирургических отделений с операционным и пищевым блоками и перевязочной, отвечающих уровню всех медицинских и санитарно-технических требований. Уже в июле 1941 г. коечный фонд всех эвакуогоспиталей составлял 17 062 койки. Во время развертывания эвакуогоспиталей одновременно проводилась специализация коечного фонда в соответствии со структурой санитарных потерь действующей армии и потребностями фронтов, которые проводят эвакуацию раненых и больных в госпитали УМЭП-45 [1, с. 8].

В общей структуре поступавших раненых в эвакуогоспитали хирургического профиля 7,7 % составляли ранения в области головы, шеи и позвоночника, которые направлялись для оказания специализированной медицинской помощи в три госпиталя нейрохирургического профиля, находившиеся в г. Саратове. Один из наиболее крупных нейрохирургических эвакуогоспиталей (№ 1056) располагался в Саратове на углу улицы Радищева и площади Революции в здании зооветеринарного института (дом построен купцом В. Д. Вакуровым в 1874 г.) на основании решения исполнительного комитета Саратовского областного совета трудящихся от 6 сентября 1941 г. В соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 25 августа 1941 г. эвакуогоспиталь № 1056 Наркомата обороны № 22 от 13 сентября 1941 г. был эвакуирован из Полтавы в Саратов, который по прибытию (25 сентября 1941 г.) размещен в здании зооветеринарного института¹. Работа по развертыванию эвакуогоспиталя проводилась под руководством начальника военврача I ранга А. Вадова согласно намеченному мобилизационному плану Саратовского облздравотдела. В первую очередь была организована работа по проведению ремонта помещений, отведенных под лечебное учреждение, подъездных путей к основному зданию, подготовка водопроводной и канализационной сетей к зимним условиям. Кроме того, сделан трехмесячный запас топлива для обогрева помещений и запас фуража для лошадей с учетом потребности в нем до нового урожая².

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2303. Оп. 3. Д. 9. Л. 37 — 38.

² Там же. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 122. Л. 81 — 81 об.

Первоначально нейрохирургический эвакуогоспиталь № 1056 был развернут на 620 коек и выполнял смешанные функции лечебного учреждения как гарнизонного, так и эвакуационного госпиталя, в котором располагались пять отделений, из них: хирургическое (на 150 коек), терапевтическое (на 250 коек), неврологическое (на 100 коек), оториноларингологическое (на 50 коек) и глазное (на 70 коек).

В эвакуогоспитале согласно штатному расписанию работали 19 врачей: начальник госпиталя, 5 начальников отделений, 6 ординаторов, 5 кабинетных врачей и начальник медчасти, а также 37 медицинских сестер, из них старших — 6, операционных — 1, палатных — 26 и кабинетных — 4.

В качестве консультантов в госпиталь были приглашены профессора-хирурги медицинского института: С. Р. Миротворцев, С. Х. Архангельский, Н. И. Краузе, Н. В. Захаров, невропатолог К. Н. Третьяков и ведущий нейрохирург г. Саратова В. М. Угрюмов, которые внесли весомый вклад в оказание высококвалифицированной медицинской помощи раненым в область головы и шеи [1, с. 10, 11, 20, 21; 5, л. 62].

В начале января 1942 г. комиссией облздравотдела была проведена проверка готовности работы эвакуогоспиталя № 1056 для оказания лечебно-диагностической помощи раненым военнослужащим. В акте комиссии от 14 января 1942 г. зафиксировано, что в учреждении имеется санпропускник с четырьмя душевыми кабинками, располагавшийся в четырех небольших комнатах, рядом с приемным отделением. Пропускная способность кабин составляла до 15 чел. в час. Несмотря на все усилия начальника госпиталя капитана I ранга Н. Видова, запланированные ремонтные работы не были завершены в указанные сроки в полном объеме в связи недостаточным финансированием, выделением стройматериалов и нехваткой рабочих рук. В акте комиссии указывались многочисленные недоделки в подготовке эвакуогоспиталя к приему раненых: не завершен ремонт крыши госпиталя и подвального помещения, не произведена замена старой электропроводки. В связи с протеканием крыши в палатах сыро, а температура воздуха не превышает +16 — 18 С°.

Операционная не была надлежащим образом оборудована для проведения операций. Вместо стандартных специальных операционных столов имелись лишь просто деревянные столы. Отсутствовала некоторая операционная аппаратура, недостаточно было зажимов и масок для наркоза.

Также отмечается, что сортировка больных и раненых в госпитале проводится по тяжести болезни или ранения. Уход за тяжелыми больными и ранеными осуществляется круглосуточно и при необходимости индивидуально. Лечебно-диагностическая работа в отделениях и ведение историй болезней вполне удовлетворительное. Однако в ряде случаев окончательные диагнозы пациентам, находящимся в госпитале, устанавливаются лишь на 5 — 10-е сутки. Отмечены недостатки в обеспечении лекарствами и перевязочным материалом. В лаборатории не хватало реактивов для проведения исследований, стекол и лабораторной посуды; в рентген-кабинете часто отсутствовала пленка и рентгеновские снимки делали на фотобумаге, где их качество было очень низким (лишь один из четырех снимков удовлетворял своим качеством). Часто отсутствовал серноокислый барий (контрастное вещество), применявшийся при проведении рентгенографии желудка и двенадцатиперстной кишки. Кабинеты лечебной физкультуры и физиотерапии имели достаточное оснащение и были полностью укомплектованы медицинским персоналом.

В конце акта проверки деятельности эвакогоспиталя № 1056 были сделаны предложения в адрес Саратовского облздравотдела: обеспечить устранение отмеченных в акте недостатков в постановке лечебно-диагностической работы в течение 5 дней и необходимым инвентарем, инструментарием и аппаратурой в течение 7 дней.

Отмечалась необходимость просить санитарный отдел Приволжского военного округа об оказании командованию госпиталя содействия в снабжении овощами и минимальным количеством молока для тяжелораненых. Кроме того, следовало поставить вопрос перед командованием военного округа и прокуратурой о невыполнении Военстроем договора на проведение сантехнических работ в госпитале, которые были заблаговременно оплачены³.

В период Сталинградской битвы, когда раненые непрерывным потоком поступали в прифронтовой Саратов, врачи нейрохирургического госпиталя № 1056 получили богатый клинический опыт по невропатологии, разработали новые современные методы диагностики, консервативной терапии и проведении хирургического лечения. Только за 11 месяцев (с 1 июля 1942 по 1 июня 1943 г.) в эвакогоспитале было произведено 1436 операций, из них на головном мозге — 529, периферической нервной системе — 447, на спинном мозге — 11 и общехирургических операций — 449.

Несмотря на тяжелые и напряженные условия труда в госпитале врачи наряду с лечебной работой активно занимались научной деятельностью и участвовали в заседаниях научных медицинских обществ Саратова: хирургическом и терапевтическом, а медицинские сестры посещали курсы повышения квалификации по гипсовой технике, массажу, по инфекционным болезням и уходу за больными.

В начале 1942 г. коечный фонд эвакогоспиталя был увеличен до 700 коек и располагал четырьмя отделениями. Поступавшие на лечение раненые распределялись в зависимости от их способности к самостоятельному передвижению. Так, ходячие пациенты и с ранениями верхних конечностей направлялись в палаты, располагавшиеся на 3-м этаже здания, а лежащие — на первых двух этажах основного корпуса. Раненые с поражением мозга находились в отдельной палате, а с поражением центральной и периферической нервных систем — во всех отделениях.

В эвакогоспитале в течение первого года работы значительно улучшилось материально-техническое обеспечение кабинетов: физиотерапевтического, рентгеновского и лечебной физкультуры; операционный блок и перевязочные были организованы правильно и соответствовали требованиям лечебного учреждения, что позволяло в полном объеме оказывать лечебно-диагностическую и реабилитационную помощь раненым. На базе специализированного эвакогоспиталя были расположены две кафедры: биохимии Саратовского медицинского института (заведующий кафедрой профессор Н. Н. Ивановский) и гистологии с цитологией Ленинградского государственного университета, эвакуированного в Саратов в марте 1942 г. (заведующий кафедрой профессор Д. И. Дейнека, который одновременно являлся консультантом патолого-гистологического отделения эвакогоспиталя). Под руководством этих ученых проводилась большая научная работа совместно с сотрудниками клинических кафедр медицинского института, направленная на клиничко-лабораторные исследования при различной патологии военного времени⁴.

³ ГАСО. Ф. Р-2303. Оп. 3. Д. 42. Л. 1 — 5.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 86. Л. 8 — 8 об.

Разработанные нейрохирургом В. М. Угрюмовым методики лечения огнестрельных черепно-мозговых травм и опухолей, а также накопленный опыт операций при абсцессах мозга нашли широкое применение в эвакуогоспиталях нашей страны. Для контроля и регулирования внутричерепного давления во время проведения черепно-мозговых операций им был создан прибор, за который изобретатель получил авторское свидетельство⁵.

В. М. Угрюмов выступил с обобщающим докладом о результатах лечения абсцессов мозга после огнестрельных ранений на состоявшейся сессии нейрохирургического совета в Москве в декабре 1943 г., где его методика была одобрена присутствующими коллегами и рекомендована к применению на практике⁶.

Во время войны постоянно увеличивался поток раненых в эвакуогоспитали Саратова с ранениями в область головы и шеи. Так, если в 1942 г. количество раненых с таким диагнозом составляло 7,8 % от всех поступивших раненых в эвакуогоспитали хирургического профиля, то в 1945 г. оно достигло 12 %. В таблице представлены показатели исходов лечения раненых в специализированном нейрохирургическом эвакуогоспитале № 1056 г. Саратова за годы Великой Отечественной войны [1, с. 63].

Таблица

Итоги лечения раненых в специализированном нейрохирургическом эвакуогоспитале № 1056 г. Саратова за период Великой Отечественной войны (%)

Локализация ранений	Исходы			Всего
	В часть, краткосрочный отпуск	Уволено в запас и из рядов РККА	Умерло	
Голова	69,28	28,40	2,32	100
Шея	75,16	23,11	1,73	100
Позвоночник	62,73	27,21	10,06	100

В отчете в Управление эвакуогоспиталями Наркомздрава от 23 марта 1945 г. главный хирург отдела эвакуогоспиталями Саратовской области профессор С. Р. Миротворцев особо отметил высокую слаженность в работе коллектива эвакуогоспиталя № 1056 в 1944 г. и особенно ведущих врачей хирургов. Кроме того, в объяснительной записке к отчету он указывал: «Контингент раненых в 1944 г. преимущественно состоял из тяжелых больных с последствиями и осложнениями ранений центральной нервной системы. Проводились хирургические вмешательства по поводу эпилепсии, удалялись абсцессы мозга. Была разработана методика оперативного вмешательства при черепно-мозговых ранениях, сопутствующим ранениям лобных пазух. Применяется пенициллин, последний, правда, в ограниченном количестве ввиду малого поступления его в Саратов. Госпиталь прекрасно оснащен, имеет достаточные кадры и представляет солидную базу»⁷.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 29 августа 1945 г. и решением Саратовского облисполкома специализированный нейрохирургический эвакуогоспиталь № 1056 был реорганизован в межобластной нейрохирургический госпиталь на 400 коек⁸.

⁵ Архив Научно-исследовательского института травматологии, ортопедии и нейрохирургии Саратовского государственного медицинского института (НИИТОН СГМУ). Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.

⁶ ГАСО. Ф. Р-844. Оп. 3. Д. 33. Л. 156.

⁷ Там же. Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 54. Л. 36 об.

⁸ Там же. Д. 60. Л. 66.

Заключение

Таким образом, развертывание в г. Саратове эвакуогоспиталей по оказанию квалифицированной медицинской помощи раненым военнослужащим в специализированных нейрохирургических лечебных учреждениях сыграло существенную роль не только в общей системе лечебно-эвакуационного обеспечения, реабилитации в период Великой Отечественной войны в 1941 — 1945 гг., но и способствовало дальнейшему развитию нейрохирургической науки и практики в мирные дни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурылев Ю. А., Мурылев В. Ю. Организация работы эвакуогоспиталей тыла страны на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов. Саратов: Изд-во Саратовского медицинского университета, 2000. 64 с.

REFERENCES

1. Murylev Y. A., Murylev V. Y. The organization evacuation hospitals' work of the hinterlands on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War of 1941 — 1945. Saratov, 2000: 64. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.03.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 23.07.2025

Информация об авторах:

Завьялов Аркадий Иванович, ведущий научный сотрудник
Национального научно-исследовательского института
общественного здоровья им. Н. А. Семашко
(105064, г. Москва, ул. Воронцово Поле, д. 12, стр. 1),
доктор медицинских наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3982-6013>, ark.zavyalow@yandex.ru

Якупов Ильяс Абдуллович, заведующий филиалом
«Зеленоградский» Московского научно-практического центра
дерматовенерологии и косметологии
(124575, г. Москва, г. Зеленоград, корп. 910),
кандидат медицинских наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-829X>, yailyas@mail.ru.

Вклад авторов:

Завьялов А. И. — критический анализ и научное редактирование;
Якупов И. А. — сбор данных и анализ литературы, проведение
критического анализа материалов, формулирование выводов
и рекомендаций, подготовка текста статьи.

*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 23.03.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 23.07.2025

Information about the authors:

Arkady I. Zavyalov, leading researcher of N. A. Semashko
National Research Institute of Public Health,
(building 1, 12, Vorontsovo Pole St., Moscow, 105064),
Doctor of Medical Sciences, Associate Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3982-6013>, ark.zavyalow@yandex.ru

Ilyas A. Yakupov, Head of the Zelenograd branch of the Moscow Scientific
and Practical Center for Dermatovenereology and Cosmetology
(office 910, Zelenograd, Moscow, 124575),
Candidate of Medical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-829X>, yailyas@mail.ru

Contribution of the authors:

Zavyalov A. I. — critical analysis and scientific editing of the text;
Yakupov I. A. — collecting data and analyzing literature,

conducting a critical analysis of materials, formulating conclusions
and recommendations, preparing the text of an article.

*Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.
The authors has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 23.03.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗан 21.07.2025 ырланӗ; 23.07.2025 пичете йышӗннӗ

Авторсем җинчен:

Завьялов Аркадий Иванович, Общество сывлӗхӗн Н. А. Семашко ячӗллӗ
наци ӗслӗлӗх тӗпчев институчӗн ӗслӗлӗх ертӗҗӗ ӗҗтешӗ
(105064, Мускав, Воронцов Уйӗ, 12-мӗш җурт, 1),
медицина ӗслӗлӗхӗсен докторӗ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3982-6013>, ark.zavyalow@yandex.ru

Якупов Ильяс Абдуллович, дерматовенерологипе косметологин
Мускав ӗслӗлӗх-практика центрӗн «Зеленоградский» филиал пуҗлӗхӗ
(124575, Мускав, Зеленоград хули, 910 корп.),
медицина ӗслӗлӗхӗсен кандидаҗӗ,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-829X>, yailyas@mail.ru/

Авторсен тӗпи:

Завьялов А. И. — критика тишкерӗвӗ, ӗслӗлӗх редакцийӗ;
Якупов И. А. — хыпарсем пуҗтарнӗ, литературӗна тишкернӗ,
материалсене хак панӗ, пӗтӗмлетӗсемпе сӗнӗсем хатӗрлесе
йӗркеленӗ, текста пичете хатӗрленӗ.

*Пайталӗх конфликтӗ: авторсем пайталӗх конфликтӗ җуккине пӗлтерӗҗӗ.
Авторсем ал җырӗвӗн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.*

УДК 821.512.111
ББК 83.3(2=635.1)

Научная статья

FIN DE SIÈCLE В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЕ

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотация. Цель исследования — анализ fin de siècle как переходного культурного и интеллектуального состояния в развитии чувашской идентичности, представленной в текстах Çeçpĕl Мишши (Михаила Сеспеля) и Хумма Çеменĕ (Семена Фомина). Автор разбирает различные формы воображения и изобретения состояния fin de siècle в ранней советской чувашской прозе и полагает, что этот культурный феномен актуализировал противоречия динамично модернизирующегося общества, пребывавшего в состоянии советизации литературного дискурса. Новизна исследования состоит в комплексном анализе явления «конца века» в истории чувашской литературы как формы развития национализма и идентичности в конце 1910-х — начале 1930-х гг. В статье проанализированы: 1) элементы культурного дискурса «конца века» в рассказе Çeçpĕl Мишши «Дети леса»; 2) трансформация и развитие восприятия состояния fin de siècle в прозе Хумма Çеменĕ; 3) роль и значение дискурса fin de siècle в трансформации чувашской идентичности и национализма в конце 1910-х — начале 1930-х гг. Предполагается, что развитие нарративов, формировавших культурный канон исторического и социального состояния «конца века» в чувашской идентичности, протекало дискретно. Изучены литературные формы fin de siècle, определяемые как одна из изобретенных традиций чувашской идентичности и национализма. На взгляд автора, в период «конца века» чувашская идентичность развивалась на фронтире социально-исторических времен, завися от политической конъюнктуры в контекстах синтеза ценностей культурного национализма с принципами идеологического дискурса.

Ключевые слова: чувашский национализм, чувашская идентичность, чувашская литература, fin de siècle, Çeçpĕl Мишши, Хумма Çеменĕ, советизация

Для цитирования: Кирчанов М. В. Fin de siècle в ранней советской чувашской прозе // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 18 — 29

© Кирчанов М. В., 2025

Scientific article

FIN DE SIÈCLE IN EARLY SOVIET CHUVASH PROSE

M. V. Kirchanov

Voronezh State University,
Voronezh, Russia
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Abstract. The aim of the study is to analyze fin de siècle as a transitional cultural and intellectual state in the development of the Chuvash identity. The texts of Çeçpĕl Mishshi (Mikhail Sespel) and Khumm Çemenĕ (Semyon Fomin) have been analyzed. The author studies various forms of imagination and invention of fin de siècle state in early Soviet Chuvash prose. This cultural phenomenon is supposed to actualize the contradictions of a dynamically modernizing society being in a state of Soviet era literary discourse. The novelty of this study is the comprehensive analysis of the “the end of the century” phenomenon in the history of the Chuvash literature. The author analyzes literature as a form nationalism and identity development in the late 1910s — early 1930s. The article analyzes the elements of the cultural discourse “the end of the century” in the story “Children of the Forest” by Çeçpĕl Mishshi. The transformation and development of the perception

“fin de siècle” state in the prose of Humm Zemenĕ have been studied. The role and significance of the discourse fin de siècle in the transformation of the Chuvash identity and nationalism in the late 1910s — early 1930s have been revealed. The development of narratives is supposed to have formed the cultural canon of the historical and social state of “the end of the century” in the Chuvash identity and it was discretely. The literary forms of fin de siècle to be as one of the invented traditions of the Chuvash identity and nationalism have been studied. According to the author, the Chuvash identity developed on the frontier of socio-historical times depending on the political situation in the contexts of the synthesis of cultural nationalism values with the principles of ideological discourse in fin de siècle period.

Keywords: Chuvash nationalism, Chuvash identity, Chuvash literature, fin de siècle, Çeçпĕл Mishshi, Khumma Çemenĕ, the Soviet era

For citation: Kirchanov M.V. Fin de siècle in early Soviet Chuvash prose // Modern humanities. 2025;1(3):18 — 29

Āслăлăх статийи

«ĖМĖР ПĖТМĖШĖ» ЧĂВАШ СОВЕТ ПРОЗИН ПУСЛАМĂШ ТАПХĂРĖНЧЕ

М. В. Кирчанов

Воронеж патшалăх университетĕ,
Воронеж хули, Раçсей
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотаци. Тĕпчев тĕллевĕ — Çеçпĕл Мишшипе Хумма Çеменĕн тексĕсенче сăнланнă чăваш пĕрешкеллĕхĕн аталанăвĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшне» культурăпа интеллект тăрăмĕ пек тишкересси. Автор чăваш совет прозин малтанхи тапхăрĕнчи fin de siècle пулăмăн Ā сăнарланăвĕпе Āслайĕн тĕрлĕ хапине пăхса тухать, культурăн çак феноменĕ тулли куçăмлăн çенелсе аталанакан обществăн хире-хирĕçлĕхĕсене çивĕçлетнине, литература дискурсĕ советланса пынине палăртать. Тĕпчев çенĕлĕхĕ — чăваш литературин историйĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» пулăма ыхăнуллăн сўтсе явни, Āна 1910 çулсен вĕçĕнчи — 1930-мĕш çулсен пусламăшĕнчи национализмпа пĕрешкеллĕх аталанăвĕн уйрăмĕнĕ пек хаклани. Статъяра çак ыйтусене тишкернĕ: 1) Çеçпĕл Мишшин «Вăрман ачисем» калавĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» культура дискурсĕн элеменчĕсем; 2) Хумма Çеменĕн прозинче fin de siècle улшăнса пыни тата туйăм шайĕнче аталанни; 3) чăваш пĕрешкеллĕхĕпе национализмĕ 1910 çулсен вĕçĕнче — 1930-мĕш çулсен пусламăшĕнче улшăнса пынинчи fin de siècle вырăнĕпе пĕлтерĕшĕ. Чăваш пĕрешкеллĕхĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕн» истори-социо йĕрке-тăрăмне тытăмлакан нарративсен аталанăвĕ татакăн-татакăн пулса пынă теме май пур. Fin de siècle пулăмăн литература хаписене тĕпченĕ, вĕсем чăваш пĕрешкеллĕхĕн Āслай традицийĕсенчен пĕри пек пайăрланаççĕ. Автор шухăшĕпе — «Ėмĕр пĕтмĕшĕн» тапхăрĕнче чăваш пĕрешкеллĕхĕ социо-истори вăхăчĕсен чиккинче аталаннă, политика конъюнктурине пăхăннă, вăл вара культура национализмĕн хаклăхĕсемпе идеологи дискурсĕн принципĕсен синтез ыхăнăвĕсенчен тухса тăнă.

Тĕп сăмахсем: чăваш национализмĕ, чăваш пĕрешкеллĕхĕ, чăваш литератури, fin de siècle, Çеçпĕл Мишши, Хумма Çеменĕ, советлану

Цитатăлама: Кирчанов М. В. «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» чăваш совет прозин пусламăш тапхăрĕнче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 18 — 29

Введение

На протяжении XIX и XX столетий национализм стал универсальной политической и культурной категорией, существенно повлияв на основные векторы и траектории развития западных обществ. Во второй половине XIX в. начинается развитие национализма миноритарных групп на территории Российской империи. К таким сообществам относились и чуваши. Процессы социальной, политической

и культурной модернизации среди чувашей начались поздно в сравнении с другими миноритарными группами Российской империи. Тем не менее они привели к радикальным трансформациям в ранее архаичной и традиционной идентичности в направлении ее превращения в идентичность современной политической гражданской нации.

В такой ситуации для развития чувашской идентичности второй половины XIX — начала XX в. была присуща замедленная социальная динамика. Чувашаи позднее, чем другие меньшинства на территории России, вступили на путь политической модернизации. Замедленные темпы социальных перемен не помешали им пройти этот путь трансформации от преимущественно крестьянского сообщества в направлении политической нации не менее быстро, чем другие группы региона. Протекание ускоренной и форсированной, политически и идеологически мотивированной и санкционированной модернизации привело к развитию культурных и интеллектуальных диспропорций в чувашском историческом воображении. Среди этих новых культурных веяний оказалось и состояние *fin de siècle*, отражавшее одновременно как интенсивную скорость социальных перемен, так и общую незавершенность политических трансформаций, связанных со специфической развития чувашского национализма как периферийного [7].

Цель и задачи статьи

В современной историографии заметны диспропорции, в рамках которых «изучение национализма в значительной степени формировалось политологией, социологией и историей и было сосредоточено на условиях, при которых возникает национализм, хотя именно национальная литература стала не просто выражением характера нации, но и свидетельством ее заслуг и даже легитимности» [24, р. 99]. Это привело к вытеснению условно литературных сюжетов не менее условными историческими и политологическими дискурсами. Поэтому в центре внимания в представленной статье будут проблемы феномена *fin de siècle* как переходного состояния в развитии чувашской идентичности, локализуемой и представленной в литературных текстах. Целью статьи является анализ явления «конца века» в его текстуализированном выражении, фиксируемом в дискурсе чувашской литературы. В число задач входят: 1) изучение восприятия проблем идентичности в условиях переходного общества в текстах чувашских авторов; 2) выявление тенденций кризиса традиционной и архаичной идентичности как системной характеристики изучаемого периода, освещенного в чувашской литературе; 3) анализ исторической роли текстов, отражающих изучаемое состояние в интеллектуальной и культурной истории, а также в истории идей чувашской литературы.

Материалы и методы

Методологически статья основана на достижениях современной междисциплинарной историографии. Феномен *fin de siècle* рассматривается не только и не просто в контекстах исторической темпоральности и протекания исторического времени. Предпринята попытка изучить его как изобретенную традицию через призму истории идей. Последние нашли свое отражение в литературе, воспринимаемой в качестве основного элемента как национализма, так и формируемых им идентичностей [22].

В историографии, таким образом, показано, что «связь между нацией и ее эстетическим представлением» [1, р. 191] о себе как сообществе, отраженном преимущественно в литературе, носит системный характер. Воспринимая *fin de*

siècle как социальный и культурный конструкт, автор тем самым актуализирует в статье потенциал социального конструктивизма, который получил значительное распространение в западной историографии, но, к сожалению, практически не используется чувашскими и российскими историками и литературоведами для изучения истории современного состояния миноритарных литератур на территории Российской Федерации.

С одной стороны, автор использует исследовательскую оптику, в рамках которой процессы советизации чувашской идентичности и становление социалистического реализма воспринимается в контекстах ситуации fin de siècle. С другой, трансплантируя эту категорию в чувашские контексты, мы предполагаем возможным предложить расширенное видение прошлого. В рамках последнего «исследования соцреализма традиционно основываются на анализе продукта этой культуры (канона), но не процесса производства и потому практически не объясняют социальные истоки и культурные задачи сталинского искусства» [2, с. 10]. Такой подход предусматривает игнорирование рациональных уровней соцреализма. Как следствие, каноны, исторически возникшие в советских республиках, оказываются менее изученными. Поэтому подход автора статьи в значительной степени носит ревизионистский характер, подвергая пересмотру видение проблемы, представленное в предшествующей историографии. Таким образом, деконструируются изучаемые и анализируемые произведения. Деконструкция позволяет воспринимать их как нарративные конструкции. Последние формируют дискурс идентичности как результат деятельности националистов-интеллектуалов, ставших создателями современных национальных идентичностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Периферийные национализмы миноритарных групп на территории Российской империи второй половины XIX — начала XX в. отличались целым рядом существенных особенностей, определявших основные направления националистической модернизации. Нерусское население на территории Поволжья преобладало преимущественно в аграрных регионах [5], степень урбанизации и, как следствие, модернизация была незначительной, национальная буржуазия формировалась медленнее, чем у формального русского большинства.

Национализмы миноритарных групп были представлены преимущественно в языковой и культурной сферах. Слабое развитие политического национализма существенно замедлило процессы политизации идентичностей народов Российской империи, на протяжении длительного времени развивавшихся как преимущественно этнические, культурные и языковые движения. В историографии подчеркивается, что «литература внесла и продолжает вносить в артикуляцию национального сознания и в его роль в групповой мобилизации» [23, р. 211] едва ли не решающий и определяющий вклад. Поэтому «литература стала не только средством выражения и распространения националистических идей, но и самой мерой нации» [24, р. 98], что в максимальной степени справедливо в отношении литератур, которые явились следствием развития национально-освободительных движений миноритарных групп.

Дискурс национализма, сместившийся вынужденно из политической сферы в пространство литературного творчества и художественной активности, привел к появлению новых качеств в динамично меняющейся чувашской идентичности. Несмотря на то, что в историографии высказывается мнение, согласно которому «национальная и региональная литература едва ли одно и то же» [15, р. 599],

динамика развития миноритарного национального движения на региональном уровне указывает, что он в состоянии трансформировать литературы в национальные, сделав их пространством своего воспроизводства. Чувашская литература возникла в обществе с неполными социальными структурами, отразив противоречия ускоренной политической модернизации общества в XX в.

Для процессов модернизации в Чувашии была характерна определенная непоследовательность и наличие разрывов, вызванных политической динамикой в регионе. Чувашский культурный национализм оказался крайне зависимым от внутренней политической и идеологической конъюнктуры. История чувашской литературы как формы проявления идентичности характеризуется наличием многочисленных разрывов, что привело к периодическому повторению ситуации *fin de siècle*. Чувашские авторы активно рефлексировали относительно этой ситуации, став активными участниками процессов национального строительства. Именно они актуализировали противоречия эпохи, отражая последние в своих текстах и конструируя тем самым различные проекты чувашской политической, этнической и культурной идентичности.

Развитие чувашской литературы как формы проявления национализма в XX в. прошло через несколько периодов *fin de siècle*, совпавших с деятельностью, вероятно, наиболее ярких фигур в истории чувашской литературы, успевших внести свой вклад в развитие культурного национализма и идентичности. Параллельно эта ситуация была актуализирована и в истории политической мысли, что нашло отражение на страницах издания под красноречивым названием «Хыпар» («Весть») — первой чувашской газеты.

Чувашские интеллектуалы периодически актуализировали культурное состояние *fin de siècle* в своих текстах, отражая противоречия развития национализма. Показательным в этой ситуации стал вопрос, сформулированный Гурием Комиссаровым (Вандером) относительно экзистенциального измерения чувашского проекта. Реагируя на политические процессы, социальные перемены и ускорение исторического времени, Г. Вандер сформулировал вопрос радикально: «*Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?*»¹ [8]. Последующая политическая и культурная динамика, связанная с институционализацией как автономии, так и чувашской идентичности, показала, что проблема, затронутая Вандером, не утратила своей актуальности.

Первым автором, который внес существенный вклад в институционализацию явления *fin de siècle* в чувашской литературе, пытаюсь показать потенциал чувашей как нации и их способность адаптироваться к переменам, стал *Çеçпĕл Мишиши* — создатель современной чувашской идентичности и современной чувашской литературы [6]. Позднее это же состояние было актуализировано в текстах *Хумма Çеменĕ*, который в целом стимулировал процессы кодификации, стандартизации и укрепления одновременно национального и идеологического дискурса, предложенного *Çеçпĕл Мишиши*. Если Сеспель формировал дискурс, то Фомин действовал в рамках уже формально советского, то есть левого политического дискурса, стремясь при этом воспроизвести в своих текстах особенности чувашского проекта как националистического.

Первая попытка фиксации культурного интеллектуального состояния *fin de siècle* в чувашской литературе связана с деятельностью *Çеçпĕл Мишиши* [9]. Он

---

¹ Буквально: «Пойдет ли чувашский народ вперед, не пойдет ли?». Перевод Г. И. Комиссарова (Вандера): «Может ли чувашский народ иметь свое будущее?». — М. К.

стал фактически создателем как современной чувашской модерной идентичности, так и современной литературной традиции. Эта активность хронологически совпала с процессами советизации чувашского культурного дискурса [20]. Важнейшим источником, фиксирующим состояние *fin de siècle* в ранней современной чувашской литературе, стал рассказ «*Върман ачисем*» («Дети леса»). Текст основан на оппозиции двух исторических и социальных времен — архаичного как традиционного и современного как модернового, что актуализирует не только состояние конца времени, но и столкновения различных форм исторической темпоральности [19].

Один из героев рассказа, дед Ухилле, символизирует приверженность чувашей к традиционности и архаичному укладу жизни, основанному на синтезе языческих и православных традиций. Текст актуализирует чувство ностальгии относительно утрачиваемого прошлого: «Эх и времена пошли! Забывают люди обычаи дедов, а бывало, каждое полнолуние толпой собирались у старого дуба, теперь же за год — всего раза два, да и то кое-как. Да, забыли тебя, Великий киреметь, забыли!» [10, с. 204]. Состояние *fin de siècle* в прозе *Çеçнĕл Мишши* проявляется в оппозиции русского и чувашского миров: «Все киреметь да киреметь тебе, старый! Вот нагрянут русские, чем расплатимся за подати?» [10, с. 204]. Такая оппозиция в раннем советском чувашском литературном дискурсе указывает на определенную роль и значение этноцентризма, который не только стал основой национальной литературы, но и современного нарратива в ее историческом развитии [4, с. 135].

В этом контексте состояние *fin de siècle* делало явным столкновение двух культурных и социально-экономических укладов, основанных, с одной стороны, на традиционности, а с другой — на противостоящей ей экономической рациональности. Поэтому в рамках экономической конкуренции русские негативно воспринимают чувашей, используя почти исключительно традиционную и архаичную, то есть религиозную, аргументацию, называя их «чертовыми сынами» [10, с. 214]. Между этими двумя мирами в рассказе «*Върман ачисем*» присутствуют и национальные провал / разрыв, так как русские герои крайне негативно и скептически относятся к чувашам, предпочитая не воспринимать их в качестве равных партнеров, но стремясь к социальной и экономической дискриминации последних, что указывало на противоречие активно развивающегося российского капитализма на стыке XIX и XX вв., то есть в условиях фактического *fin de siècle*, который принудительно интегрировал в новые отношения миноритарные группы.

В подобных культурных ситуациях литература выступает в качестве фактора, который «характеризует историческое самосознание процесса строительства нации» [21, р. 19]. Поэтому герои рассказа «*Върман ачисем*» патетически декларируют: «О Боже! Боже! О великий дух у опушки леса, о бог лугов, как нам быть... забыли обычаи дедов — вот и пошли неурожай да голод, скотина мрет» [10, с. 206]. Символом столкновения старого и нового, самим олицетворением состояния *fin de siècle* становится сообщение о том, что русские собираются строить железную дорогу, по которой «телеги будут бегать без всяких лошадей» [10, с. 206], что воспринимаются не просто как нечто новое, но как подрыв самой традиции.

Символом нового времени, состояния *fin de siècle*, становится железная дорога, по которой «с грохотом и со свистом выскочило что-то из леса и бурей пронеслось мимо» [10, с. 212]. Попытка чувашей принять участие в строительстве

железной дороги приводит к человеческой и национальной трагедии, так как в рамках конкуренции с русскими большинство чувашей гибнет, будучи убитыми и утопленными. Единственной альтернативой для чувашей становится не адаптация и приспособление к вызовам *fin de siècle*, но попытка архаизации, то есть стремление актуализировать ресурсы коллективной исторической памяти как системной основы традиции. Поэтому «сердце Сюхеби опалило горем, ему пришли на память дальний дремучий лес, родная деревня, великий киреметь. Он пошел в лес, встал на колени перед деревом и начал молиться» [10, с. 216].

Завершение рассказа «*Върман ачисем*» в значительной степени является символическим, так как двое выживших чувашей, вернувшиеся с неудачного для них строительства железной дороги, то есть попытки фактического собственного отказа от традиции и приобщения к новому миру, увидели священный дуб упавшим. Этот факт является олицетворением состояния *fin de siècle*, в рамках которого столкнулись различные версии идентичности и разные социально-экономические уклады. Чуваша и русские, таким образом, оказались в состоянии непримиримой конкуренции и противостояния, символизируя различные модели исторической темпоральности, протекания исторического времени и реакции на эти изменения.

Fin de siècle отражено и в прозе Хумма Семенё 1920 — 1930-х гг. В его текстах мы фиксируем столкновение двух миров — традиционного и современного — в условиях постоянно углублявшихся тенденций советизации чувашского культурного и литературного дискурса. Последнее стало результатом его интеграции в широкий советский культурный канон. Эти процессы, институционализируя идеологические предписания социалистического реализма, фактически стимулировали процесс национального модерна, связанного с национализмом [17]. Носители традиционной чувашской идентичности оказываются в состоянии, когда «страшно сейчас в лесу! Страшен паровоз! Страшны солдаты с красными звездочками и штыками на винтовках» [14, с. 13].

Подобно прозе *Сеснёл Мишиши*, Хумма Семенё фиксировал столкновение русских и чувашей, что приводило к насилию: «Совсем близко прогремел ружейный залп. А-а-а убили! — громко взвизгнул Пракуш. И тут же замолк. — Пракуш! — кричу я. — Пракуш! — Но Пракуш не откликается... Пракуш молчит. Пракуш мертв. Страшно!» [14, с. 14]. В рамках такого видения мира, порожденного столкновением различных исторических эпох и социальных времен, различных моделей функционирования истории и самой темпоральности и культурной природы ее протекания [24], герои прозы Хумма Семенё уверены, что «если умирать, то лучше умирать в родной деревне» [11, с. 104]. Автор, таким образом, фиксировал наличие устойчивых связей между чувашскими локальными сообществами и формируемым образом родной земли. Последний позднее окажется интегрированным в концепты идентичности современной чувашской нации, став одной из изобретенных традиций.

Более того, само состояние *fin de siècle*, фактически описанное Хумма Семенё, воспринимается почти эсхатологически как конец исторического, чувашского, времени, когда «звезды над нами погасли, настала темная ночь: в такой темноте нас никто не увидит» [11, с. 110]. В подобной системе координат *fin de siècle* воспринимается как «страшное время» [14, с. 16]. Поэтому герой остается фактически один на один с природой как олицетворением архаичной традиции, будучи вынужденным выступать с мольбами в ее отношении: «Эй, облака!

Темные, грозные облака! Куда вы мчитесь? Куда торопитесь? Кто вас гонит? Да скажите же! Скажите! Но нет. Облака молчат. Облака не говорят» [14, с. 17]. С другой стороны — герой сталкивается с официальным восприятием состояния сопряжения, стыка и соприкосновения времен, когда священник декларирует, что «наступили страшные дни. Нет в мире спокойствия. Разбойники, какие-то гвардейцы, посланные сатаной, грабят народ... эти муки и беды бог шлет на нас за грехи наши. Слишком много мы согрели. По наущению дьявола свергли царя» [14, с. 17].

Социальные и радикальные политические изменения в прозе Хумма Семенё являются фоном для чувашско-русской культурной и социальной конфронтации и столкновения. С одной стороны, различных идентичностей — идентичности традиционной и другой идентичности, к тому времени в определенной степени уже принудительно модернизированной и измененной, а с другой — двух модусов исторического времени, в основе которых лежало разное понимание традиционности и современности. Поэтому герои Хумма Семенё спорят относительно возможности или невозможности отправки чувашских детей в Москву, так как опасаются, что там «из них мыло сварят или сделают коммуна-ми» [1, с. 111].

Повесть «Лихая година» фиксирует в этом контексте стартовые условия ситуации и состояния *fin de siècle* на уровне чувашского традиционного общества, для которого еще в значительной степени характерны патриархальные традиции и отношения. Символом последних становится соблюдение языческих обрядов формально православными чувашами: «День жертвоприношения. В полдень все жители деревни вместе со стариками и ребятишками спустились к речке... Вот один наполнил ведро водой и вылил на жертвенного барана. Тот отряхнулся. Тогда его тут же схватили и зарезали. На земле соорудили очаги, повесили над ними два огромных котла: в одном варится баран, в другом — каша. Все пришли на речку с миской и ложкой, ждут, когда сварится лакомая пища... Самый старший из стариков начал что-то бормотать и приговаривать над котлами... Люди встали... Жертвоприношение кончилось, а дождя по-прежнему нет. Но люди разошлись, уверенные, что если не сегодня, то послезавтра дождь обязательно будет» [11, с. 99 — 100].

Системные характеристики и состояния *fin de siècle* как фронта и пограничья между различными этапами в истории становится насилие. Поэтому восставшие бедные крестьяне убивают своего зажиточного соседа. В традиционной социальной системе координат это убийство воспринимается как проявление социальной справедливости: «Этой ночью состоялся страшный суд над хutorянином. Суд страшный, надолго запомнившийся всей округе. Злобно, гневно шумит народ: отберите все его барахло! Отобрали. Заберите скот. Скот забрали. Избить его семью. Избили семью. Свяжите хозяина! Хозяина связали... Убьем хозяина! Сжечь его, злодея!.. Народ рассвирепел. Хutorянина быстренько привязали к столбу, под ноги постелили солому... Облить его сначала керосином!.. Из дома вынесли в банке керосин. Выплеснули всю банку на хutorянина... Кто-то тут же поджег солому. Пламя огненной змеей обвилось хutorянина. Сгорел хutorянин вместе со столбом, превратился сначала в красноватый уголь, потом в черный, цвета земли, пепел» [14, с. 24 — 25].

Хумма Семенё в своей прозе фиксировал не только факты социально и идеологически мотивированного насилия, которое стимулировалось экономически-

ми причинами и противоречиями. Автор подчеркивал столкновение различных идентичностей, что стало системной характеристикой состояния *fin de siècle* как переходного времени между двумя различными историческими эпохами. В этом контексте его проза идеологически совпала с теми тенденциями, в рамках которых функционировала ранняя советская литература в целом [1], став частью процессов советизации чувашского дискурса и утверждения соцреализма как универсальной формы его существования. Расхождение между различными формами исторического времени в прозе чувашского писателя проявляется в отношении его героев к религии, которое было крайне различно. Если для нового поколения чувашей, социализация которого уже прошла в историческую эпоху *fin de siècle*, основанную на радикальном отказе от традиции и архаичности, то герои более старшего возраста оказываются не в состоянии воспринять радикальную модернизацию.

Поэтому, если молодые чуваша, проходившие социализацию в рамках советской модели, относились к «церковному колоколу, иконам, попам и прочей дребедени как к чему-то бессильному и жалкому» [13, с. 174], «смеялись над смешными картинками о попах», когда «два папа не поделили между собой собранные в церкви деньги и таскают друг друга за волосы» [12, с. 133], то представители старшего поколения, для которых само состояние *fin de siècle* стало разрушением их традиционного мира и кризисом архаичной идентичности, реагируют на это крайне радикально: «Свинья! Не пушу завтра в школу! Сиди дома, все равно кроме вреда ничему не научишься!» [12, с. 133]. В этом контексте Хумма Семенё актуализировал не только особенности советизации как модернизации, но и смену идентичности в рамках процесса, определенного историком литературы соцреализма Е. Добренко как «формовка советского читателя» [3].

Итак, в чувашской ранней советской литературе были заложены основные принципы, которыми авторы руководствовались при описании и актуализации в своих текстах переходного состояния *fin de siècle*. Последнее воспринималось ими в качестве символической и хронологической границы между различными формами исторического времени. Системными характеристиками *fin de siècle* стали насилие и социальная конфронтация, фактически актуализировавшие и визуализировавшие как кризис традиционности, так и столкновение различных архаичных и современных идентичностей. Все это указывало на начавшиеся модернизационные процессы, впоследствии приведшие к появлению новой современной чувашской идентичности. Правда, отягощенной опытом насилия, порожденной ускоренной сменой исторических времен, что не просто пролонгировало *fin de siècle* как состояние, но и вынудило интеллектуалов актуализировать образы этого темпорального фронта, что вело к его превращению в изобретенную традицию.

Заключение

Состояние *fin de siècle* в чувашской литературе конца 1910-х — первой половины 1930-х гг. актуализировало незавершенность процессов национально-го строительства, зависимость чувашского национального проекта от внешней и внутренней политической и идеологической конъюнктуры. Актуализация качеств и характеристик *fin de siècle* чувашскими авторами свидетельствует о том, что это явление ими было трансформировано и преобразовано в одну из изобретенных традиций идентичности. Важнейшими проявлениями последней фактически стала незавершенность процессов социальной модернизации. Кроме этого, нация поли-

тически не была институционализована в полной мере. Поэтому культурная и интеллектуальная сфера развивалась непропорционально активнее в сравнении с политическими и экономическими измерениями чувашского национализма.

Тем не менее образы *fin de siècle* в истории чувашской литературы XX и начала XXI в. стали важной и почти системной изобретенной традицией, свидетельствующей не только о наличии глубокого адаптивного потенциала и способности чувашского национализма относительно успешно приспосабливаться к внешним вызовам и адаптироваться к разного рода эссенциальным угрозам, но и о необходимости дальнейшего компаративного изучения восприятия и отражения состояния *fin de siècle* в чувашской литературе в сравнении с другими российскими и зарубежными литературными традициями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Отто Загнер, 1993. 405 с.
2. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. 557 с.
3. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. 321 с.
4. Ибрагимов М. И. Как писать истории национальных литератур? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 312 — 321. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>.
5. Кирчанов М. В. Доиндустриальное общество в Чувашии и традиционная идентичность (вторая половина XIX века) // Общество: социология, психология, педагогика. 2013. № 1. С. 15 — 21.
6. Кирчанов М. В. Советизация чувашского текста, формовка интеллектуалов (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 — 1930-е гг.) // *Studia Türkologica*. Воронежский тюркологический сборник. 2007. Вып. 2. С. 6 — 15.
7. Кирчанов М. В. Хресченсем — халӑх — чӑваш наци: воображая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX — начала XXI века). Воронеж: Научная книга, 2013. 243 с.
8. Комиссаров Г. И. Чӑваш халӑхӗ малалла кайӑ-ши, каймӑ-ши? [Может ли чувашский народ иметь свое будущее?] // Комиссаров (Вантер) Г. И. Чӑваш халӑхӗн историйӗ [История чувашского народа]. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2017. С. 113 — 150.
9. Никифорова В. Михаил Сеспель // История чувашской литературы XX века. 1900 — 1955 годы / ред. В. Г. Родионов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 222 — 235.
10. Сӗсӗл М. Вӑрман ачисем [Дети леса] // Сӗсӗл М. Сӑрнисен пуххи. Поэзи. Проза. Драматурги. Сӑрусем [Собрание сочинений. Поэзия. Проза. Драматургия. Письма]. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1989. С. 204 — 221.
11. Фомин С. Лихая година // Фомин С. Воскресение Орфея. Рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 92 — 123.
12. Фомин С. Наша сила // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 133 — 145.
13. Фомин С. Необычная пасха // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 169 — 174.
14. Фомин С. Шторм // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 12 — 26.
15. Corse S. M. Nation-building and the historical timing of a national literature in the United States // Corse S. M. Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States. Cambridge Cultural Social Studies. Cambridge University Press; 1996;19: 18 — 33.
16. D’Haen T. Nation and Literature // *The Cambridge History of Nationhood and Nationalism* / eds. C. Carmichael, M. D’Auria, A. Roshwald. Cambridge: Cambridge University Press, 2023:706 — 726.
17. Kirchanov M. V. Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism // *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. 2017;3(13):41 — 49.
18. Kyrchanoff M. W. Difficulties of mental mapping of historical time in the Chuvash national identity: cultural continuities and intellectual failures // *Social Evolution and History*. 2017;16(1):128 — 155.
19. Kyrchanoff M. W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // *Tractus Aevorum*. 2017;4(2):134 — 155.

20. Kyrchanoff M. W. Intellectual strategies of sovietization as overcome of frontier, or how Chuvash nationalists formed socialist canon of the 1920s and 1930s // *Journal of Frontier Studies*. 2016;2(9 — 22).
21. Maurer S. National and regional literatures // *The Cambridge History of Victorian Literature* / ed. K. Flint. Cambridge: Cambridge University Press, 2012;599(598 — 621).
22. Menges K. Particular Universals: Herder on National Literature, Popular Literature, and World Literature // *A Companion to the Works of Johann Gottfried Herder* / ed. H. Adler, W. Koepke. L. — New York: Boydell & Brewer, 2009;191(189 — 214).
23. Suleiman Y. The Nation Speaks: On the Poetics of Nationalist Literature // *Literature and Nation in the Middle East* / eds. Y. Suleiman, I. Muhawi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006;211:208 — 231.
24. Wright J. M. Literature and nationalism // *The Cambridge History of Literary Criticism* / ed. H. Mar. Cambridge: Cambridge University Press, 2013:97 — 114.

REFERENCES

1. Dobrenko E. Metaphor of Power. Literature of the Stalin Era in Historical Light. Munich;1993:405. (In Russ.)
2. Dobrenko E. Molding of a Soviet writer. Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Saint Petersburg;1999:557. (In Russ.)
3. Dobrenko E. Molding of a Soviet reader. Social and Aesthetic Prerequisites for the Reception of Soviet Literature. Saint Petersburg;1997:321. (In Russ.)
4. Ibragimov M. I. How to Write Histories of National Literatures? // *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2023;20(2):312 — 321. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>. (In Russ.)
5. Kirchanov M. V. Pre-industrial society in Chuvashia and traditional identity (second half of XIX century) // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2013;1:15 — 21.
6. Kirchanov M. V. Sovietization of the Chuvash text, molding of intellectuals (discourses of literary modernism in Chuvashia in the 1917 — 1930s) // *Studia Türkologica*. Voronezh Turkological collection. 2007;2;6 — 15. (In Russ.)
7. Kirchanov M. V. Khreschensem — halăkh — chăvash nazi: imagining and creating the Chuvash nation (problems of the history of Chuvash nationalism of the late XIX — early XXI centuries). Voronezh;2013:243. (In Russ.)
8. Komissarov G. I. Chăvash halăkhê malalla kaič-shi, kaimě-shi? [Can the Chuvash people have their own future?] // Komissarov (Vanter) G. I. Chăvash halăkhên istorië [The history of the Chuvash people]. Shupashkar;2017:113 — 150. (In Chuv.)
9. Nikiforova V. Mikhail Sespel // *The history of Chuvash literature of XX century*. 1900 — 1955 / ed. V. G. Rodionov. Cheboksary;2015:222 — 235. (In Russ.)
10. Çeçněл M. Vărman achisem [Children of the Forest] // Çeçněл M. Çymisen pukhi. Poetry. Prose. Playwrights. Zyursem [Collected works. Poetry. Prose. Dramaturgy. Letters] Shupashkar;1989:204 — 221. (In Chuv.)
11. Fomin S. Dashing times // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:92 — 123. (In Russ.)
12. Fomin S. Our strength // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:133 — 145. (In Russ.)
13. Fomin S. Unusual Easter // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:169 — 174. (In Russ.)
14. Fomin S. Storm // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:12 — 26. (In Russ.)
15. Corse S. M. Nation-building and the historical timing of a national literature in the United States // Corse S. M. *Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States*. Cambridge Cultural Social Studies. Cambridge University Press; 1996;19: 18 — 33. (In Engl.)
16. D'Haen T. Nation and Literature // *The Cambridge History of Nationhood and Nationalism* / eds. C. Carmichael, M. D'Auria, A. Roshwald. Cambridge: Cambridge University Press, 2023:706 — 726. (In Engl.)
17. Kirchanov M. V. Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism // *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. 2017;3(13):41 — 49. (In Engl.)
18. Kyrchanoff M. W. Difficulties of mental mapping of historical time in the Chuvash national identity: cultural continuities and intellectual failures // *Social Evolution and History*. 2017;16(1):128 — 155. (In Engl.)
19. Kyrchanoff M. W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // *Tractus Aevorum*. 2017;4(2):134 — 155. (In Engl.)

20. Kyrchanoff M. W. Intellectual strategies of sovietization as overcome of frontier, or how Chuvash nationalists formed socialist canon of the 1920s and 1930s // *Journal of Frontier Studies*. 2016;2(9 — 22). (In Engl.)

21. Maurer S. National and regional literatures // *The Cambridge History of Victorian Literature* / ed. K. Flint. Cambridge: Cambridge University Press, 2012;599(598 — 621). (In Engl.)

22. Menges K. Particular Universals: Herder on National Literature, Popular Literature, and World Literature // *A Companion to the Works of Johann Gottfried Herder* / ed. H. Adler, W. Koepke. L. — New York: Boydell & Brewer, 2009;191(189 — 214). (In Engl.)

23. Suleiman Y. The Nation Speaks: On the Poetics of Nationalist Literature // *Literature and Nation in the Middle East* / eds. Y. Suleiman, I. Muhawi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006;211:208 — 231. (In Engl.)

24. Wright J. M. Literature and nationalism // *The Cambridge History of Literary Criticism* / ed. H. Mar. Cambridge: Cambridge University Press, 2013:97 — 114. (In Engl.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 16.06.2025

Информация об авторе:

Кирчанов Максим Валерьевич, доцент Воронежского государственного университета (394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 18.05.2025;
approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 16.06.2025

Information about the author:

Maksim V. Kirchanov, Associate Professor Voronezh State University (1, Universitetskaya sq., Voronezh, Russia, 394000), doctor of Sciences in History, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com.

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 18.05.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 23.05.2025 ырланӑ; 16.06.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронеж патшалӑх университетчӗн доцентӗ (394000, Раҗҗей, Воронеж, Университет тӱремӗ, 1), истори аслӑлахӗсен докторӗ, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 620.9:94(47+57)
ББК 31:63.3(2)6

Научная статья

НОВАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭНЕРГЕТИКОВ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Т. В. Королева¹, Т. Б. Котлова², Г. А. Будник³

¹ Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина,
г. Иваново, Россия
kor_tv@mail.ru

² Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина,
г. Иваново, Россия
ktb@ispu.ru

³ Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина,
г. Иваново, Россия
budn@inbox.ru

Аннотация. В статье изучается сотрудничество научных организаций и предприятий, а также трудовая деятельность инженеров и техников энергетических объектов Урала в годы Великой Отечественной войны. Названы основные технические задачи, которые им необходимо было оперативно и качественно решать для бесперебойного снабжения промышленных предприятий электричеством, такие, как обеспечение максимально быстрого ввода в эксплуатацию нового оборудования, расшлаковка топок, ремонт энергообъектов, ликвидация аварийных ситуаций и др. Приведены конкретные примеры новаторской деятельности ученых и инженерно-технических работников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Урал, электроэнергетика, Центральный котлотурбинный институт, инженеры

Для цитирования: Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А. Новаторская деятельность энергетиков Урала в годы Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 30 — 38

© Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А., 2025

Scientific article

THE INNOVATIVE ACTIVITIES OF URAL POWER ENGINEERS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

T. V. Koroleva¹, T. B. Kotlova², G. A. Budnik³

¹ Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia
kor_tv@mail.ru

² Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia
ktb@ispu.ru

³ Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia
budn@inbox.ru

Abstract. The article studies the cooperation of scientific organizations and enterprises, as well as the labor activity of power facilities' engineers and technicians in the Urals during the Great Patriotic War. The main technical tasks to be solved quickly and efficiently to ensure uninterrupted supply of industrial enterprises with electricity have been underlined. They included ensuring the fastest possible commissioning of new equipment, furnaces' purification,

power facilities' repair, emergency situations' elimination etc. The specific examples of scientists and engineers' innovative activities have been presented.

Keywords: the Great Patriotic War, the USSR, the Urals, electric power industry, Central Boiler and Turbine Institute, engineers

For citation: Koroleva T. V., Kotlova T. B., Budnik G. A. The innovative activities of Ural power engineers in the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(3):30 — 38

Аслалӑх статийи

УРАЛ ЭНЕРГЕТИКӖСЕН ТӐВАН ӖР-ШЫВӐН АСЛА ВӐРӢИН ӢУЛӖСЕНЧИ ӢЕНЕТӢӢ ӖӢӖ-ХӖЛӖ

Т. В. Королева¹, Т. Б. Котлова², Г. А. Будник³

¹ В. И. Ленин ячӗллӗ Иваново патшалӑх энергетика университетӗ,
Иваново хули, Раҫҫей
kor_tv@mail.ru

² В. И. Ленин ячӗллӗ Иваново патшалӑх энергетика университетӗ,
Иваново хули, Раҫҫей
ktb@ispu.ru

³ В. И. Ленин ячӗллӗ Иваново патшалӑх энергетика университетӗ,
Иваново хули, Раҫҫей
budn@inbox.ru

Аннотаци. Статъяра Тӑван ӗр-шывӑн Асла вӑрӑн Ӣулӗсенче Уралти аслалӑх организаційӗсемпе предприятисем пӑр-пӑринпе килӗштерсе ӗҫленине, ҫавӑн пекех энергетика объекчӗсен инженерӗсемпе техникӗсен ӗҫ-хӗлне тӗпченӗ. Техника тӗп задачисене илсе кӑтарнӑ, вӗсене хӑвӑрт тата пахалӑхлӑн татса пани промышленноҫ предприятийӗсене электричествӑпа тагги-сыпписӗр тивӗҫтерсе тӑма кирлӗ пулнине палӑртнӑ; ҫав задачӑсен шутӗнче: ӗнӗ оборудование май килнӗ таран хӑвӑрт ӗҫе кӗртессине тивӗҫтересси, топкӑсене кӑмрӑк каяшӗнчен тасатасси, энергообъектсене юсасси, авари кӗнӗ сиене сирсе ярасси т. ыт. Асчахсен, инженерсемпе техниксен ӗнӗтӗҫӗ ӗҫӗ-хӗлӗн пайӑр тӗслӗхӗсемпе паллаштарнӑ.

Тӗп сӑмахсем: Тӑван ӗр-шывӑн Асла вӑрҫи, СССР, Урал, электроэнергетика, Хуран-турбина тӗп институтӗ, инженерсем

Цитатӑлама: Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А. Урал энергетикӗсен Тӑван ӗр-шывӑн Асла вӑрҫин Ӣулӗсенчи ӗнӗтӗҫӗ ӗҫӗ-хӗлӗ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 30 — 38

Введение

В 2025 г. весь мир отмечает 80-летний юбилей Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Юбилейная дата усилила внимание ученых к важнейшему событию XX в. Однако до сих пор некоторые аспекты его истории не нашли в научной литературе должного освещения. Мало изучена история энергетики в целом и новаторская деятельность энергетиков Урала в 1941 — 1945 гг. — в частности. По мнению авторов данной статьи, высказанному в журнальной публикации в 2020 г., одной из причин этого является то, что архивные фонды по этой проблематике только начинают открываться. До настоящего времени основными источниками по истории электроэнергетики в годы войны являются воспоминания руководителей и ветеранов энергетики. Они содержат обширный материал по организации производства, примеры трудового героизма энергетиков, опубликованы статьи и главы в научных изданиях, раскрывающие отдельные аспекты истории электроэнергетики. Заслуживают внимания

сборники материалов по истории электроэнергетики, изданные по инициативе Министерства энергетики РФ, энергетических корпораций, например, РАО «ЕЭС России», а также научно-популярные статьи в профессиональных изданиях. Материалы о деятельности трудовых коллективов в годы войны размещены также на сайтах региональных, отраслевых и корпоративных музеев энергетики. Однако пока нет ни одной обобщающей монографии, освещающей историю отрасли в 1941 — 1945 гг. [1, с. 89].

Материалы и методы

Целью данной статьи является анализ архивных материалов, документов Музея энергетики Урала, опубликованных свидетельств и воспоминаний о деятельности ученых, инженеров и техников электроэнергетической отрасли в годы Великой Отечественной войны. Выбор региона исследования обусловлен тем, что в 1941 — 1945 гг. именно Урал стал индустриальным центром страны, а бесперебойная работа его промышленных предприятий напрямую зависела от слаженного труда энергетиков.

Цель работы определила выбор методов исследования. В работе нашли применение основополагающие для конкретно-исторических исследований принципы объективности и историзма, что позволило изучить и осмыслить новаторскую деятельность энергетиков Урала в годы Великой Отечественной войны в динамике под влиянием факторов военного времени.

Также применялись специальные исторические методы исследования, в частности, историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению уровня развития оборонной промышленности и социальной сферы Урала в предвоенные годы и на различных этапах войны. Историко-системный метод использовался для рассмотрения инженерно-технических работников Урала как определенной части энергетиков страны, что было важно для анализа их новаторской деятельности в сложнейших условиях развертывания здесь в 1941 — 1945 гг. масштабного оборонного производства. Историко-генетический метод применялся для анализа кардинальных изменений, происходивших в условиях трудовой деятельности и обыденной жизни инженеров и техников Урала в рассматриваемый период, а также для установления причинно-следственных связей между событиями, процессами и явлениями на разных этапах войны. Структурно-функциональный метод позволил вычленить основные направления в организации бесперебойной и эффективной работы оборонной промышленности Урала органов государственной власти и научных учреждений.

В работе выбран проблемно-хронологический метод изложения материала, который позволяет сконцентрировать внимание на исследовании основных компонентов поставленной проблемы и рассмотреть ее в определенной последовательности.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, на территорию Урала из европейской части СССР были перемещены более 600 предприятий, в том числе ленинградский Кировский завод, Харьковский дизельно-моторный, «Азовсталь», московский «Серп и молот», Московский автомобильный завод (моторные цехи), «Калибр», «Красный пролетарий», «Запорожсталь» и др. Эвакуация промышленных гигантов и спешное строительство новых оборонных предприятий привели к острому дефициту в энергосистеме, поскольку не хватало генерирующих мощностей. На предприятиях вводились ночные смены для выравнивания суточного графика, на электрифици-

цированных участках железной дороги тяговые подстанции включали по очереди — для пропуска поездов в часы максимальной нагрузки. От положения дел в уральской энергетике зависела работа всего оборонно-промышленного комплекса страны. Это была трудновыполнимая, многоаспектная задача. Ее выполнение во многом зависело от профессионализма, новаторских, нестандартных решений ученых и инженеров-энергетиков.

Вопросы обеспечения энергетических предприятий сырьем, ремонта оборудования, снижения энергопотребления решались в тесном сотрудничестве предприятий и научных организаций. Так, например, «Протокол совещания научных работников Академии наук СССР совместно с представителями промышленных наркоматов и свердловских организаций от 30 августа 1941 г.» определял в качестве главных задач: «а) выбор месторождений углей для срочного расширения топливной базы Урала. В особенности изучение вопроса о срочном расширении добычи Богословских углей для создания новой крупной энергетической базы; б) выбор первоочередных объектов строительства, средних и небольших гидростанций, изучение всех инженерно-геологических и гидрологических условий использования водной энергии; в) срочное расширение вопроса о покрытии пиковой нагрузки Уральской энергосистемы» [5, с. 254 — 255]. Томский комитет ученых активно работал над разработкой и производством шлаковых изоляторов¹.

Особенно большие работы пришлось осуществить по котлам и турбоагрегатам, так как котлы южных электростанций были приспособлены для сжигания донецких углей, а для использования их на Уральских станциях требовалось изменить конструкцию топки, а иногда и тягодутьевого оборудования. Для организации котлотурбостроительной базы на Урале и для приспособления эвакуированного теплосилового оборудования к местным условиям 9 декабря 1941 г. в Свердловске было организовано отделение Центрального котлотурбинного института (ЦКТИ) из специалистов, эвакуированных из Ленинграда [4, с. 21].

Для обеспечения максимально быстрого ввода в эксплуатацию нового оборудования был осуществлен ряд мероприятий.

Во-первых, отказались от последовательной технологии производства — сначала строительные работы, потом монтаж оборудования. На стройках Урала был внедрен совмещенный метод, когда монтаж оборудования начинался по мере готовности отдельных строительных частей. Это дало сразу большой выигрыш по времени, особенно при монтаже котлов.

Во-вторых, монтаж оборудования стали производить блочным методом. Если раньше все энергооборудование, поступавшее на площадку россыпью, монтировалось на месте подетально, то теперь собиралось в блоки на монтажной площадке, укрупнялось до размеров, которые позволяли доставить его на монтаж, поставить на место или фундамент.

В-третьих, перешли к блочному изготовлению арматурных каркасов фундаментов турбин. Так, на Челябинской ТЭЦ арматурный каркас фундамента крупного турбогенератора был собран в стороне, установлен при помощи кранов на площадку фундамента, а затем залит бетоном.

В-четвертых, на монтажных работах стали широко применять малую механизацию, особенно в подъемных средствах.

---

¹ Ответ № 0-79 секретаря Сталинского ГК ВКП(б) Г. А. Гаврикова на запрос Томского комитета ученых о помощи в производстве шлаковых изоляторов. 19 августа 1941 г. // Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

В-пятых, была пересмотрена вся технология проектирования как по объему, так и по срокам ее составления и утверждения. На всех крупных стройках Урала были организованы комплексные проектные бригады, что позволило выполнять чертежи с учетом реального наличия материалов и оборудования, а также решать оперативно все проблемы на местах без потери времени [2, с. 90].

В решении проблем, возникающих при обеспечении эффективной работы энергопредприятий, кроме научных организаций активно участвовали инженерно-технические работники электростанций. Среди наиболее сложных задач можно выделить следующие. В первую очередь, обеспечение расшлаковки топок, характерной для всех уральских ТЭЦ. Дело в том, что оборудование, вывезенное из оккупированных районов и установленное на уральских станциях, не было рассчитано для сжигания многозольных челябинских углей и удаления золы. Топки очищались от шлака вручную. Это была трудоемкая операция, выполнение которой требовало длительного времени. Рабочие не успевали подавать вагонетки под шлак и золу, которые нередко представляли из себя сплошные завалы, через которые люди перебирались с большим трудом. Работники котельного отделения своими силами не успевали их расшлаковывать и удалять шлак и золу из котельной. Все эти операции выполнялись вручную, в том числе и откатка вагонеток со шлаком. Особенно тяжело было зимой.

Кроме того, серьезной проблемой во время войны было проведение ремонта энергообъектов.

Тяжелые условия труда, изношенность оборудования очень часто создавали аварийные ситуации. Как вспоминают ветераны, в отдельные месяцы происходило 35 и более аварий, то есть больше, чем было дней в месяце.

Во многих случаях инженеры и техники электростанций успешно справлялись с поставленными задачами. Так, в 1943 г. тяжелый и опасный труд рабочих-зольщиков был полностью ликвидирован благодаря разработке инженером, начальником топливно-транспортной службы Челябинской ГРЭС Б.А. Москальковым гидравлического способа удаления золы. Его внедрение устранило также загрязнение золовой пылью оборудования цехов электростанций и окружающей территории, что позволило повысить экономичность и надежность работы электростанций [8]. Этот опыт нашел применение на всех угольных электростанциях страны.

Чтобы решить проблему проведения ремонта энергообъектов, на подстанциях создавались особые ремонтные схемы, героическими усилиями сокращались сроки ремонта. В военные годы основу сетей составляли одноцепные линии электропередачи 110/10 кВ, вывод в ремонт которых приводил к перерывам или ограничениям электроснабжения. Уральские энергетики решились на мужественный шаг — освоили метод ремонта линий под напряжением.

Эксперименты с ремонтами линий электропередачи под напряжением начались на Урале с середины 30-х гг. XX в., а в период Великой Отечественной войны приобрели особую актуальность. Инициатором новаторских решений ремонта выступили энергетики «Челябэнерго». Инженер А.И. Понедилко был главным организатором и пропагандистом ведения работ на ЛЭП без их обесточивания. Позднее он был удостоен Государственной (Сталинской) премии за свои изобретения. В 1942 — 1944 гг. «Челябэнерго» становится передовым центром, куда обращались за консультациями и инструктивными материалами «сетевики» других энергосистем. Специалисты вели поиски и исследования, связанные с ремонтными

ми работами, которые требовали соприкосновения с проводами, находящимися под напряжением. Проводились работы по определению предельных безопасных значений тока, протекающего через человека, исследовались изоляционные свойства некоторых конструкционных материалов и разрабатывались различные способы доставки электромонтера к проводу. С получением изолирующих лестниц из дельта-древесины в сетях Урала начали проводиться масштабные работы по проверке и замене соединителей проводов, вставке отдельных отрезков провода, замене подвесных гирлянд изоляторов и др. [7].

В Перми организатором этого дела стал главный инженер «Молотовэнерго» А. Я. Шеленков. О беспримерном поступке пермских энергетиков газета «Известия» в 1943 г. писала: «Коллектив участка электропередачи В. Харитонова одним из первых взялся ремонтировать линию под током. Эта линия питает важнейшие промышленные базы области. Бригада опытных линейщиков во главе с начальником дистанции Слесаревым терпеливо и настойчиво готовила себя к этой большой и тяжелой работе. Они сменили под высоким напряжением около 200 стоек, 164 ветровые связи и множество других деталей. Потребитель даже не догадался, что на участке от зари до зари шел ремонт» [6, с. 56].

Новаторские методы работы инженеров и техников, самоотверженный труд рабочих способствовали быстрой ликвидации аварийных ситуаций. Так, например, в 1942 г. в самый пик зимнего максимума случилась беда на Среднеуральской ГРЭС: у турбины № 2 мощностью 50 МВт сломался конец вала ротора турбины. Потеря такой мощности оставляла без электроэнергии производство, на котором работало 75 тыс. чел. Заводы, рудники были отключены от сети, доходило и до остановки трамваев в Свердловске. Правительство разрешило взять ротор подобной машины, приготовленный к монтажу на строящейся Богословской ТЭЦ. Ротор был доставлен Свердловской железной дорогой менее чем за сутки. Для замены ротора был установлен жесткий график — 144 часа. На месте работ были образцово организованы рабочие места, питание, посменный отдых. Слесари, все рабочие и ИТР работали самоотверженно. Через 84 часа круглосуточной работы турбогенератор был включен в сеть под нагрузку. О трудовом подвиге сугрэсовцев рассказала газета «Уральский рабочий» от 10 декабря 1942 г., поместив портреты старшего мастера М. Ворошилова, бригадира Н. Сычева, слесарей Н. Явлюхина, И. Доценко и С. Яковлева: «Они не уходили из цеха, пока не выполнили заданий, забывая о сне, отдыхе и еде. Стахановцы-патриоты работали так, как бьют проклятых фашистов наши доблестные бойцы под Сталинградом»².

Ликвидация аварий всегда была связана с трудовыми подвигами энергетиков, которые неимоверными усилиями стремились сохранить установленные мощности. Так, на Березниковской ТЭЦ аварийным очагом являлась система углеподачи. Из-за нее ТЭЦ нередко останавливалась. Вследствие серьезных конструктивных недостатков кабель-кран немецкого производства часто выходил из строя. Инженер В. Т. Кудрявцев коренным образом рационализировал оборудование, ликвидировал аварийные очаги, автоматизировал процесс перезапуска сжимных каналов и предложил новый способ замены несущих каналов. Впоследствии он изобрел первый советский кабель-кран с лучшими, чем у зарубежных, эксплуатационными характеристиками [3, с. 192].

² Российский государственный архив экономики. Ф. 607. Оп. 1. Д. 16. Л. 19 — 20.

Значительную техническую помощь электростанциям и блок-ТЭЦ в наладке и ремонте оборудования оказывало уральское отделение ОРГРЭС³, первым управляющим которого был И. И. Шапильский, а также эвакуированные на Урал коллективы Центрального котлотурбинного института и Всесоюзного тепло-технического института.

Примерно с середины 1943 г., когда Уральское объединение энергосистем получило новые мощности и наладило топливоснабжение, работа систем стала устойчивой. Теперь электростанции работали с нормальной частотой и напряжением. Оснащение энергосистем автоматическим устройством форсировки возбуждения генераторов и быстродействующими защитами повысило надежность электроснабжения Урала. Так, если в 1942 г. имели место 38 случаев нарушения устойчивости энергосистемы, то в 1943 г. их число снизилось до 6, причем 5 произошли в первые 4 месяца. В дальнейшем такие нарушения практически прекратились [3, с. 197].

Заключение

В небольшой статье невозможно рассказать о новаторской деятельности всех изобретателей и рационализаторов Уральской энергосистемы в период Великой Отечественной войны. Однако на основе изученного архивного материала и воспоминаний ветеранов энергетики можно заключить, что ученые, инженеры и техники этого региона достойно справились с решением сложных задач военного времени, внесли весомый вклад в победу СССР над фашистской Германией. Благодаря им во многом был обеспечен максимально быстрый ввод в эксплуатацию нового оборудования, усовершенствована расшлаковка топок, ускорен ремонт энергообъектов, существенно улучшилась работа по ликвидации аварийных ситуаций и др.

Д. Г. Жимерин, который с января 1942 г. был народным комиссаром электростанций СССР, руководил тяжелой работой по вводу в строй эвакуированных предприятий и скорейшего наращивания энергетических мощностей, прежде всего на Урале, дал высокую оценку работе энергетиков региона. Он отмечал, что «в результате слаженной работы Уральских энергосистем установленная мощность электростанций региона к концу 1942 г. по сравнению с 1941 г. возросла на 36,8 %, в 1943 г. на 72 %, а к концу 1944 г. выросла по сравнению с июнем 1941 г. на 192 % и превратилась в то время в самую мощную энергосистему СССР» [2, с. 86].

Опыт, накопленный энергетиками Урала по вводу колоссальных энерго-мощностей, рационализации технологий строительства новых энергообъектов и ускоренного монтажа линий электропередачи в короткий промежуток военного времени, заложил базу для быстрого завершения восстановительного периода и дальнейшего динамичного развития отрасли в мирное время.

Достижения инженеров Урала военного времени, например, А. И. Понедилко, который был главным организатором и пропагандистом ведения работ на ЛЭП без их обесточивания, Б. А. Москалькова, разработавшего гидравлический способ удаления золы, и др. являются важными вехами истории российской науки и техники, о которых в наши дни должны помнить и которыми должны гордиться студенты и выпускники энергетических вузов страны.

---

³ Всесоюзная контора по организации и рационализации районных электростанций и сетей ОРГРЭС создана постановлением Наркомата тяжелой промышленности СССР от 21 апреля 1933 г. В 1939 г. приказом наркомата контора преобразована во Всесоюзный государственный трест по организации и рационализации районных электростанций и сетей ОРГРЭС. В 1941 — 1943 гг. трест находился в эвакуации в г. Свердловске.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будник Г. А., Королева Т. В., Котлова Т. Б. Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941 — 1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 88 — 96.
2. Жимерин Д. Г. Развитие энергетики СССР. Москва; Ленинград: Госэнергоиздат, 1960. 327 с.
3. Маринов А. М. Опорный край державы // Электрификация России: Воспоминания старейших энергетиков / сост. Д. Г. Котилевский, А. М. Маринов. Москва: Энергоатомиздат, 1984. 344 с.
4. О вкладе работников ЦКТИ в энергетику и оборону СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945. (По воспоминаниям и документам). Санкт-Петербург: НПО ЦКТИ, 1983. 113 с.
5. Протокол совещания научных работников Академии наук СССР совместно с представителями промышленных наркоматов и свердловских организаций от 30 августа 1941 г. // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Арх. РАН; сост. Е. А. Беляев, Н. М. Осипова, Е. А. Шитиков. Москва: Наука, 1996. 311 с.
6. Тюхтин Д. Энергетики — герои тыла // ЛЭП. 2010. № 1 // Холдинг МРСК: [сайт]. URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/read/33430663/1-nn-2010-3-4-1-2-58> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Уральские энергетики первыми начали ремонтировать линии без отключения // Музей энергетики Урала: [сайт]. URL: <https://musen.ru/blog/uralskie-energetiki-pervymi-nachali-remontirovat-linii-bezotklyucheniya/?ysclid=m6xpxj25khz244293306> <https://www.yumpu.com/xx/document/read/33430663/1-nn-2010-3-4-1-2-58> (дата обращения: 10.09.2020).
8. Энергия Настоящего // Монокль / Экономика: [сайт]. URL: <https://monocle.ru/ural/2017/27/energiyanastoyashego/?ysclid=m8leoxclac653278571> (дата обращения: 10.04.2025).

REFERENCES

1. Budnik G. A., Koroleva T. V., Kotlova T. B. The issues of Energy in the Frontline Regions of Central Russia in 1941 — 1945 // Vestnik of Kostroma State University. 2020;2:88 — 96. (In Russ.)
2. Zhimerin D. G. The development of Energy in the USSR. Moscow; Leningrad; 1960:327.
3. Marinov A. M. The Stronghold of the Power // Electrification of Russia: the memories of the Elderly Power Engineers / compiled by D. G. Kotilevsky, A. M. Marinov. Moscow;1984:344. (In Russ.)
4. The Contribution of Central Boiler and Turbine Institute's employees to the Energy and Defense of the USSR in the Great Patriotic War. 1941 — 1945. (Memoirs and documents). Saint Petersburg;1983:113. (In Russ.)
5. The report of the USSR Academy of Sciences scientific workers' meeting together with representatives of industrial people's commissariats and Sverdlovsk organizations on August 30, 1941 // Science and scientists of Russia in the Great Patriotic War. 1941 — 1945: Essays. Memories. Documents / S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Archives of the Russian Academy of Sciences; compiled by E. A. Belyaev, N. M. Osipova, E. A. Shitikov. Moscow;1996:311. (In Russ.)
6. Tyukhtin D. Power engineers are the rear's heroes // LEP. 2010. No. 1. // MRSK Holding: [website]. URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/read/33430663/1-nn-2010-3-4-1-2-58> (reference date: 15.04.2025). (In Russ.)
7. The Ural power engineers were the first to start repairing lines without disconnecting // Ural Energy Museum: [website]. URL: <https://musen.ru/blog/uralskie-energetiki-pervymi-nachali-remontirovat-linii-bezotklyucheniya/?ysclid=m6xpxj25khz244293306> <https://www.yumpu.com/xx/document/read/33430663/1-nn-2010-3-4-1-2-58> (reference date: 10.09.2020). (In Russ.)
8. Energy of the Present // Monocle / Economics: [website]. URL: <https://monocle.ru/ural/2017/27/energiyanastoyashego/?ysclid=m8leoxclac653278571> (reference date: 10.04.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.03.2025;
одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 14.07.2025

Информация об авторах:

Королева Татьяна Валерьевна, доцент кафедры истории, философии и права Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина (153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4769-7744>, kor_tv@mail.ru

Котлова Татьяна Борисовна, проректор по молодежной политике Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина (153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2191-1965> ktb@ispu.ru

Будник Галина Анатольевна, профессор кафедры истории, философии и права Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина (153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>, budn@inbox.ru

Вклад авторов:

- Королева Т. В. — сбор данных и анализ литературы, проведение критического анализа материалов, формулирование выводов и рекомендаций, подготовка текста статьи;
Котлова Т. Б. — критический анализ и научное редактирование текста;
Будник Г. А. — критический анализ и научное редактирование текста.
*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 23.03.2025;
approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 14.07.2025

Information about the authors:

Tatyana V. Karolina, associate professor of the Department of History, Philosophy and Law of the Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin (34, Rabfakovskaya St., Ivanovo, 153003), candidate of Historical Sciences, associate professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4769-7744>, kor_tv@mail.ru

Tatyana B. Kotlova, vice-rector for youth policy of the Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin (34, Rabfakovskaya St., Ivanovo, 153003), doctor of Historical Sciences, associate professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2191-1965> ktb@ispu.ru

Galina A. Budnik, professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin (34, Rabfakovskaya St., Ivanovo, 153003), doctor of Historical Sciences, professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>, budn@inbox.ru

Contribution of the authors:

- Koroleva T. V. — data collection and literature analysis, conducting a critical analysis of materials, formulating conclusions and recommendations, preparing the text of the article;
Kotlova T. B. — critical analysis and scientific editing of the text;
Budnik G. A. — critical analysis and scientific editing of the text.
*Conflict of interests: the authors declares that there is no conflict of interests.
The authors has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 23.03.2025 ڤитнѐ;
рецензиленѐ хысџан 14.07.2025 ырланѐ; 14.07.2025 пичете йышанѐ

Авторсем ڤинчен:

Королева Татьяна Валерьевна, В. И. Ленин ячѐллѐ Иваново патшалѐх энергетика университетѐн истори, философи тата право кафедрин доцентѐ (153003, Иваново хули, Рабфак ур., 34), истори ѐслѐлѐхѐсен кандидачѐ, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4769-7744>, kor_tv@mail.ru

Котлова Татьяна Борисовна, В. И. Ленин ячѐллѐ Иваново патшалѐх энергетика университетѐн самрѐксен политики енѐпе ѐслекен проректорѐ (153003, Иваново хули, Рабфак ур., 34), истори ѐслѐлѐхѐсен докторѐ, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2191-1965> ktb@ispu.ru

Будник Галина Анатольевна, В. И. Ленин ячѐллѐ Иваново патшалѐх энергетика университетѐн истори, философи тата право кафедрин профессорѐ (153003, Иваново хули, Рабфак ур., 34), истори ѐслѐлѐхѐсен докторѐ, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>, budn@inbox.ru

Авторсем тџули:

- Королева Т. В. — хыпарсем пуџтарнѐ, литературѐна тишкернѐ, материалсене хак панѐ, пѐтѐмлетџсемпе сѐнџсем хатѐрлесе йѐркеленѐ, статья текстне пичете хатѐрленѐ;
Котлова Т. Б. — текста тишкернѐ тата ѐслѐлѐх енчен редакциленѐ;
Будник Г. А. — текста тишкернѐ тата ѐслѐлѐх енчен редакциленѐ;
*Пайталѐх конфликтѐ: авторсем пайталѐх конфликтѐ сџуккине пѐлтѐресџѐ.
Авторсем ал џырѐвѐн юлашки вариантне вуласа тухнѐ, ырланѐ.*

УДК 930:323.2(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)-3

Научная статья

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШИИ (1985 — 2000): К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

П. С. Краснов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
krasnov17@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи — дать историографию научных исследований, в той или иной степени раскрывающих различные стороны общественно-политической истории Чувашии конца XX в., и обозначить направления дальнейших изысканий для получения наиболее полной ее картины, которая сегодня отсутствует. Начало рассматриваемого в работе периода обусловлено перестроечными процессами в СССР во второй половине 80-х гг. прошлого столетия, затрагивавшими не только системы управления и общественных отношений, а также народнохозяйственный комплекс страны в целом. Предпринятые попытки обновления и демократизации внесли существенные изменения в общественное сознание населения, вызвав всплеск его политической активности. В статье подробно рассмотрены работы В. А. Алексеева, В. В. Андреева, И. И. Бойко и В. Г. Харитоновой, В. Д. Данилова, Д. А. Захарова, Г. И. Тафаева, В. Р. Филиппова, Д. М. Шабунина и др., отмечено, что в них исследованы вопросы зарождения новых политических институтов, в том числе партий, взаимодействия их с государственными структурами, а также вопросы демократического транзита, подвергнуты анализу чувашское национальное движение, становление в регионе института президентства, итоги выборов в различные уровни представительной власти.

Автор порой не соглашается с выводами отдельных историков и политиков, называя их чрезмерно категоричными или бездоказательными. При этом определяет направления дальнейших возможных исследований важной составной части истории Чувашии.

Ключевые слова: общественно-политические объединения, политические партии, национальное возрождение, межнациональные отношения, политические элиты, выборы
Для цитирования: Краснов П. С. Общественно-политическая история Чувашии (1985 — 2000): к историографии проблемы // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 39 — 57

© Краснов П. С., 2025

Scientific article

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF CHUVASHIA (1985 — 2000): TOWARDS A HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

P. S. Krasnov

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
krasnov17@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to provide the most complete historiography of scientific research, to one degree or another revealing various aspects of the socio-political history of Chuvashia at the end of the 20th century, and to outline the directions of further research to obtain the most complete picture, which is currently missing. The beginning of the period considered in the work is conditioned by the perestroika processes in the second half of the 80s of the last century in the USSR, which affected not only the systems of governance and

public relations, but also the national economic complex of the country as a whole. The attempts at renewal and democratization brought about significant changes in the public consciousness of the population, causing a surge in its political activity. A detailed analysis of the works of V. A. Alekseev, V. V. Andreev, I. I. Boyko and V. G. Kharitonova, V. D. Danilov, D. A. Zakharov, G. I. Tafaev, V. R. Filippov, D. M. Shabunin and others, devoted to the emergence of new political institutions, incl. — parties, their interaction with government structures, democratic transit, analysis of the national movement, the establishment of the institution of the presidency in the region, elections to various levels of representative power.

The author sometimes disagrees with the conclusions of individual historians and politicians, calling them overly categorical or unsubstantiated. At the same time, he determines the directions of further possible research into an important component of the history of Chuvashia.

Keywords: socio-political associations, political parties, national revival, interethnic relations, political elites, elections

For citation: Krasnov P. S. Socio-political history of Chuvashia (1985 — 2000): towards a historiography of the problem // Modern humanities. 2025;1(3):39 — 57

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕНЁН ОБЩЕСТВО-ПОЛИТИКА ИСТОРИЙӢ (1985 — 2000): ИСТОРИОГРАФИ ПРОБЛЕМИ ТАВРА

П. С. Краснов

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар, Раççей
krasnov17@mail.ru

Аннотаци. Статъян тĕллевлĕ — Чăваш Енĕн XX ĕмĕр вĕçĕнчи общество-политика историйĕн тĕрлĕ енне уçса паракан аслăлăх тĕпчевĕсен историографийĕпе паллаштараси, малашнехи тĕпчевсен çул-йĕрне палăртаси, мĕншĕн тесен çак историн тулли ўкерчĕкĕ хальлĕхе çук. Ёçре пăхса тухнă тапхăр пуçламăшĕ 80-мĕш çулсен иккĕмĕш çуринче Совет Союзĕнче пулса иртнĕ çĕн йĕркелÿ процесĕсенчен тухса тăрать. Çав процесем çĕр-шывăн управленипе общество хутшăнăвĕсен тытăмĕсене кăна мар, халăх хуçалăхĕн пĕтĕм комплексне те пырса тивнĕ. Çĕнетÿпе демократизаци туртăмĕсем халăхăн пĕрлехи аңланăвне палăрмаллах улăштарнă, унăн политика хастарлăхне пысăк шая çĕкленĕ. Статъяра В. А. Алексеевăн, В. В. Андреевăн, И. И. Бойкапа В. Г. Харитоновăн, В. Д. Даниловăн, Д. А. Захаровăн, Г. И. Тафасевăн, В. Р. Филипповăн, Д. М. Шабунинăн т. ыт. ёçĕсене тĕплĕн пăхса тухнă, çакна палăртнă: вĕсенче политикăри çĕнĕ институтсем, çав шутра партисем чăмăртаннин, вĕсем патшалăх тытăмĕсемпе хутшăнса ёсленин, демократи транзитĕ еплерех пулса пынин ыйтăвĕсене тĕпченĕ, чăваш наци юхамне, регионта президент институтĕ йĕркеленине, халăх суйлакан влаçан тĕрлĕ шайри суйлавĕсен итогĕсене тишкернĕ.

Автор хăш чухне уйрăм историксемпе политиксен пĕтĕмлетĕвĕсемпе килĕшмест, вĕсем ытлашши татăклă, çирĕплетÿсĕр тесе палăртать. Çав вăхăтрах Чăваш Ен историйĕн пысăк пĕлтерĕшлĕ пайне малалла тĕпчемелли çул-йĕрсене кăтартса хăварать.

Тĕп сăмахсем: общество-политика пĕрлешĕвĕсем, политика партийĕсем, наци чĕрлĕвĕ, нацисен хутшăнăвĕсем, политика элитисем, суйлавсем

Цитатăлама: Краснов П. С. Чăваш Енĕн общество-политика историйĕ (1985 — 2000): историографи проблеми тавра // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 39 — 57

Введение

Несмотря на отсутствие специальных монографических исследований, посвященных общественно-политической истории Чувашии новейшего времени, отдельные ее аспекты и сюжеты отражены в достаточно большом количестве научных, в том числе фундаментальных, работ чувашских, отчасти — российских и

зарубежных историков и политологов. В основном это опубликованные научные статьи, а также отдельные монографии, в содержании которых в той или иной степени отражается общественно-политическая жизнь современной Чувашии. Автор в качестве дополнительной источниковой базы рассматривает также статьи, интервью в печатных средствах массовой информации, а также мемуары и воспоминания бывших партийных, государственных и хозяйственных руководителей, опубликованные в последние годы.

Материалы и методы

В работе наряду с принципами объективности, всесторонности и комплексности использован проблемно-хронологический метод исследования, который позволил показать историческую динамику рассматриваемой темы, а также выявить ряд условных вопросов и направлений для последующих исследований. При этом автор осознает, что анализ дискурса, с одной стороны, имеет определенные сложности, однако с другой — нарративность, даже с высокой долей субъективизма, позволяет максимально приблизиться к объективности при анализе тех или иных социальных явлений.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из первых исследователей политических и этнополитических процессов, зарождения и становления многопартийности в Чувашии является Г. И. Тафаев. Среди многочисленных опубликованных им монографий и публикаций отметим те, которые, на наш взгляд, представляют наибольший научный интерес. К примеру, в одной из своих первых работ он анализирует подготовку и проведение референдума по сохранению СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г., позиции и отношение к нему функционировавших на тот период политических партий и движений [41, с. 4 — 15]. Не осталось без внимания становление некоторых политических партий и движений, их программные документы, представляющие интерес для последующего их анализа [40]. Автор описывает события, связанные с попыткой государственного переворота 19 — 21 августа 1991 г., акцентирует внимание на позициях и действиях демократических сил Чувашии в эти дни, работе комиссии Верховного Совета Чувашской ССР, созданной для расследования деятельности органов исполнительной власти и реакции республиканских средств массовой информации на эти события. Делается вывод, что демократическое движение в Чувашии оказалось на стороне законной власти, в среде демократов были небольшие расхождения только по средствам борьбы, правоохранительные органы оказались на высоте своего служебного долга, а Чебоксарский горисполком и райкомы не встали на сторону ГКЧП [37, с. 31].

Участию политических партий в выборах представительных органов власти посвящена другая монография Г. И. Тафаева. Предпринята попытка анализа президентских выборов 1991 и 1993 гг. в республике, выборов в Государственную Думу и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993 г., участия в них политических партий [39, с. 1 — 58].

В работе, посвященной истории политических партий и национальных движений, небезынтересны данные проведенных Г. И. Тафаевым социологических опросов среди делегатов конференций и собраний различных политических партий и неформальных объединений. Здесь можно увидеть их социальный состав [38, с. 29 — 34, 217 — 223], а также отношение к проблемам и приоритетным направлениям перестройки 1980-х гг., в 1990 г. (год проведения опросов) уже вызывающей чувства разочарования и негодования [38, с. 273 — 280].

Политической трансформации региона в 1980 — 1990-е гг. посвящена работа Д. М. Шабунина [56]. На начальном этапе у национального и демократического движений Чувашии было, по мнению автора, достаточно много общего. Они выступали за демократизацию общества, формирование профессиональной представительной власти, введение в республике института президентства. Когда *Чйваши аталану партийё* (партия Чувашского национального возрождения) (ЧАП) выступила против подписания Федеративного договора, за полную экономическую независимость от Москвы, когда в обиходе появились такие понятия, как «чувашская идея», «чувашская государственность», их пути разошлись. Однако в целом, несмотря на некоторую изоляционистскую установку, национальное движение сумело сохранить здоровый национально-прагматичный подход. В республике не была развернута антирусская кампания, поскольку национальное движение ориентировалось на борьбу с Центром, выступая против Великодержавной национальной идеи, даже если она облачена в демократические лозунги [56, с. 21].

Д. М. Шабунин первым (и пока единственным) из чувашских ученых дает краткий политический портрет первого Президента республики Н. В. Федорова. Наиболее точно мировоззрение и поведение регионального руководителя отражает понятие «умеренно-консервативный демократ». Он вызывает открытую неприязнь у коммунистически ориентированного электората. Достаточно осторожное отношение к его умеренно-консервативной политике у демократов. А добровольный выход из состава федерального правительства закрепляет за ним образ умеренного политика, не принимающего тактику проводимых радикальных реформ [56, с. 35 — 38]. Отметим, что в последующие годы персона Н. В. Федорова в той или иной степени была интересна и зарубежным ученым, например, А. Каппелеру [29] и К. Мацузато¹.

По неизвестным нам причинам вне поля зрения местных ученых остались монографии В. Р. Филиппова [47; 48]. Обе книги изданы под грифом РАН (Институт этнологии и антропологии и Центр цивилизационных и региональных исследований). Справедливости ради следует отметить, что в первой из них редакционная группа дает пояснение, что это исключительно точка зрения автора и не является официальной позицией Института. Автор при анализе экономической ситуации в республике рассматривает и приводит состояние целого ряда социальных групп населения, которые могут генерировать межэтническое напряжение. По В. Р. Филиппову, «коренизация» управленческого аппарата, которая особенно усилилась после 1990 г., привела к снижению доли представителей нечувашских национальностей в сферах управления, культуры, образования и правоохранительных органов. «Постепенное “выдавливание” управленцев-нечувашей из ключевых республиканских структур, заметное снижение их социального статуса, лишение многих из них прежних номенклатурных привилегий повысило напряженность в межэтнических отношениях» [48, с. 5 — 6].

Начавшаяся в середине 1980-х гг. перестройка открыла «небывалую до тех пор возможность сделать быструю политическую карьеру, особенно привлекательную для той части чувашской интеллигенции, которая не достигла заметных успехов на поприще научного или художественного творчества. Для этого нуж-

¹ Мацузато К. Полигон постмодернизма: элита в посткоммунистической Чувашии // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. Т. 8. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 160 — 167.

но было лишь поднять флаг борьбы за возрождение нации, ее культуры, языка, традиций, религий и т. п. <...> Именно из этой среды рекрутируется в Чувашии основная масса новых функционеров, законодателей, политических лидеров и пропагандистов» [48, с. 6].

Что касается рабочих заводов и фабрик, то чувашаи заняты в основном на тяжелых, не требующих высокой квалификации работах. Соответственно, они получают меньшую заработную плату и хуже обеспечиваются жильем. Как полагает автор, «жители так называемых “овражных засыпушек”, “шанхаев”, среди которых преобладают выходцы из чувашских деревень, представляют собой потенциально взрывоопасный элемент общественной структуры при условии, если межэтнические отношения в Чувашии вступят в стадию напряженности» [48, с. 7]. И среди сельского населения ситуация непростая. Высокая его плотность, означающая по сути малоземелье, введение частной собственности на землю делает процесс ее приватизации напряженным и болезненным. «Крестьяне чувашской национальности в этих условиях могут оказаться весьма восприимчивы к лозунгу “Чувашия для чувашей”. <...> Всевозможные попытки оттеснения русского и русскоязычного, а также татарского, мордовского и иного сельского населения при разделе земельных угодий может привести к отдельным межнациональным столкновениям в деревнях Чувашии» [48, с. 7 — 8]. В рамках данной работы мы не ставим целью комментировать суждения и выводы автора, однако отметим лишь их чрезмерную категоричность и абсолютную бездоказательность.

Характеризуя национальное движение в Чувашии, В. Р. Филиппов отмечает, что оно с самого начала разделилось на два крыла: умеренные — ставящие во главу угла культурно-просветительскую деятельность, и радикалы — сторонники идеи государственного суверенитета региона. К первым он относит писателей М. Юхму, В. Станьяла, Ф. Агивера, поэтессу Р. Сарби, ко вторым — ученого А. Хузангая, социолога П. Краснова, юриста Н. Лукианова и строителя Ю. Кошелева. Лидеры национально-радикального движения отождествляли себя с демократами. Говоря о борьбе за влияние в национально-патриотическом движении чувашей, автор акцентирует внимание на двух противоборствующих течениях: с одной стороны — ЧАП и Чувашский национальный конгресс (ЧНК), с другой — Чувашский общественно-культурный центр (ЧОКЦ) [48, с. 8 — 9].

Принятие Декларации о государственном суверенитете и закона «О языках в Чувашской ССР», по его мнению, «ознаменовали начало нового этапа националистического движения в Чувашии. Они легитимизировали фундаментальные, системообразующие элементы национализма как политические доктрины: этническую государственность и дифференциацию населения на первосортное — “коренное” и второсортное — “некоренное”. Внедрение этнической парадигмы в политическую практику было очевидным успехом чувашских националистов и, несомненно, сделало процесс политизации этничности еще более явным» [48, с. 13]. Завершается монография очередным прогнозом. В перспективе автор видит снижение интереса населения республики к деятельности ЧАП и ЧНК, ускорение процесса раскола в национально-патриотическом движении.

Глубоко символично, на наш взгляд, то, что вторая работа ученого «Чувашия девяностых: Этнополитический очерк» [47] издана в серии «Бунтующая этничность». В предисловии он описывает декорации «этнополитического спектакля» в Чувашии, оставаясь верным себе, одну из глав посвящает чувашскому национализму как этнополитической доктрине. Оставаясь на своих же теоретико-методо-

логических позициях, во многом повторяя содержание рассмотренной выше монографии, В. Р. Филиппов в историографию общественно-политической истории тем не менее добавляет новые сюжетные линии.

В. Р. Филиппов с полной уверенностью заявляет, что дальнейшее развитие этнополитической ситуации в Чувашской Республике будет зависеть по крайней мере от трех факторов: 1) от того, как будет реформироваться модель отечественного федерализма, будут ли найдены механизмы противодействия этнократическим республиканским элитам; 2) будет ли Президент Чувашии апеллировать к иррациональному этническому чувству в целях сохранения этногосударственного статуса региона; 3) захочет ли первый Президент республики баллотироваться вновь, и позволит ли ему это сделать российское законодательство. Однако «очевидно одно. Оптимизировать этнополитическую ситуацию в стране можно, лишь модернизировав федеративное устройство России. Межэтническую напряженность нельзя преодолеть, не ликвидировав постыдное деление граждан страны на “титულных” и “нетитулных”, на “коренных” и “некоренных”, на “старших” и “младших” братьев» [47, с. 196]. Завершая обзор работ московского ученого, посвященных чувашскому региону, отметим, что ни один из его прогнозов в последующем не подтвердился.

Значительный интерес представляют работы В. В. Андреева, посвященные развитию республик Волго-Вятского экономического региона в условиях модернизации российской государственности, национально-государственному строительству в Среднем Поволжье на рубеже XX — XXI вв. [2; 3]. Новые подходы в национальной политике страны он связывает с серединой 80-х гг. прошлого столетия, с началом демократизации общественно-политической жизни и возникновением на этом фоне национальных движений, преследующих идеи национального возрождения и суверенизации. Однако властные структуры не могли должным образом реагировать на происходящие изменения, они были бессильны в поисках новых форм и методов идеологической работы. Прежде всего интеллигенция, считает автор, осознавала и отражала интересы своего народа. Первые открытые выступления лидеров национальных движений «свидетельствовали о том, что такие интересы воспринимаются не только как языковые, культурные, но и как политические, связанные с суверенитетом республик, позволяющим осуществить и самостоятельное хозяйствование, и сохранение национальной самобытности в целом» [2, с. 35].

С активизацией общественно-политической жизни в регионе некогда называвшие себя клубами по интересам, политклубами, просветительскими обществами достаточно быстро (по историческим меркам) прошли этап структурной перестройки и превратились в организации со своими уставами и программами. На примерах решений ЧНК и ЧАП В. В. Андреев подробно показывает перипетии проходивших в 1997 г. выборов Президента Чувашии.

В вопросах национально-государственного строительства «своими программными положениями, — делает вывод автор, — большинство партий поддержало повышение статуса республик как равноправных субъектов РФ и их национально-государственное переустройство в рамках действующей Конституции РФ. После заключения Федеративного договора, принятия Конституции РФ в деятельности партий и движений произошли определенные сдвиги, связанные с тем, что открыто националистических, сепаратистских требований или призывов к абсолютному суверенитету не наблюдалось. Отдельные попытки некоторых

политических лидеров, высказывающих подобные требования, партиями не поддерживались, что дает основание утверждать: программы и деятельность партий и движений по вопросам национально-государственного переустройства республик в целом осуществлялись в рамках действовавшего в РФ и в республиках становившегося единого правового поля» [2, с. 142].

Анализируя общественно-политические процессы в Чувашии и соседних с ней республиках в 1990-е гг., В. В. Андреев называет в качестве наиболее заметных региональные отделения Всероссийских политических партий: КПРФ, ЛДПР, «Отечество», «Яблоко» и «Единство». В этой связи несомненный интерес представляют методологические разработки автора, посвященные динамике политических элит. Фактор лидерства и роль политических элит имеет большое значение в аспекте выхода государственности на новый статусный уровень. «В случае конструктивного и неконфликтного осуществления этих процессов это позитивно сказывалось в общей динамике преобразований. В ситуациях, когда главным признаком становилась борьба за власть, развитие событий приобретало деструктивный характер. В принципе, в этом проявились общие закономерности смены элит» [2, с. 189].

Одной из наиболее фундаментальных в отечественной (чувашской) историографии работ, безусловно, является вторая книга двухтомной истории Чувашии, а именно главы, написанные И. И. Бойко и В. Г. Харитоновой [9], Д. А. Захаровым [20].

И. И. Бойко и В. Г. Харитонova начинают рассмотрение истории республики в годы перестройки (1985 — 1991) с основ экономической политики. Для нас это представляет значительный интерес, поскольку состояние политической системы, изменения, происходившие и происходящие в ней, во многом являются отражением и следствием состояния и изменений экономического базиса. К сожалению, объявленный в стране курс на ускорение социально-экономического развития не наполнился реальным содержанием и не принес ожидаемых результатов. Старые проблемы, связанные с издержками плановой и централизованной экономики, не уменьшились, а к ним добавились новые, сопряженные с введением рыночных механизмов в народнохозяйственном комплексе региона. Возникли серьезные проблемы с наращиванием производства, темпы его прироста стали снижаться. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры: если темпы прироста промышленной продукции в 1985 — 1986 гг. составляли 15,5 %, в 1987 — 1989 гг. — лишь 9,1 %, то в 1990 г. этот показатель упал до рекордно низких 2,6 %. «Экономическая самостоятельность предприятий, — пишут авторы, — вместо повышения эффективности их деятельности породила групповой эгоизм, рост прибыли начал обеспечиваться за счет повышения цен, вымывания ассортимента дешевых изделий». Обострялась ситуация в трудовых коллективах. Прошли забастовки работников Новочебоксарской хлопчатобумажной фабрики, водителей Чувашавтотранса, в течение 56 часов простоял сталелитейный цех Чебоксарского агрегатного завода. Население столкнулось с таким понятием, как «товарный дефицит» [9, с. 256]. Экономика в очередной раз за последнее десятилетие вступала в период стагнации. Идея экономического суверенитета союзных республик постепенно переросла в идею полной политической самостоятельности. Вслед за декларациями о государственном суверенитете союзных республик пошла волна аналогичных решений в автономных республиках. Так, с июля 1990 по январь 1991 г. свой суверенитет провозгласили 14 из 16 бывших российских

автономий. 24 октября 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете принял и Верховный Совет Чувашской АССР, предложивший новое название региона — Чувашская Советская Социалистическая Республика [9, с. 257 — 258].

Говоря о перестройке и состоянии общественно-политической жизни, авторы отмечают, что граждане не понимали, что от них конкретно хотят инициаторы перестроечных процессов, и нередко сравнивали ситуацию с ветреной погодой в лесу: «Наверху шумит, а внизу тихо». Наметился общественный разрыв между ожиданиями людей и реальным положением дел во всех сферах жизнедеятельности. Партийные (руководящие) органы предпринимали попытки пересмотра принципов своей работы, она становилась более открытой, но не приносила партийным органам желаемых результатов. Наиболее активная часть населения инициировала организацию политических клубов. Таковые в течение 1987 — 1988 гг. были созданы на целом ряде предприятий. Прошедшие в 1989 г. выборы народных депутатов СССР еще более сплотили неформальные объединения. Митинг, прошедший 25 февраля 1990 г. на Центральном стадионе г. Чебоксар, в котором приняли участие 9 — 10 тыс. чел., выразил недоверие бюро обкома КПСС, Совету министров республики и областному совету профсоюзов. После выборов в Верховные Советы РСФСР и Чувашской АССР летом того же года юридический статус в Чувашии начали получать региональные отделения всероссийских политических партий. КПСС начали покидать и сдавать партийные билеты рядовые ее члены. «Поставленные задачи оказались невыполненными, поскольку у большинства рядовых членов сложилось твердое убеждение о глубоком разрыве между интересами руководства партии и ее рядовых членов, а развитие повседневной ситуации лишь подтверждало, что дистанция между решениями и жизнью продолжала увеличиваться». Точку в истории КПСС, по сути, поставил августовский путч 1991 г., который фактически был поддержан руководством республиканского комитета Коммунистической партии РСФСР и Верховного Совета Чувашии. «Столкнувшись с противостоянием, партия не нашла внутренних сил и резервов для противодействия оппозиционным силам. Деятельность неформальных организаций и движений получила поддержку в настроениях народных масс, испытывавших в большинстве своем недоверие к КПСС, которое подкреплялось ухудшением материального положения, растущим дисбалансом между денежной массой и товарным обеспечением. Пустые прилавки и длинные очереди за товарами первой необходимости являлись самым эффективным катализатором недовольства как центральными, так и местными органами власти» [9, с. 268 — 281, 330].

В своей книге Д. А. Захаров, описывая процессы экономической и политической модернизации в Чувашии в 1991 — 2005 гг., значительное место уделяет и общественно-политическим преобразованиям [20, с. 331 — 341]. В их числе — становление (законодательное оформление) президентской власти в республике, принятие законов «О Президенте Чувашской ССР» и «О выборах Президента Чувашской ССР». Останавливается на прошедших в декабре 1991 г. выборах Президента Чувашии, которые были признаны несостоявшимися, и решением Верховного Совета был наложен мораторий на их проведение. Автор считает, что после известных октябрьских 1993 г. событий в Москве² произошло резкое изменение политической ситуации в республике, что вызвало отмену объявленного морато-

---

² Имеется в виду противостояние Президента РФ и Верховного Совета РФ, приведшее в конечном итоге к роспуску законодательного органа России.

рия и проведение очередных выборов главы региона уже в декабре того же года. Реформирование коснулось и высшая законодательная власть — теперь она трансформировалась в Государственный Совет. В своей работе Д. А. Захаров в достаточно сжатой форме рассматривает состояние и динамику национального движения, отмечая существенный спад его радикальной составляющей после 1993 г.

В целом, считает автор, на рубеже XX — XXI вв. политическая система региона пережила несколько этапов в своем развитии. «На первом этапе, который охватил начало 1990-х гг., наблюдалась кардинальная перестройка всей структуры республиканской власти, общественно-политической жизни внутри региона. В этот период получили развитие и широко внедрялись такие элементы демократии, как гласность, многопартийность, альтернативность в избирательном процессе. Одновременно с новых позиций развивались федеративные отношения с Москвой, отличавшиеся относительной децентрализацией. Подписание Федеративного договора, начало функционирования высших институтов государственной власти, принятие республиканской Конституции стали ключевыми моментами второго этапа (1994 — 2000). Третий хронологический отрезок — с начала XXI в. — ознаменован усилением роли федерального Центра в политических и социально-экономических отношениях, выстраиванием жесткой вертикали власти» [20, с. 331].

Изучению становления и развития института президентства в Чувашии посвящено монографическое исследование Д. А. Захарова, охватывающее период с 1991 по 2000 г. [19]. Работа носит комплексный характер: показаны не только основные этапы данного феномена в политической истории региона, но и раскрыты законодательная база и деятельность высшего должностного лица, введены в научный оборот законодательство и нормативно-правовые акты Президента республики. Автор полагает, что учреждение института президентства в Чувашской Республике ее Верховным Советом связано прежде всего с желанием наполнить реальным содержанием Декларацию о государственном суверенитете, принятой годом ранее. Безусловно, реформирование органов государственной власти ускорили события 19 — 21 августа в Москве, связанные с попытками государственного переворота в стране. Подробно останавливаясь на перипетиях принятия законов о Президенте, его выборах и статусе, автор заключает, что принятие данного пакета законов ознаменовало собой радикальный шаг в национально-государственном строительстве республики [19, с. 18].

Хронологически функционирование института президентства в 1994 — 2000 гг. Д. А. Захаров разделяет на два этапа. 1994 — 1995 гг. характеризуются резким противостоянием между Президентом и Государственным Советом Чувашской Республики. Народные избранники, в большинстве своем стоящие на коммунистических позициях, стремились к расширению своих полномочий, усилению контроля над исполнительной властью и упразднению института президентства. 1996 — 2000 гг. ознаменовались дальнейшим развитием, укреплением и окончательным оформлением института высшего должностного лица республики. После тяжелейшего кризиса в конце 1990-х гг. уже наблюдалось «оживление» экономики, Чувашия в реализации многих экономических и социально-значимых проектов становилась примером для других регионов страны, «политика Президента и Правительства была направлена на защиту интересов жителей Чувашии и ее суверенитета, на поднятие статуса республики и достижение ее “узнаваемости” на международной арене» [19, с. 94].

В другой работе Д. А. Захарова, посвященной объявленному Верховным Советом республики суверенитету, становлению института президентства в 1991 — 1993 гг. и реформированию высшего законодательного органа в начале 90-х гг. прошлого столетия [21], мы находим дополнительные сведения о неудавшейся в стране (в том числе — республике) так называемой «перестройке» всей системы общественных и экономических отношений, зарождавшемся национальном движении, появлении первых неформальных объединений, преследующих политические цели. Показательны сюжеты политической жизни региона: о самом массовом митинге в г. Чебоксары 25 февраля 1990 г., коллизиях в высшем законодательном органе при принятии Декларации о государственном суверенитете, закона о языках, когда впервые чувашский язык наряду с русским был объявлен государственным, утверждении Герба, Флага и Гимна Чувашской Республики. Предтечей, «возмутителем» в этих вопросах автор считает прошедшую 23 мая 1989 г. в научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) научно-практическую конференцию, которая рекомендовала Верховному Совету республики подготовить законопроект, закрепляющий чувашский язык в статусе государственного. «Таким образом, определенную роль в развитии идей национально-государственного переустройства Чувашии сыграл именно этот институт, а его сотрудник А. П. Хузангай в начале 90-х гг. возглавил национальное движение в республике» [21, с. 20].

Рассматривая процесс реформирования законодательной власти в Чувашии, Д. А. Захаров определяет две причины, способствовавшие данному процессу, — объективные и субъективные. К первым он относит то, что Верховный Совет имел чрезмерно широкие полномочия, позволяющие ему вмешиваться в дела всех ветвей власти, что негативно сказывалось на деятельности правительства. К субъективным — поражение Верховного Совета России в борьбе с ее Президентом в сентябре—октябре 1993 г., послужившее толчком к реформированию представительных органов власти на местах и упразднению Советов [21, с. 112 — 113].

Отметим еще одну работу автора. Д. А. Захаров в ней [22] проводит анализ формирования и деятельности Государственного Совета Чувашской Республики в 1994 — 2003 гг. Уже подчеркивалось, что начало деятельности нового высшего законодательного органа было сопряжено с большими трудностями. Во-первых, это низкая явка избирателей, особенно в городах Чебоксары и Новочебоксарск, которая объясняется своеобразной формой протеста при ухудшающемся материальном положении населения. Во-вторых, имело место сильное противостояние между Государственным Советом и органами исполнительной власти, Президентом республики. Результатом наметившихся в экономике положительных тенденций стало по сути исчезновение коммунистической доминанты в составе Госсовета уже второго созыва. В целом, «Государственный Совет Чувашской Республики (1994 — 2003 гг.) сыграл важную роль в национально-государственном строительстве Чувашии. Выполняя законодательную функцию, он решал вопросы социально-экономического и политического развития республики. Наличие в парламенте представителей различных движений (коммунистического, национального и др.) создавало необходимый плюрализм при принятии решений» [22, с. 242].

Свой вклад в изучение политической истории Чувашии новейшего времени вносит В. Д. Данилов [10]. В монографии поставлена цель осуществить анализ основных социально-экономических и политических процессов и представить

обобщенную картину региона с 1990 по 2000 г. К ключевым ориентирам, позволяющим указанный промежуток времени разделить на определенные периоды, он относит первые альтернативные выборы народных депутатов Чувашской АССР в 1990 г., избрание первого Президента республики в 1993 г. и принятие новой Конституции Чувашской Республики в 2000 г. [10, с. 4 — 5].

Активизация общественно-политических процессов в республике началась во второй половине 1980-х гг., которая послужила предтечей или предпосылкой будущих «неформальных» и формализованных общественных объединений, преследующих политические цели. Рассмотрение динамики социально-политических изменений В. Д. Данилов начинает с дискуссионного клуба «Диалог», первое заседание которого прошло 10 декабря 1988 г. в Доме политпросвещения Чувашского обкома КПСС. Описывает появление первых политклубов, Союза избирателей «Альтернатива», независимых демократических периодических изданий «КЛИП», «Гласность», «Альтернатива», «Совершенно секретно», «Экспресс-хроника». Говоря о национальных движениях, претендующих на выражение «национальной идеи» и «национальной доктрины», автор прежде всего имеет в виду ЧаП и ЧНК. «Представители этих движений часто отождествляли себя с демократами, — считает исследователь. — Укреплению их позиций во многом способствовал экономический, социальный и духовный кризис российского общества, <...> недовольство значительной части населения своим материальным положением, вина за которое возлагалась, как правило, на федеральный центр. В этих условиях местные политические элиты дистанцировались от центра и стремились показать себя способными решать насущные проблемы жизни населения регионов, создать себе имидж единственных защитников его интересов под национальным флагом и националистическими лозунгами» [10, с. 37].

Достаточно оригинальным, на наш взгляд, представляется рассмотрение политических процессов на примере биографии отдельного человека, в значительной степени, по мнению автора, определявшего содержание этих процессов, — Н.В. Федорова [10, с. 133 — 144]. Историк отмечает: «В условиях тяжелейшего социально-экономического кризиса, политических споров между коммунистами, либералами и националистами, несмотря на колебания в курсе региональной политики федеральных властей, Президенту Чувашской Республики удалось создать свою модель модернизационного развития Чувашии, которая учитывает как общие положения мирового опыта, так и конкретные условия действительности» [10, с. 186].

В целом соглашаясь с выводами чувашского ученого, не можем не заметить следующее. Как и в случае с московским исследователем, описанным выше, В. Д. Данилов также позволяет себе категоричность в суждениях, не имея для этого никакой доказательной базы. Прежде всего это относится к «борьбе с либералами и националистами».

Монография В. Д. Данилова, А. П. Малышкина и И. А. Дмитриева посвящена демократическому транзиту в Чувашии 1990 — 2010 гг. [12]. Книга повторяет многие сюжеты, анализ и выводы, изложенные в первой работе В. Д. Данилова [10], однако содержит и новеллы, впервые выдвигаемые и рассматриваемые в чувашской историографии. К таковым мы относим укрепление позиций федерального центра и выстраивание «вертикали» власти, реформирование органов государственной власти и местного самоуправления в регионах, подробный анализ прошедших в первое десятилетие XXI в. федеральных и региональных вы-

боров, становление и достижение высокой степени популярности Всероссийской политической партии «Единая Россия» и др.

В. А. Алексеев рассматривает в контексте общероссийских политические процессы в Чувашии в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [1]. Ценными, на наш взгляд, являются его наблюдения при описании деятельности первых политклубов, возникших на предприятиях и в организациях г. Чебоксары. Придавая большое значение союзу избирателей «Альтернатива», автор отмечает, что отличие союза «Альтернатива» от всех национальных и националистических фронтов заключается в отсутствии характерных требований националистического характера. В предвыборных программах кандидатов союза появились предложения сценариев экономического, экологического и стратегического будущего г. Чебоксары и Чувашии и пути их достижения [1, с. 410].

Мы солидарны с мнением В. Н. Клементьева о том, что «ситуация, сложившаяся в течение второй половины 1980-х — 1991 гг., характеризовалась позитивным курсом на демократизацию общественно-политической жизни в Чувашии, расширением ее правового статуса на фоне возрастающей общей политической и экономической нестабильности в стране» [31, с. 70].

Как известно, одной из целей политической деятельности ее субъектов является участие в формировании органов власти, приход к власти и ее удержание. Одним из основополагающих нормативов, регулирующих эти процессы, является законодательство о выборах. Вопросам становления, функционирования и совершенствования избирательной системы Чувашии посвящена работа Л. Н. Линик³. Совершенствование избирательной системы — процесс закономерный и непрерывный, ибо оно связано с постоянно вносимыми изменениями в политическую систему, государственное обустройство и систему органов местного самоуправления.

После развала СССР возникла острая необходимость в правовом регулировании деятельности общественных движений, их институционализации. Верховный Совет Чувашской Республики в 1992 г. принял закон «Об общественных объединениях в Чувашской Республике», ставший базовым и по-своему стимулирующим так называемые «неформальные» объединения к их формализации.

Большую помощь в дальнейшей исследовательской работе могут оказать хроникальные материалы Чувашской областной организации КПСС [53] и ЧНК [54; 55], созданного сразу после распада СССР и продолжающего свою деятельность по настоящее время. В отличие от многих канувших в Лету общественных объединений, в том числе — политических партий.

Завершить же обзор монографических работ, так или иначе затрагивающих тему общественно-политической истории региона, мы хотим исследованием В. П. Иванова [23]. На первый взгляд, оно не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблематике. Однако приведенные в книге статистические материалы, равно как и данные этнографических и социологических исследований, а также обозначение этнических аспектов в социальных процессах и анализ межнациональных отношений существенно могут приблизить к пониманию и объяснению сути многих общественно-политических явлений и процессов.

Некоторые достаточно интересные аспекты рассматриваемой темы находим в статьях И. И. Бойко [4 — 8], М. В. Демидова [13 — 16], А. В. Изоркина [24],

---

³ Линик Л. Н. Становление и развитие избирательной системы Чувашской Республики: учебное пособие. Чебоксары: Чувашия, 2003. 133 с.

И. Е. Ильина [25 — 27], А. И. Кибеча⁴, В. Н. Клементьева [32], П. С. Краснова⁵, В. Г. Павлова⁶, С. В. Тарасова⁷, М. В. Терентьева [42], Н. К. Филиппова [49], А. П. Хузангая⁸ [50 — 51], А. И. Цветкова [52], М. Н. Юхмы⁹. Все они представляют научную ценность и требуют детального рассмотрения в последующем.

Немалый интерес представляют мемуары и воспоминания бывших и нынешних государственных, партийных и общественных деятелей, хозяйственных руководителей, их оценки общественно-политических процессов, происходивших в Чувашии на стыке XX и XXI вв. [17; 18; 28; 30; 33; 35; 36; 43; 44 — 46; 51; 57]. Отметим лишь, что из-за «сроков давности» к данной источниковой базе следует подходить весьма критически, так как в подобного рода работах зачастую наряду с высокой долей субъективизма наблюдается и «смещение во времени» соответствующих позиций и оценок.

Заключение

Таким образом, анализ историографии рассматриваемой темы показывает высокую степень разработанности самых различных ее аспектов. Однако требуют дальнейших исследований деятельность государственных и негосударственных политических институтов по участию в общественной жизни и попыткам ее регулирования — политических партий и движений, комсомола, профсоюзов. В демократическом транзите высока роль трудовых коллективов, научной

⁴ Кибеч А. И. Этюды о чувашском // Советская Чувашия. 1992. 28 июля.

⁵ Краснов П. С. Сравнивая две реформы // Молодой коммунист. 1989. 1 июня; Его же. Почему я не вступил в партию? // Молодой коммунист. 1990. 1 марта; Его же. Уважать законы // КЛИП. 1991. № 17. Май; Его же. Действующие лица // Молодой коммунист. 1991. 26 августа; Его же. ЧАП: вчера, сегодня, завтра // Советская Чувашия. 1991. 31 октября; Его же. Тени возвратились утром // Советская Чувашия. 1992. 19 августа; Его же. Что кроется за суверенитетом? // Советская Чувашия. 1996. 10 августа; Его же. Гласность, критика и самокритика — факторы обновления социализма // Демократизация — суть перестройки советского общества / под общ. ред. Г. А. Яковлева. Чебоксары: Дом политпросвещения Чувашского обкома КПСС, 1989. С. 75 — 81; Его же. С. К вопросу о структуре форм самоопределения наций // КПСС — организатор создания, развития советской национальной государственности, экономики, культуры и совершенствования национальных отношений в автономных республиках Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 1989. С. 31 — 33; Его же. Правовые и организационные основы демократизации общества // Государственный Совет Чувашской Республики в системе органов государственной власти в Чувашской Республике, его роль в социально-экономическом развитии республики / под общ. ред. А. С. Иванова; сост. А. И. Ухтияров, Л. Г. Яргунина. Чебоксары: Госсовет ЧР, 2004. С. 50 — 54; Его же. Законодательные акты Верховного Совета Чувашской Республики 12-го созыва как основа эффективного функционирования представительного органа государственной власти // Государственный Совет Чувашской Республики: истоки, становление, проблемы и пути совершенствования законодательства / под общ. ред. А. И. Ухтиярова. Чебоксары: Госсовет ЧР, 2014. С. 24 — 27.

⁶ Павлов В. Г. Из истории демократического движения Чувашии // Чăваш ен. 1993. № 45.

⁷ Тарасов С. В. О чем мечтают этнократы // Советская Чувашия. 1992. 8 июля.

⁸ Хузангай А. Лозунг «Чувашия — для чуваш» мне кажется просто глупым // Чăваш ен. 1991. 25 апреля; Его же. Тяжба о России // Советская Чувашия. 1991. 13 ноября; Его же. Ловушка для республик // Советская Чувашия. 1992. 27 марта; Его же. Большое ниме чувашского народа // Советская Чувашия. 1992. 11 июля; Его же. Третье возрождение чувашского народа // Проблемы становления многопартийности в республиках Поволжья и Приуралья: тезисы регионального научно-практического семинара (20 — 21 августа 1993 г.) / под ред. М. С. Тимофеева, Г. И. Тафаева. Чебоксары: Чуваш. респ. фонд поддержки реформ, 1993. С. 70 — 79; Его же. Евразиец Сахаров и нынешние демократы // Советская Чувашия. 1992. 16 июня; Его же. Право на историю // Советская Чувашия. 1998. 24 — 25 ноября.

⁹ Юхма М. Н. Брошенное поле // Литературная газета. 1988. 20 января; Его же. Тяжелы вчерашние вериги // Советская культура. 1988. 19 августа; Его же. Свято верю в обновление // Книжное обозрение. 1989. 3 февраля.

и творческой интеллигенции, средств массовой информации, в особенности, — многотиражной печати и появившихся на стыке 80 — 90-х гг. прошлого столетия многочисленных независимых СМИ. Немалый интерес представляют циклы зарождения, становления и ухода с общественной арены целого ряда партий и движений, появление новых политических институтов, а также их идеологические противоречия и столкновения в периоды выборов Президента республики, депутатов различных уровней и глав муниципалитетов. В целях получения полноценной картины общественно-политической истории современной Чувашии важно показать и описать в дальнейшем роль личностей и политических элит в социальных процессах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В. А. Анализ политических процессов в России и ее регионах. Чебоксары: Новое время, 2010. 432 с.
2. Андреев В. В. Национально-государственное строительство в Среднем Поволжье на рубеже XX — XXI веков: исторический опыт и уроки: монография. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. 268 с.
3. Андреев В. В. Республики Волго-Вятского экономического региона в условиях модернизации Российской государственности. Москва: МИРОС, 2003. 186 с.
4. Бойко И. И. К проблеме становления гражданского общества (на примере истории Чувашской Республики) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия: сборник статей / науч. ред. В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 77 — 92.
5. Бойко И. И. Рец. на: Трансформация общероссийских политических партий и национально-культурных объединений: сборник научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2011. 188 с. // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 176 — 180.
6. Бойко И. И. Рец. на: Данилов В. Д., Малышкин А. П., Димитриев И. А. Время перемен: Социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии. 1990 — 2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с. // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 180 — 184.
7. Бойко И. И. Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985 — 1991 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 45 — 60.
8. Бойко И. И. Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 3 — 9.
9. Бойко И. И., Харитонова В. Г. В годы «перестройки» (1985 — 1991 гг.) // История Чувашии новейшего времени. Кн. II. 1945 — 2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 251 — 330.
10. Данилов В. Д. Очерки новейшей политической истории Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2006. 208 с.; ил.
11. Данилов В. Д., Данилова А. П. Отвечая на вызовы времени. Чебоксары: Новое время, 2016. 240 с.
12. Данилов В. Д., Малышкин А. П., Димитриев И. А. Время перемен: Социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии. 1990 — 2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с.
13. Демидов М. В. Депутат в Совете и формирование местного бюджета // Проблемы развития народного хозяйства в условиях экономической самостоятельности: сборник статей / ред. В. Н. Виктор. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 120 — 128.
14. Демидов М. В. Народный депутат — организатор самоуправления граждан в избирательном округе // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей: сборник статей / ред. В. Н. Виктор. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 114 — 123.
15. Демидов М. В. Организационное становление Государственного Совета Чувашской Республики и принятие им Конституции Чувашской Республики 2000 года // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 173 — 186.
16. Демидов М. В. Повышение социально-политической активности депутатов — важный фактор обеспечения самоуправления народа // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора: сборник статей / ред. В. Н. Виктор. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 36 — 43.
17. Дорогой созидания. Воспоминания: сборник статей / сост. Д. Ф. Семенов. Чебоксары: Чебоксарский филиал СПбГПУ, 2006. 262 с.
18. Жизнь, отданная народу. Воспоминания о С. М. Ислюкове / авт. и сост. И. П. Прокопьев; ред. И. П. Кириллов. Чебоксары: ЧИЭИМ, 2005. 138 с.

19. Захаров Д. А. Институт президентства в Чувашии (1991 — 2000 гг.): монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2004. 118 с.
20. Захаров Д. А. На путях экономической и политической модернизации (1991 — 2005 гг.) // История Чувашии новейшего времени. Кн. II. 1945—2005 / науч. ред. В. Н. Клементьев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 331 — 393.
21. Захаров Д. А. Национальная государственность Чувашии в условиях распада Советского Союза и становления российского федерализма (1990 — 1993 гг.): монография. Чебоксары: ООО «Фирма «Атолл», 2006. 136 с.
22. Захаров Д. А. Формирование и деятельность Государственного Совета Чувашской Республики (1994 — 2003 гг.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сборник статей / сост. и отв. ред. В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 210 — 245.
23. Иванов В. П. Этническая карта Чувашии (Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики). Чебоксары: Русика, 1997. 176 с.
24. Изоркин А. В. Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР — 70 лет / ред. И. И. Бойко и В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 13 — 34.
25. Ильин И. Е. Межнациональные отношения в Чувашии: этносоциальные проблемы // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сборник статей / ред. В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 127 — 138.
26. Ильин И. Е. Менталитет крестьянства Чувашии в контексте политических и социально-экономических изменений (последняя четверть XX — начало XXI века) // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 151 — 157.
27. Ильин И. Е. Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике (По материалам социологического исследования 2002 г.) // Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике / отв. за выпуск М. Н. Краснов, В. Г. Харитонов; ред. В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 43 — 64.
28. Ильенко Г. А. Воспоминания. Чебоксары: НПО «Элара», 2006. 192 с.
29. Каппелер А. Чуваши. Народ в тени истории: монография / пер. с нем. Е. В. Толстовой; науч. ред. Л. А. Таймасов. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. 268 с.
30. Кибеч А. И. Свет истины, или Словарь прозрений чуваша. Чебоксары: ИЧП, 2011. 344 с.
31. Клементьев В. Н. Формирование и развитие советской государственности в Чувашии (ноябрь 1917 — 1993 г.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия / науч. ред. В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 47 — 76.
32. Клементьев В. Н. Этапы развития советской системы в Чувашии (ноябрь 1917 — 1993 гг.) // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Чувашской Республики (Чебоксары, 22 июня 2000 г.) / отв. за выпуск В. Г. Харитонов, А. П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 23 — 26.
33. Кураков Л. П. Эпоха разума, гуманизма и чести. Письма сыну: Документально-художественное повествование. Чебоксары: Чувашия, 2021. 368 с.
34. Петров А. П. Гласность в деятельности законодательного органа республики // Государственный Совет Чувашской Республики в системе органов государственной власти в Чувашской Республике, его роль в социально-экономическом развитии республики / под общ. ред. А. С. Иванова; сост. А. И. Ухтияров, Л. Г. Яргунина. Чебоксары: Госсовет ЧР, 2004. С. 67 — 72.
35. Петров А. П. На стыке двух эпох: Воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 335 с.
36. Прокопьев И. П. Верность долгу: сборник статей / ред. И. П. Прокопьев. Чебоксары: ИЧП, 1999. 82 с.
37. Тафаев Г. И. Демократическое движение в Чувашии. Чебоксары: Типография ЧЗПТ, 1992. 114 с.
38. Тафаев Г. И. История политических партий и национальных движений Поволжья: монография. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 1994. 327 с.
39. Тафаев Г. И. Политические партии и выборы в представительные органы. Прогнозы и реальность. Чебоксары: ЧОКЦ, 1994. 266 с.
40. Тафаев Г. И. Программные документы политических партий и движений Чувашии. Кн. 3. Чебоксары: Типография ЧЗПТ, 1992. 84 с.
41. Тафаев Г. И. Чувашская ССР в условиях многопартийности. Кн. 1. Чебоксары: Типография ЧЗПТ, 1991. 91 с.

42. Терентьев М. В. Роль местных Советов в совершенствовании организационного механизма экономического и социального развития региона // Проблемы формирования регионального народнохозяйственного комплекса: межвуз. сборник научных трудов / ред. В. С. Александрова. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 1989. С. 4 — 12.
43. Тургай В. В. Моя бунтарская карма. Статьи. Интервью. Изд. 2-е. Чебоксары: ИЧП, 2023. 300 с.
44. Федоров Н. В. В ответе навсегда... Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 320 с.
45. Федоров Н. В. Вспоминая время надежд... Москва: Новое время, 2022. 340 с.
46. Федоров Н. В. Сквозь призму вечности: опыт философской прозы. Москва: Новое время, 2018. 128 с.
47. Филиппов В. Р. Чувашия девяностых: Этнополитический очерк. Москва: ПМЛ Института Африки РАН, 2001. 250 с.
48. Филиппов В. Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988 — 1993). Москва: УОП Института этнологии и антропологии РАН, 1994. 30 с.
49. Филиппов Н. К. Организация государственной власти в Чувашской Республике // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 93 — 103.
50. Хузангай А. П. Роль и место Верховного Совета Чувашской Республики в реформировании органов власти и управления Чувашской Республики // Государственный Совет Чувашской Республики в системе органов государственной власти в Чувашской Республике, его роль в социально-экономическом развитии республики / под общ. ред. А. С. Иванова; сост. А. И. Ухтияров, Л. Г. Яргунина. Чебоксары: Госсовет ЧР, 2004. С. 77 — 81.
51. Хузангай А. П. Тексты, метатексты и путешествия. Чебоксары: Тип. Шафровой Г. К., 2003. 388 с.
52. Цветков А. И. Формирование Государственного Совета Чувашской Республики (1994 — 2011 гг.): правовые аспекты, электоральные тенденции и особенности правоприменительной практики // Государственный Совет Чувашской Республики: истоки, становление, проблемы и пути совершенствования законодательства / под общ. ред. А. И. Ухтиярова. Чебоксары: Госсовет ЧР, 2014. С. 49 — 60.
53. Чувашская областная организация КПСС. Хроника. 1898 — 1991: в 2 кн. Кн. 2 (1956 — 1991) / сост. В. Д. Димитриев, И. П. Прокопьев. Чебоксары: Чувашия, 2007. 656 с.
54. Чувашский национальный конгресс. Чувашские национально-культурные объединения Российской Федерации и зарубежных стран / авт.-сост. Н. И. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 239 с.
55. Чувашский национальный конгресс: 1992—2017. Документы и материалы / сост. А. П. Лентьев. Чебоксары: Free роеггу, 2017. 374 с.
56. Шабунин Д. М. Политическая трансформация региона: Изменение государственных институтов и конституционный процесс в Чувашской Республике. Чебоксары: ИЧП, 1999. 88 с.
57. Юхма М. Н. Очередь на Голгофу. Чебоксары: Вучах, 1996. 240 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. A. The analysis of political processes in Russia and its regions. Cheboksary; 2010;432. (In Russ.)
2. Andreev V. V. National-state construction in the Middle Volga region at the turn of 20th — 21th centuries: historical experience and lessons: monograph. Cheboksary;2009;268. (In Russ.)
3. Andreev V. V. The republics of the Volgo-Vyatsky economic region in the conditions of modernization of the Russian statehood. Moscow;2003;186. (In Russ.)
4. Boyko I. I. The problem of civil society formation (the historical example of the Chuvash Republic) // the studies of the socio-political history of Chuvashia of 20th century: a collection of articles / edited by V. N. Klementiev. Cheboksary;2002;77 — 92. (In Russ.)
5. Boyko I. I. The review on: The transformation of all-Russian political parties and national-cultural associations: a collection of scientific articles. Cheboksary;2011;188 p. // Chuvash Humanitarian Vestnik. 2012;7:176 — 180. (In Russ.)
6. Boyko I. I. The review on: Danilov V. D., Malyshkin A. P., Dimitriev I. A. Time of Changes: Social Modernization and Democratic Transit in Chuvashia. 1990 — 2010 years. Cheboksary;2011;412 // Chuvash Humanitarian Vestnik. 2012;7:180 — 184. (In Russ.)
7. Boyko I. I. The Chuvash regional (republican) organization of the CPSU (Communist Party of the RSFSR) in the conditions of political confrontation: experience and lessons of 1985 — 1991 // Chuvash Humanitarian Vestnik. 2007;1:45 — 60. (In Russ.)
8. Boyko I. I. Ethno-cultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic // Vestnik of Chuvash University. 2013;4:3 — 9. (In Russ.)

9. Boyko I. I., Kharitonova V. G. In the years of the “perestroika” (1985 — 1991) // The History of Chuvashia of the newest time. Book II. 1945 — 2005. Cheboksary;2009:251 — 330. (In Russ.)
10. Danilov V. D. The sketches of the latest political history of Chuvashia. Cheboksary;2006:208; ill. (In Russ.)
11. Danilov V. D., Danilova A. P. Responding to the challenges of time. Cheboksary;2016:240. (In Russ.)
12. Danilov V. D., Malyshev A. P., Dimitriev I. A. Time of Changes: Social Modernization and Democratic Transit in Chuvashia. 1990 — 2010 years. Cheboksary;2011:412. (In Russ.)
13. Demidov M. V. A Deputy in the Council and local budget formation // Problems of the national economy development in the conditions of economic independence: collection of articles / edited by V. N. Viktorov. Cheboksary;1991:120 — 128. (In Russ.)
14. Demidov M. V. The people’s deputy is an organizer of citizens’ self-government in the electoral district // Socio-economic problems of the Soviet people way of life: a collection of articles / edited by V. N. Viktorov. Cheboksary;1990:114 — 123. (In Russ.)
15. Demidov M. V. Organizational formation of the State Council in the Chuvash Republic and adoption of the Constitution of the Chuvash Republic in 2000 // Chuvash Humanitarian Vestnik. 2016;11:173 — 186. (In Russ.)
16. Demidov M. V. The increase in the socio-political activity of deputies is an important factor in ensuring of the people self-government // Socio-economic problems of improving the human factor: a collection of articles / edited by V. N. Viktorov. Cheboksary;1989:36 — 43. (In Russ.)
17. The road of creation. Memories: a collection of articles / compiled by D. F. Semenov. Cheboksary;2006:262. (In Russ.)
18. Life devoted to people. The memories of S. M. Islyukov / author and comp. I. P. Prokopyev; ed. I. P. Kirillov. Cheboksary;2005:138. (In Russ.)
19. Zakharov D. A. The Institute of Presidency in Chuvashia (1991 — 2000): monograph. Cheboksary;2004:118. (In Russ.)
20. Zakharov D. A. Economic and political modernization (1991 — 2005) // History of Chuvashia of the newest time. Book II. 1945 — 2005 / scientific ed. V. N. Klementiev. Cheboksary;2009:331 — 393. (In Russ.)
21. Zakharov D. A. National statehood of Chuvashia in the conditions of the collapse of the Soviet Union and the formation of Russian federalism (1990 — 1993): monograph. Cheboksary;2006:136. (In Russ.)
22. Zakharov D. A. Formation and activity of the State Council of the Chuvash Republic (1994 — 2003) // Personality, society, power in the history of Chuvashia: 20th century: a collection of articles / edited by V. N. Klementiev. Cheboksary;2007:210 — 245. (In Russ.)
23. Ivanov V. P. Ethnic map of Chuvashia (Settlement, number and interethnic interaction of the titular nation and ethnic groups on the territory of the republic). Cheboksary;1997:176. (In Russ.)
24. Izorkin A. V. National-state construction of the Chuvash ASSR over 70 years // The Chuvash ASSR is 70 years / ed. by I. I. Boiko and V. A. Prokhoko. Cheboksary;1990:13 — 34. (In Russ.)
25. Ilyin I. E. Interethnic relations in Chuvashia: ethno-social problems // Problems of the national in the development of the Chuvash people: a collection of articles / ed. by V. A. Prokhorova. Cheboksary;1999:127 — 138. (In Russ.)
26. Ilyin I. E. Mentality of the peasantry of Chuvashia in the context of political and socio-economic changes (the last quarter of 20th — the beginning of 21st century) // Mentality and ethno-cultural development of the Volga peoples: history and modernity / edited by G. A. Nikolaev. Cheboksary;2012:151 — 157. (In Russ.)
27. Ilyin I. E. The current state of ethno-cultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic (the sociological research in 2002) // The Issues of ethno-cultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic / responsible for the issue M. N. Krasnov, V. G. Kharitonova; ed. by V. A. Prokhorova. Cheboksary;2003:43 — 64. (In Russ.)
28. Ilyenko G. A. Memories. Cheboksary;2006:192 p. (In Russ.)
29. Kappeler A. The Chuvash people. People in the shadow of history: a monograph / translated from German by E. V. Tolstova; scientific ed. L. A. Taymasov. Cheboksary;2019:268. (In Russ.)
30. Kibech A. I. Light of truth, or Dictionary of Chuvash insights. Cheboksary;2011:344. (In Russ.)
31. Klementyev V. N. Formation and development of the Soviet statehood in Chuvashia (November 1917 — 1993) // the studies of social and political history of Chuvashia of 20th century / ed. by V. N. Klementyev. Cheboksary;2002:47 — 76. (In Russ.)
32. Klementyev V. N. The stages of the Soviet system development in Chuvashia (November 1917 — 1993) // The Chuvash Republic at the turn of the millennium: history, economy, culture: abstracts of reports of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Chuvash Republic (Cheboksary, June 22, 2000) / responsible for the issue V. G. Kharitonova, A. P. Dolgova. Cheboksary;2000:23 — 26. (In Russ.)

33. Kurakov L. P. The epoch of reason, humanism and honor. The letters to his son. Documentary fiction narrative. Cheboksary; 2021:368. (In Russ.)
34. Petrov A. P. Transparency in the activities of the legislative body of the republic // The State Council of the Chuvash Republic in the system of public authorities in the Chuvash Republic, its role in the socio-economic development of the republic / edited by A. S. Ivanov; coedited by A. I. Ukhtiyarov, L. G. Yargunina. Cheboksary;2004:67 — 72. (In Russ.)
35. Petrov A. P. At the intersection of two eras: Memories. Cheboksary;2013:335. (In Russ.)
36. Prokopyev I. P. Fidelity to duty: a collection of articles / ed. I. P. Prokopyev. Cheboksary;1999:82. (In Russ.)
37. Tafaev G. I. Democratic movement in Chuvashia. Cheboksary;1992:114. (In Russ.)
38. Tafaev G. I. The history of political parties and national movements of the Volga region. Monograph. Cheboksary;1994:327. (In Russ.)
39. Tafaev G. I. Political parties and elections to representative bodies. Forecasts and reality. Cheboksary;1994:266. (In Russ.)
40. Tafaev G. I. Program documents of political parties and movements of Chuvashia. Book 3. Cheboksary;1992:84. (In Russ.)
41. Tafaev G. I. The Chuvash SSR in the conditions of multiparty system. Book 1. Cheboksary;1991:91. (In Russ.)
42. Terentyev M. V. The role of local councils in improving the organizational mechanism of economic and social development of the region // The problems of forming a regional national economic complex: interuniversity collection of scientific papers / edited by V. S. Aleksandrova. Cheboksary;1989:4 — 12. (In Russ.)
43. Turgay V. V. My rebellious karma. Articles. Interviews. Ed. 2nd. Cheboksary;2023:300. (In Russ.)
44. Fedorov N. B. In Reply forever... Moscow;2012:320. (In Russ.)
45. Fedorov N. B. Remembering the time of hopes... Moscow;2022:340. (In Russ.)
46. Fedorov N. V. Through the prism of eternity: the experience of philosophical prose. Moscow;2018:128. (In Russ.)
47. Filippov V. R. Chuvashia of the nineties: The ethnopolitical Sketch. M.;2001:250. (In Russ.)
48. Filippov V. R. Ethno-political situation in Chuvashia (1988 — 1993). Moscow;1994:30. (In Russ.)
49. Filippov N. K. The organization of state power in the Chuvash Republic // The studies of social and political history of Chuvashia of 20th century. Cheboksary;2002:93—103. (In Russ.)
50. Khuzangai A. P. The role and place of the Supreme Council of the Chuvash Republic in the reforming of the authorities and administration of the Chuvash Republic // The State Council of the Chuvash Republic in the system of public authorities in the Chuvash Republic, its role in the socio-economic development of the republic / edited by A. S. Ivanov; coeditor A. I. Ukhtiyarov, L. G. Yargunina. Cheboksary;2004:77 — 81. (In Russ.)
51. Khuzangai A. P. Texts, metatexts and travels. Cheboksary;2003:388. (In Russ.)
52. Tsvetkov A. I. The formation of the State Council in the Chuvash Republic (1994 — 2011): legal aspects, electoral trends and peculiarities of law enforcement practice // State Council of the Chuvash Republic: origins, formation, problems and ways to improve legislation / edited by A. I. Ukhtiyarov. Cheboksary;2014:49 — 60. (In Russ.)
53. The Chuvash regional organization of the CPSU. Chronicles. 1898 — 1991. In two books. Book II (1956 — 1991) / compiled by V. D. Dimitriev, I. P. Prokopyev. Cheboksary;2007:656. (In Russ.)
54. The Chuvash National Congress. The Chuvash national-cultural associations of the Russian Federation and foreign countries / author and compiler N. I. Dimitrieva. Cheboksary;2008:239. (In Russ.)
55. The Chuvash National Congress: 1992—2017. The documents and materials / compiled by A. P. Leontiev. Cheboksary;2017:374. (In Russ.)
56. Shabunin D. M. Political transformation of the region: the change of state institutions and constitutional process in the Chuvash Republic. Cheboksary;1999:88. (In Russ.)
57. Yukhma M. N. The queue to Golgotha. Cheboksary;1996:240. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2025;
одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 08.04.2025

Информация об авторе:

Краснов Петр Степанович, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат философских наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6608-2829>, krasnov17@mail.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 23.01.2025;
approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 08.04.2025

Information about the author:

Petr S. Krasnov, leading researcher Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
candidate of philosophical sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6608-2829>, krasnov17@mail.ru.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 21.01.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 18.02.2025 ырланӑ; 08.04.2025 пичете йышӑннӑ.

Автор җинчен:

Краснов Петр Степанович, Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ ӑслӑлӑхӗсен
институтчӑн ӑслӑлӑх ертӗҗӗ ӗҗтешӗ
(428015, Раҗсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
философи ӑслӑлӑхӗсен кандидаҗӗ,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6608-2829>,
krasnov17@mail.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 314.04:323.11 (091)
ББК 60.723.3(2)г+63.51(2)

Научная статья

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. А. Кропачев

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия
ректор@eipk.info

Аннотация. В статье анализируются национальные и административно-территориальные особенности развития России накануне Великой Отечественной войны. Многонациональный состав Красной Армии, дружба народов стали важнейшим источником победы над врагом. По размеру территории и численности населения РСФСР была самой большой республикой СССР. Количество русских в РККА в годы войны варьировалось от 56 до 70 %. Именно ресурсы Российской Федерации — население, территория, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор, русский характер — сыграли решающую роль в разгроме фашизма.

Ключевые слова: Россия, РСФСР, канун войны, национальный состав, административно-территориальное деление, источники победы

Для цитирования: Кропачев С. А. Национальный состав населения России накануне Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 58 — 65

© Кропачев С. А., 2025

Scientific article

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF RUSSIA ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. A. Kropachev

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ректор@eipk.info

Abstract. The article analyzes the national and administrative-territorial features of the development of Russia on the eve of the Great Patriotic War. The multinational composition of the Red Army, the friendship of peoples became the most important source of victory over the enemy. In terms of territory and population, the RSFSR was the largest republic of the USSR. The number of Russians in the Red Army during the war varied from 56 to 70 %. It was the resources of the Russian Federation — population, territory, military-industrial potential, agricultural sector, Russian character — that played a decisive role in the defeat of fascism.

Keywords: the RSFSR, the eve of the war, ethnic composition, administrative-territorial division, the sources of victory

For citation: Kropachev S. A. Ethnic composition of the population of Russia on the eve of the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(3):58 — 65

Аслалӑх статийи

РАҐСЕЙ ХАЛӑХӖН ТАҪАН ҪӖР-ШЫҪӒАН АСЛӑ ВӑРҪИ УМӖНХИ НАЦИ ЙЫШӖ

С. А. Кропачев

РӒА Раҕсей историйӗн институтӗ,
Мускав, Раҕсей
ректор@eipk.info

Аннотаци. Статъяра Раҕсей аталанӑвӗн ТаҪан ҪӖр-шыҪӒан Аслӑ вӑрҪи умӗнхи наци тата администраци-территори уйрӑмлӑхӗсене тишкерӗ. Хӗрлӗ Ҫарӑн нумай нациллӗ йышӗ, халӑхсен туслӑхӗ тӑшмана ҫентерме пулӑшнӑ чи пӗлтерӗшлӗ ҫӑл куҫсем пулса тӑнӑ. Территори калӑпӑшӗпе тата халӑх йышӗпе РСФСР Совет Союзӗнче чи пысӑк республика пулнӑ. Вӑрҫӑ ҫулӗсенче Рабочи-хресчен Хӗрлӗ Ҫарӗнче ыраҫсем 56 — 70 % таран шутланнӑ. Шӑпах Раҕсей Федерацийӗн ресурсӗсем — халӑх, территория, ҫар-промышленноҫ хӑвачӗ, аграри секторӗ, ыраҫ характерӗ — фашизма ҫапса аркатас ӗҫре тӗп ыраҫ йышӑннӑ.

Тӗп сӑмахсем: Раҕсей, РСФСР, вӑрҫӑ умӗн, наци йышӗ, администраци-территори пайланӑвӗ, ҫентерӗ ҫӑл куҫсем

Цитатӑлама: Кропачев С. А. Раҕсей халӑхӗн ТаҪан ҪӖр-шыҪӒан Аслӑ вӑрҪи умӗнхи наци йышӗ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 58 — 65

Введение

Великая Отечественная война была столкновением прежде всего человеческих ресурсов. Именно от людей, их менталитета, идеалов, характера, боевой подготовки, опыта, знаний и умений в конечном счете зависел исход войны. Перепись 1937 г. зафиксировала в СССР 162 039 470 чел. [3, с. 47]. Это было почти на 19 млн меньше, чем ожидало советское руководство. Фактический ежегодный прирост населения составлял не 3,37 млн (на что рассчитывали советские статистики) и даже не 3 млн (о чем неоднократно говорил Сталин), а всего 1,41 млн чел. Что было крайне мало и никак не отражало успехов «социалистического строительства» [6, с. 19]. В РСФСР на январь 1937 г. проживало 103 967 924 чел. [3, с. 45].

Проведенная через два года Всесоюзная перепись 1939 г. зарегистрировала в СССР 170 557 098 чел. Что более «устраивало» советское руководство. Современные исследования говорят о том, что материалы переписи были сфальсифицированы. На самом деле в СССР проживало от 168,1 млн до 168,9 млн чел., то есть меньше на 1,6 — 2,4 млн чел. Это относительно немного, и материалы переписи могут быть использованы, «но при условии коррекции» [6, с. 21 — 22]. В РСФСР на январь 1939 г. проживало 109 397 463 чел. С учетом коррекции, предложенной В. Б. Жиромской, эти данные могут быть уточнены и составят 107,8 млн чел. [5, с. 26 — 27].

На численность и удельный вес этносов страны накануне войны повлияли негативные экзогенные факторы. В частности, из Ленинградской области и Карельской АССР были депортированы в середине 1930-х гг. финны, с территории советского Дальнего Востока — корейцы. «Зачистка» приграничных районов от «неблагонадежных элементов» была для тех лет делом обычным. Из других районов СССР были таким образом выселены поляки, курды, иранцы (персы). Массовые политические репрессии также негативно сказались на демографическом развитии российских этносов. Прежде всего, проведение десяти «национальных

операций» НКВД: «польской», «немецкой», «греческой», «латышской», «эстонской», «финской», «румынской», «иранской», «афганской» и «харбинской». По ним было арестовано и осуждено несколько сотен тысяч человек.

Материалы и методы

В статье использованы материалы переписей населения в СССР и другие источники, проливающие свет на демографическую ситуацию в стране накануне Великой Отечественной войны. Применены проблемно-хронологический, историко-генетический и аналитический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1930-е гг. в РСФСР прошли крупные административно-территориальные реформы. Они существенно повлияли на уклад жизни народов и изменили границы субъектов республики. Эта тема имеет самостоятельное научное значение, поэтому назовем лишь наиболее значимые территориальные преобразования этих лет. В 1936 г. из состава РСФСР вышли Казахская АССР (вместе с Каракалпакской автономной областью) и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. В 1930-е гг. продолжилось создание национальных округов в местах компактного проживания малочисленных северных народов. Всего к концу десятилетия в составе РСФСР насчитывалось 10 национальных округов: Агинский Бурят-Монгольский (создан в 1937 г.), Коми-Пермяцкий (1925), Корякский (1930), Ненецкий (1929), Таймырский (Долгано-Ненецкий, 1930), Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (1937), Ханты-Мансийский (1930), Чукотский (1930), Эвенкийский (1930), Ямало-Ненецкий (1930). Они входили в состав Читинской, Молотовской (Пермской), Камчатской, Архангельской, Иркутской, Омской (затем Тюменской) областей и Красноярского края.

Повысился статус ряда национальных автономий. Несколько автономных областей были преобразованы в автономные республики: Коми (Зырянская) АО в Коми АССР, Вотская АО в Удмуртскую АССР, Марийская АО в Марийскую АССР, Калмыцкая АО в Калмыцкую АССР, Кабардино-Балкарская АО в Кабардино-Балкарскую АССР, Северо-Осетинская АО в Северо-Осетинскую АССР, Мордовская АО в Мордовскую АССР. Чеченская и Ингушская АО были объединены в Чечено-Ингушскую АССР. Всего в РСФСР к концу 1930-х гг. насчитывалось 17 АССР и 6 АО (Адыгейская, Карачаевская, Черкесская, Ойротская, Хакасская, Еврейская).

В 1930-е гг. были проведены реорганизации краев, являвшихся крупными административными единицами. 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на собственно Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края. 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский (Ставропольский) край. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. 28 сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края (ЗСК) были выделены Новосибирская область и Алтайский край. 20 октября 1938 г. из Дальне-Восточного края (ДВК) были выделены Хабаровский и Приморский края. Огромные административные единицы — ЗСК и ДВК — перестали существовать. К концу 1930-х гг. в РСФСР насчитывалось шесть краев — Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Орджоникидзевский, Приморский и Хабаровский. В них в качестве автономий входили области, автономные области и национальные округа.

В Российскую Федерацию также входило 35 областей (бывших губерний). 4 области (Амурская, Нижнеамурская, Камчатская и Сахалинская) являлись частью Хабаровского, Уссурийская область — Приморского краев.

Карта Российской Федерации была весьма обширной и разнообразной. Республика состояла из 76 административных единиц: 6 краев, 35 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 национальных округов, 2 городов федерального подчинения — Москвы и Ленинграда.

Таким же разнообразным, как и административно-территориальное деление, был национальный состав всех субъектов РСФСР. Как известно, перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов. Были учтены даже самые малые национальные единицы [5, с. 75, 79; 10, с. 156]. Перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. — по 57 этносам [3, с. 20; 4, с. 57, 58, 246].

На наш взгляд, существует несколько причин, повлиявших на сокращение количества национальностей, которые нашли свое отражение в переписях. Первая причина бюрократическая. Чиновники механически присоединяли этнические группы с очень малым числом представителей, «в целях экономии места», к более крупным родственным единицам. Не учитывалось, что даже малые этносы могут являться и являются носителями уникальных языков, исторических знаний, культурных традиций, религиозных верований. Вторая причина заключалась в продолжавшихся процессах ассимиляции и этнической интеграции. После 1917 г., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения [10, с. 154, 156]. Ассимиляция малых народов осуществлялась, как правило, в пользу русского этноса, языка и культуры.

Была еще одна, самая важная, причина уменьшения численности этносов и отражения этого процесса в переписях. Речь идет о сокращении количества аборигенных народов российского Севера (север европейской части страны, Сибирь и Дальний Восток). Народы Севера в подавляющем большинстве не были знакомы с элементарными правилами гигиены и существовали в условиях антисанитарии. Эпидемии инфекционных болезней вспыхивали среди них постоянно. В. А. Исупов прямо пишет о том, что в 1930-е гг. «численность аборигенных народов российского Севера сокращалась — по сути, они вымирали» [6, с. 121]. За 10 лет, между переписями 1926 и 1937 гг., сократилась или не выросла численность таких этносов, как удэ (удехе), коряки, чукчи, саами (лопари), ханты, манси и др. [2, с. 12, 20; 3, с. 86 — 87; 5, с. 81 — 82]. К счастью, этот процесс не стал необратимым, его удалось остановить в последующие годы.

В 1930-е гг. большинство населения РСФСР составляли русские. Их количество все время росло в абсолютном и процентном отношении. Если по переписи 1926 г. в республике проживало 74 042 тыс. (73,4 %), то в 1937 г. — 85 361 тыс. (82,1 %), в 1939 г. уже 90 306 тыс. (82,5 %) [2, с. V; 3, с. 88; 4, с. 59]. За двенадцать лет количество русского населения увеличилось на более чем 16 млн чел. Русские проживали повсеместно. Наиболее высокий их процент фиксировался в Центрально-Промышленном, Западном и Северном регионах. По переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик, автономных областей и городов федерального подчинения РСФСР [4, с. 59 — 68]. Именно русский этнос в годы Великой Отечественной войны составлял большинство в Вооруженных силах. С января 1941 г. по июль 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной Армии вырос с 56,4 до 70,2 %, то есть на 13,8 %. В абсолютном значении этот прирост выразился цифрой в 6070,9 тыс. чел. (с 2033,8 тыс. до 8104,7 тыс. чел.). За два с половиной года прирост численности русских в рядах РККА составил 398,5 % [9, с. 84].

Русские и другие народы сражались героически. Для оценки стойкости и мужества войск в войне используется отношение числа погибших воинов к числу сдавшихся в плен. Чем больше это отношение, тем более стойкой считается армия. Так, в самое тяжелое для страны время, с 22 июня по 31 декабря 1941 г., коэффициент стойкости (погибшие/пленные) Красной Армии составил 0,34. Это было выше стойкости польской армии в сентябре 1939 г. более чем в два раза, французской армии в мае — июне 1940 г. более чем в пять раз и выше стойкости гитлеровской армии в последние 10 месяцев войны в 1,4 раза [7, с. 257].

Интересно, что в официальных немецких документах периода войны, а затем в мемуарах фашистских генералов и военачальников армий союзных держав, несмотря на многонациональный состав Красной Армии, она называлась русской армией, а советские воины — русскими солдатами.

Вторым по численности народом, населявшим РСФСР в конце 1930-х гг., являлись татары. Под этим собирательным термином понимались не только казанские татары, но и иные этнические группы: крымские, астраханские, пермские, сибирские, чепецкие, касимовские и другие татары. Численность татар все время росла, в том числе и за счет включения в данную этническую группу родственных народов. В 1926 г. татар (без близких народов) насчитывалось 2846 тыс. чел. В 1937 г. в состав татар включили бухарцев и кряшенов, и их численность выросла до 3087 тыс. По переписи 1939 г. татары-мишари (мишари), тептяри, нагайбаки, кряшены были также определены как татары. Их количество составило 3901 тыс. чел. (3,6 % от общего числа населения) [2, с. 14; 3, с. 89, 312; 4, с. 59, 246]. Они перегнали украинцев, которые долгие годы составляли вторую по численности этническую группу.

Это произошло за счет резкого сокращения украинцев на территории РСФСР. Если в середине 1920-х гг. их насчитывалось 7873 тыс. чел., то во второй половине 1930-х соответственно 3087 тыс. (1937) и 3359 тыс., 3,1 % (1939) [2, с. 2; 3, с. 8; 4, с. 59]. Сокращение произошло в 2,5 раза, украинское население России уменьшилось на 4,5 млн чел. Это явление требует объяснения и комментариев. Тем более что масштабных изменений границ после 1926 г. между РСФСР и Украинской ССР не было.

Украинцы в 1920-е гг. на территории России проживали компактными ареалами. В трех приграничных губерниях — Брянской (в 1937 — 1944 гг. входила в Орловскую область), Воронежской и Курской по переписи 1926 г. их насчитывалось 1 762 043 чел. В Северо-Кавказском крае — 3 106 766, Казахской и Киргизской АССР — 924 950, Сибирском и Дальневосточном краях — 1 142 613 украинцев. Резкое уменьшение их численности во второй половине 1920-х — 1930-е гг. наводит на грустные выводы. Именно в это время в СССР прошла коллективизация, раскулачивание крестьян и их депортация, от голода погибли миллионы человек. Это были также годы массовых политических репрессий. Голод и террор не спрашивали национальности. От них пострадали представители многих этносов. Только в Северо-Кавказском крае, где компактно проживали украинцы, по оценкам специалистов, от голода в начале 1930-х гг. погибло около 1 млн чел. разных национальностей [8, с. 276]. Поэтому первая причина, объясняющая резкое сокращение украинцев в эти годы, состоит в крайне драматичных экзогенных факторах. В 1936 г., как известно, из состава РСФСР вышли Казахская и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. Около 1 млн украинцев, таким образом, были переведены на статистический учет в других субъектах. Была

и третья причина, повлиявшая на сокращение численности украинцев. В 1920-е гг. на юге страны проводилась так называемая украинизация населения. Искусственное насаждение украинского языка и культуры отчасти совпадало с традициями сельского населения кубанских станиц, которое самоидентифицировало себя с украинским этносом. Это проявлялось в языке, элементах материальной культуры, в том числе жилище, в одежде, пище, изделиях народных промыслов. По переписи 1926 г. в Армавирском, Кубанском и Черноморском округах Северо-Кавказского края (большая часть будущего Краснодарского края, образованного в 1937 г.) проживало 1 324 450 украинцев. Через двенадцать лет их в Краснодарском крае «осталось» лишь 149 874 чел., или 4,7 % [2, с. 71, 74, 77; 4 с. 59]. Тогда как украинцы в середине 1920-х гг. составляли более 37 % населения Северо-Кавказского края [2, с. 71 — 81]. Они за это время «превратились» в русских. Политика украинизации была прекращена.

Белорусы, третий восточнославянский народ, также потеряли свою численность. Но сокращения были не такими существенными, как у украинцев. В 1926 г. в РСФСР проживало 638 тыс., в 1937 г. — 349 тыс., в 1939 г. — 458 тыс. белорусов (0,4 %) [2, с. 2; 3, с. 88; 4, с. 59]. Уменьшение числа белорусского этноса произошло на 28 — 45 %.

Увеличилось население коренных народов Поволжья. К концу 1930-х гг. после татар самыми многочисленными народами были — мордва (мордовцы, мордвины) — 1376 тыс. (1,2 %), чуваша — 1346 тыс. (1,2 %), башкиры — 825 тыс. (0,7 %), удмурты (в том числе бесермяне) — 600 тыс. (0,5 %), марийцы — 476 тыс. (0,4 %) чел. [4, с. 59]. На Северном Кавказе крупным народом были чеченцы, они вместе с ингушами составляли этническую группу вайнахи, которая насчитывала 491 тыс. чел. (0,4 %). Крупными этносами являлись осетины — 196 тыс. (0,2 %), кабардинцы — 161 тыс. (0,1 %) чел. Самой полиэтничной республикой оставалась Дагестанская АССР. Десятки аборигенных народов были объединены в собирательную группу «народности Дагестана». Она насчитывала 707 тыс. (0,6 %) чел. В Сибири крупными этносами являлись якуты — 242 тыс. (0,2 %), буряты — 221 тыс. (0,2 %) чел. Зыряне и пермяки в переписи 1939 г. были объединены в один этнос «коми» и насчитывали 415 тыс. чел. (0,4 %). Почти на 400 тыс. за двенадцать лет увеличилось количество евреев (включая крымских и горских). Они насчитывали 957 тыс. чел. (0,9 %). Крупными этносами являлись немцы — 862 тыс. (0,8 %), карелы — 250 тыс. (0,2 %), финны (собственно финны и финны ленинградские) — 139 тыс. (0,1 %), казахи — 357 тыс. (0,3 %), поляки — 147 тыс. (0,1 %), эсты — 132 тыс. (0,1 %) чел. и др. [4, с. 59].

Большинство населения РСФСР в конце 1930-х гг. составляли восточнославянские народы: русские, украинцы, белорусы — 86 % от общей численности населения республики. Они были представлены во всех областях, краях, автономных республиках и областях, национальных округах и городах федерального подчинения. Несколько народов также проживали во всех субъектах федерации. Это татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое распределение по территории РСФСР данных этносов объясняется разными причинами, прежде всего историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII — XIX вв., которые осваивали огромные территории Российской империи. Так, немцы, как и представители других европейских народов — чехов, словаков, эстонцев и др., проживали компактно (колониями) в сельской местности и занимались сельским хозяйством. Поляки, как правило, проживали в городах и

являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. Большая часть цыган перешла на оседлость только в 1950-е гг. Евреи, после отмены «черты оседлости» в 1917 г., массово начали переселяться прежде всего в города. По переписи 1939 г. они занимали второе место, вслед за русскими, в Москве и Ленинграде среди всех национальностей, обитавших в мегаполисах. В этих двух городах проживало 47 % евреев от общей численности данного этноса России [4, с. 59, 63]. Присутствие в большинстве регионов евреев, как и татар, говорит о высоких адаптационных качествах этих народов.

Заключение

РСФСР по размеру территории и численности населения накануне Великой Отечественной войны являлась самой большой республикой СССР. Именно ресурсы Российской Федерации (население, территория, русский характер, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор) сыграли решающую роль в победе над фашизмом. Русские составляли большинство населения в СССР и РСФСР. Их доля в РККА накануне и в годы войны все время увеличивалась. Несмотря на интернациональный состав Красной Армии, во всем мире ее называли русской армией, а советских воинов — русскими солдатами. Героические подвиги русских и других народов, их подлинная дружба стали главным фактором разгрома врага.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927 — 1959 гг. Тула: Гриф и К°, 2009. 304 с.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 138 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов. Москва: РОССПЭН, 2007. 320 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Москва: Наука, 1992. 256 с.
5. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва: РОССПЭН, 2001. 280 с.
6. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
7. Литвиненко В. В. Цена войны: людские потери на советско-германском фронте. Москва: Вече, 2015. 304 с.
8. Население в России в XX веке: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Поляков. Москва: РОССПЭН, 2000. 463 с.
9. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследования / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.
10. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: теория и население. Москва: Наука, 1986. 272 с.

REFERENCES

1. Aralovets N. A. An urban family in Russia, 1927 — 1959. Tula: Grif i K, 2009:304. (In Russ.)
2. All-Union population census of December 17, 1926: Brief reports. Issue IV: Nationality and native language of the population of the USSR. Moscow: Publication of the Central Statistical Bureau of the USSR, 1928:138. (In Russ.)
3. All-Union population census of 1937: General results. The collection of documents and materials. Moscow: ROSSPEN, 2007:320. (In Russ.)
4. All-Union Population Census of 1939: Main Results. Moscow: Nauka, 1992:256. (In Russ.)
5. Zhyromskaya V. B. Demographic History of Russia in the 1930s. Look into the Unknown. Moscow: ROSSPEN, 2001:280. (In Russ.)
6. Isupov V. A. Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the first half of 20th century: Historical and demographic sketches. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000:244. (In Russ.)
7. Litvinenko V. V. The Price of War: Human Losses on the Soviet-German Front. Moscow: Veche, 2015:304. (In Russ.)

8. Population of Russia in the XX century: in 3 volumes. Vol. 1 / ed. Y. A. Polyakov. Moscow: ROSSPEN, 2000:463. (In Russ.)

9. The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: statistical and military-anthropological studies / ed. E. F. Krinko. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publishing, 2022:428. (In Russ.)

10. Polyakov Y. A. The Soviet country after the end of the civil war: theory and population. Moscow: Nauka, 1986:272. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 10.09.2025

Информация об авторах:

Кропачев Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

(117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
метро «Академическая»), доктор исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779>, rektor@eipk.info

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 18.03.2025;
approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 10.09.2025

Information about the author:

Sergey A. Kropachev, Leading Researcher, the Institute of
Russian History, Russian Academy of Sciences

(metro station “Akademicheskaya”, 19, Dmitry Ulyanov St., Moscow,
Russia, 117292), doctor Historical Sciences, Associate Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779>, rektor@eipk.info

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 18.03.2025 ڤитнѐ;
рецензиленѐ хыџсан 09.09.2025 ырланѐ; 10.09.2025 пичете йышаннѐ

Автор ڤинчен:

Кропачев Сергей Александрович, РѦА Раџсей историйѐн институтѐн ѐслѧлѧх
ертѧџѐ ѐџтешѐ (117292, Раџсей, Мускав хули, Дмитрий Ульянов ур., 19,

«Академи» метро), истори ѐслѧлѧхѐсен докторѐ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779>, rektor@eipk.info

Пайталѧх конфликчѐ: автор пайталѧх конфликчѐ ڤуккине пѧлтерет.

Автор ал ڤырѧвѧн юлашки вариантне вуласа тухнѧ, ырланѧ.

УДК 94(=512.111):930
ББК 63.3(2Рос.Чув)2+63.1

Научная статья

**«СУВАР» — ГОРОД ИЛИ НАРОД?
(ИСТОРИОГРАФИЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
И ДИСКУССИЯ 1960 — 1980-Х ГОДОВ)**

А. С. Сараев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Чебоксары, Россия
andrejsaraev@yandex.ru

Аннотация. Представление о сувахах как о ближайших предках чувашей оформилось не ранее 1920-х гг. Доминирующим в историографии это представление стало лишь к 1960 гг. Прежде, со второй половины XIX в., спорадически высказывались мнения о близости названия болгарского города Суваха с названием чувашей. До первой трети XIX в. даже о существовании такого города не было известно. Тому, как от начала обнаружения названия «Сувар» на монетах, затем открытия фактического местоположения города в науке перешли к идее о существовании одноименного племени «сувар» и связали его с названием «чуваш», посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: чуваша, Сувар, суваха, савира, Волжская Булгария, еврейско-хазарская переписка, Х. М. Френ, А. И. Артемьев, А. Я. Гаркави, Б. Мункачи, Н. И. Ашмарин

Благодарности: автор считает своим долгом выразить благодарность сотруднику археологического направления ЧГИГН Е. П. Михайлову за предоставление редких региональных публикаций по теме статьи, сотрудников филологического направления ЧГИГН А. П. Леонтьева, И. П. Лукину, Ю. Дмитриеву (Салонтай) за помощь в переводе с чувашского и венгерского языков.

Для цитирования: Сараев А. С. «Сувар» — город или народ? (историография XIX — начала XX в. и дискуссия 1960 — 1980-х гг.) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 66 — 81

© Сараев А. С., 2025

Scientific article

**«SUVAR» — CITY OR NATION?
(HISTORIOGRAPHY OF 19th — EARLY 20th CENTURIES
AND THE DISCUSSION OF THE 1960s — 1980s)**

A. S. Saraev

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
andrejsaraev@yandex.ru

Abstract. The idea of the Suvars as the closest ancestors of the Chuvash people formed not earlier than the first third of the 1920s. In historiography it became dominant only by the 1960s. Before that Earlier, at the end of 19th century, certain considerations existed about the similarity about the names of the town of Suvar (in Volga Bulgaria) with the name «Chuvash». Up to the first third of 19th century, the existence of such a town was obscure. The article is aimed to demonstrate how the discovery of the name of the town on coins and then its actual location (now the Republic of Tatarstan in Russia) was transformed to a concept of the existence of the eponymous tribe “Suvar”. The latter was considered as an earlier form of the name “Chuvash”.

Keywords: the Chuvash, Suvar, the Suvars, the Savirs, Volga Bulgaria, the Jewish-Khazar correspondence, H. M. Fraehn, A. I. Artemyev, A. Ya. Garkavi, B. Munkácsi, N. I. Ashmarin

Acknowledgements: The author is sincerely grateful to E. P. Mikhailov, a member of the archaeological department of the Chuvash State Institute of Humanities for providing rare regional publications on the subject of the article, and A. P. Leontiev, I. P. Lukina, and Y. Dmitrieva (Szalontai), members of the philological department of the Chuvash State Institute of Humanities for their help in translating from Chuvash and Hungarian.

For citation: Saraev A. S. «Suvar» — city or nation? (historiography of 19th — early 20th centuries and the discussion of the 1960s — 1980s) // Modern humanities. 2025;1(3):66 — 81

Аслăлăх статии

«СĂВАР» — ХУЛА-И Е ХАЛĂХ-И? (XIX — XX ЁМЁР ПУСЛАМАШЁНЧИ ИСТОРИОГРАФИ ТАТА 1960 — 1980-МЁШ СЎЛСЕНЧИ ДИСКУССИ)

С. А. Сараев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтё,
Шупашкар хули, Раççей
andrejsaraev@yandex.ru

Аннотаци. Сăварсем чăвашсен чи сывăх мăн аслашшĕсем пулнине 1920-мĕш сўлсем хыççăн палăртма тытăнă. Историографире çак шухăш 1960-мĕш сўлсем тĕлнелле кăна вай илет. Унчен, XIX ёмĕрĕн иккĕмĕш сўрринчен пуçласа, Атăлци Пăлхарти Сăвар хулин ячĕ чăвашсемпе сывăх пулни çинчен сайра хутра феç каланă. XIX ёмĕрĕн 30-мĕш сўлĕсемчен çак хула пурри çинчен пĕлмен. Хула ятне металл укça çинче курнă хыççăн, каярахпа ун вырăнне тупнă хыççăн «сăвар» ятлă йăх пулни çинчен аслăлăхра шухăш сўралнине, апа «чăваш» ячĕпе сыхăнтарнине çак статъяра уçса панă.

Тĕп сăмахсем: чăвашсем, Сăвар, сăварсем, савирсем, Атăлци Пăлхар, еврейсемпе хасарсем пĕр-пĕрин патне сыру сўретни, Х. М. Френ, А. И. Артемьев, А. Я. Гаркави, Б. Мункачи, Н. И. Ашмарин

Тав туни: Автор ЧПГĂИ сотрудикусене — археологи енĕпе ёçлекен Е. П. Михайлова регионсене статья темипе пичетленсе тухнă сайра тĕл пулакан ёçсемпе паллаштарнăшăн, филологи енĕн ёçченĕсене А. П. Леонтъева, И. П. Лукинана, Ю. Дмитриевăна (Салонтая) текстсене чăвашларан тата венгрларан куçарма пулăшнăшăн тав тавать.

Цитатăлама: Сараев А.С. «Сăвар» — хула-и е халăх-и? (XIX — XX ёмĕр пуçламăшĕнчи историографи тата 1960 — 1980-мĕш сўлсенчи дискусси) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 66 — 81

Некоторые ошибочные суждения литераторов, писавших о древностях, оказываются как бы недостижимыми для опровержений из-за успеха, который они имели, а также из-за давности.

И. Винкельман
«История искусства древности» (1764)

Введение

В историографии происхождения чувашского народа традиционно в качестве конвенциональной фигурирует так называемая «булгаро-чувашская» концепция, создателем которой считается Н. И. Ашмарин.

В действительности, если присмотреться к содержанию трудов, написанных классиками чувашской исторической науки, и к дискуссиям вокруг них, обнаружится, что там обосновывается несколько иная концепция, которую можно назвать «булгаро-суварской» или «сувазской». Оформилась она ко второй половине 1960-х гг. в трудах чувашских историков.

В первом издании коллективной «Истории Чувашской АССР» савирам/сабирам посвящены специальные параграфы¹, причем уже для событий раннего средневековья на Кавказе они переименовываются авторами в «сувар». Затем в главе о Волжской Булгарии без предварительного объяснения уже сувары переименовываются в «сувазов», а эти последние прямо отождествляются с чувашами. Подчеркивается также, что чувашаи — не собственно «булгары»: «Не исключена возможность, что та часть болгарской народности, которая исповедовала ислам, в XII — XIII веках именовалась болгарами (бигерами, биярами), а приверженцы древней языческой религии — сувазами (чувашами)»; «Таким образом в XIII — XV веках сформировалась чувашская народность. Основным компонентом чувашской народности было сельское болгаро-сувазское население, не принявшее ислама»³.

Попав в главные общесоюзные энциклопедии (Большую советскую и Советскую историческую), эта концепция приобрела официальный статус: «Основную роль в этногенезе Ч[увашей], по мнению большинства исследователей, сыграли тюркоязычные болгары волжско-камские... Массовое переселение болгар-суваров (сувазов, к названию которых восходит этноним Ч[увашей]) на правобережье Волги в XIII — XIV вв., вызванное разгромом Болгарии Волжско-Камской монголо-татарами, усилило тюркизацию местных племен»⁴.

Мнение о «булгаро-сувазах» в 1960-е гг. распространилось довольно широко. В. Д. Димитриев, автор первых глав «Истории Чувашской АССР», на академической сессии по этногенезу марийцев высказал следующее: «Мне представляется, что там, где в процессе смешения болгар с предками марийцев преобладали болгаро-сувазы, формировалась (до XIII в.) единая болгарская народность, а в XIII — XV вв. сложилась чувашская народность»⁵.

В полном соответствии с формулировками чувашских историков концепцию изложила профессор МГУ К. И. Козлова: «После разгрома Волжской Булгарии татарами-монголами в XIII в. значительная часть болгар отошла в лесные районы Поволжья. <...> Осев на территории современной Чувашии, болгары ассимилировали значительную часть горных марийцев. В результате смешения... образовался чувашский народ. Свое название чувашаи получили от одного из племенных объединений болгар — суваров, или сувазов»⁶.

Но кто такие сувары/сувазы?

Без особых возражений в чувашской историографии утвердилось мнение, наиболее обстоятельно разработанное В. Ф. Каховским, что сувары — не кто иные, как известные преимущественно по византийским источникам [35, с. 26, 49, 76] гунно-савиры (или «-сабиры»), переселившиеся вместе с болгарами с Кав-

¹ История Чувашской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 25 — 32.

² Там же. С. 35 — 36.

³ Там же. С. 50.

⁴ Денисов П. В. Чувашаи // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. Чжан — Яштух. Москва: Советская энциклопедия, 1976. Стб. 86 — 87; Его же. Чувашаи // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 29. Чаган — Экс-ле-Бен. Москва: Советская энциклопедия, 1978. С. 239 (стб. 705).

⁵ Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23 — 25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. С. 298.

⁶ Козлова К. И. История первобытного общества и основы этнографии: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 127.

каза на среднюю Волгу и в Прикамье [13] (в главах IV, V, VI суварам посвящено по отдельному параграфу).

Однако именно в такой интерпретации концепция встретила резкую критику со стороны татарских ученых. Так, если для А. Х. Халикова «сувазы» сначала были просто «пресловутыми»⁷, то Р. Г. Фахрутдинов для их характеристики не поспешил на самые яркие эпитеты: «мифические», «мнимые», «основаны на простой лингвистической эквилибристике», «ибо вообще неизвестно существование такого племени», а «в толковании вот этих вымышленных “булгаро-сувазов” отдельные авторы порой доходят до вымыслов»⁸.

Позже и А. Х. Халиков перешел на куда более жесткие формулировки: «И едва ли здесь уместен призыв А. П. Смирнова к учету “интересных сообщений В. Ф. Каховского о движении савиров на Кавказ и затем уже в конце I тысячелетия н. э. — на Среднюю Волгу”, ибо В. Ф. Каховский, кроме шатких построений, воздвигнутых на основе отрывочных письменных сообщений, никаких археологических материалов, характеризующих культуру савиро-суваро-чувашей и подтверждающих их движение на Кавказ и на Волгу, так же как и их культурную преемственность между собой, не приводит» [32, с. 269].

Даже соавтор В. Ф. Каховского по публикациям чебоксарских находок Ю. А. Краснов (сотрудник Института археологии АН СССР), пусть и в менее резкой форме, но не менее решительно высказался, что «никакими данными для того, чтобы считать население правобережной Волжской Болгарии не просто болгарами, а сувазами или болгаро-сувазами, ни археология, ни другие источники не располагают» [17, с. 118].

Скептически Ю. А. Краснов относился и к возможности выведения этнонима «чуваш» из праформы «сувар/суваз»: «К попытке привлечь для истории чувашей данные Ибн-Фадлана о племени или народе “сувар” (“сван”, “саван”, “суваз” и др.) следует отнестись с крайней осторожностью. Связь этого названия в любой из известных форм с этнонимом “чуваш” (“ч’аваш”) лингвистически не доказана и является лишь предположением, а наши сведения о суварах настолько лаконичны, что не позволяют судить об их этнической принадлежности и отношении к позднейшим чувашам» [17, с. 113].

Благодаря своей обостренной форме (особенно в работах татарских ученых) критика обнажила проблемы, не имеющие до сих пор однозначного решения: 1) существовал ли в Волжской Болгарии народ под названием «сувар/суваз», близкий к булгарам по языку, но все же не идентичный им? 2) связано ли как-то с прикавказскими савирами/сабирами само слово «сувар», хотя бы и в значении города? 3) могут ли в какой-то мере считаться потомками «суваров»/сувазов» (в смысле преемственности этнонима) современные чувашаи, известные по письменным источникам только с XVI в.?

Ясных, непротиворечивых ответов ни на один из этих вопросов нет. Зато есть внушительная библиография работ во многом самовоспроизводящаяся, без притока каких-либо новых данных.

⁷ Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР, 1971. С. 8.

⁸ Фахрутдинов Р. Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР, 1971. С. 197.

На самом деле, наличие особой «суваро-сувазской» проблемы, как правило, исследователями даже не осознавалось⁹. Если же предположить, что такая проблема есть, независимо от того, можем мы ее сегодня решить или нет, ее для начала надо внятно сформулировать.

Так, волжские болгары, или булгары¹⁰, даже исчезнув как самостоятельный этнос, никогда не уходили из поля зрения историков, а зримым свидетельством их былого существования оставались и остаются поныне развалины города Булгара, с помещения под охрану которых Петром Великим нередко отсчитывают начало российской археологии [20, с. 54].

В отличие от булгар о сувах ничего определенного сказать нельзя. Вплоть до конца первой четверти XX в. историческая наука о таком народе не знала¹¹. Об известном из арабских источников городе Сувар также были очень примерные и путаные сведения. Тем не менее, *употребляя слово «сувар», исследователи XIX — начала XX в. имели в виду исключительно город*, но никак не народ с таким названием.

История превращения понятия «сувар» из обозначения исключительно города в «город и народ», а иногда и просто в народ исследуется далее.

Материалы и методы

Источниками статьи выступили данные средневековых арабских авторов, публикации археологических раскопок, исследовательская литература. Основной метод, применяемый в статье, — метод историзма. Также использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция.

Результаты исследования и их обсуждение

Часть I. Город Сувар

Сувар до «суваров»

Можно составить длинный перечень авторов, не имевших представления о народе «сувары». Первая сводная работа о булгарах («Волжские булгары») на русском языке написана в 1836 г. одним из основоположников российского востоковедения В. В. Григорьевым, когда ему было всего двадцать лет [1, с. 29]. В ней впервые даны выдержки из сочинения Ибн Фадлана в русском переводе (по изданию Х. М. Френа на немецком языке), а также собраны сведения из русских летописей и из поздних татарских источников. К последним В. В. Григорьев был настроен особенно критично.

⁹ Например, А. П. Новосельцев, который полагал, что «нет смысла заниматься выяснением этнической принадлежности всех упомянутых источниками кочевников Восточной Европы V — VII вв., тем более что, как показывают прежние исследования, эти задачи в большинстве случаев малоперспективны» [22, с. 72]. О «суварской проблеме» А. П. Новосельцев знал лишь из ранних работ А. П. Ковалевского, поэтому говорил то о «саварах», то о «сувах» [22, с. 83, 240]. В другой работе он открыто дистанцировался от проблемы: «Я не касаюсь здесь проблемы суваров в среднем Поволжье, хотя и она, очевидно, связана с савирами». См.: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. Москва: Наука, 2001. С. 62. Работы Р. Г. Кузеева представляют редкий случай, когда исследователь, не занимаясь специально «суварской проблемой», был в курсе основных дискуссий по ней [18, с. 47].

¹⁰ Вариативность написания «болгар»/«булгар» едва ли не извечна: «...народ, обитавший некогда на земле нашего отечества под именем Булгаров, или Болгаров» [8, с. 79].

¹¹ Например, внимательный к дискуссиям о кочевниках юга Восточной Европы и вопросам исторической географии М. К. Любавский не нашел чего-либо сказать даже о савирах: «От... Менандра мы узнаем, что авары воевали после того с какими-то савирами и утургурами и затем со славянами-антами». «Какие-то» относится только к савирам, потому что об утургурах и их отождествлении с частью булгар автор говорил выше. См.: Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. С. 37.

Помимо собственно волжских «болгар» (с эпитетом «черные») В. В. Григорьев выделяет «болгар серебряных или нукратских», «болгар тимтюзей», «болгар черемшанских», «болгар хвалисских или нижних» — все это «различные поколения одного и того же народа» [8, с. 90 — 91]. Чуваши наряду с мордвой, черемисами (марийцами) и вотяками (удмуртами) упомянуты только как соседи болгар [8, с. 92].

Перечисляет В. В. Григорьев и названия болгарских городов, пытаясь в ряде случаев отождествить их с современными ему поселениями. Так, совершенно правильно определены Болгар [8, с. 103 — 104] и Биляр («Биляр при Черемшане, на развалинах которого стоит нынешний Билярск» [8, с. 100]). Говорит он и о городе, известном лишь по надписи на монете, — «Сиваре» [8, с. 100].

Именно форма «Сивар», а не «Сувар», наиболее часто встречается в трудах исследователей XIX в. «Сивар» В. В. Григорьев ошибочно отождествляет с Симбирском.

Таким образом, из всего массива данных о волжских булгарах на начало XIX в. В. В. Григорьеву удалось найти название города в форме «Сивар», да и то не по нарративным источникам, а по легенде на монете.

Впрочем, уже у Х. М. Френа, который был главным источником сведений В. В. Григорьева, можно встретить уже название в форме «Suwar». Пересказывая сведения Ибн Хаукаля о Булгаре, Френ отмечает: «Und an einer andern Stelle giebt er die Anzahl der Einwohner von Bulghar und einer benachbarten Stadt Suwar (?) zusammen nicht höher als auf etwa 10 000 an» (И в другом месте он указывает, что количество жителей Булгара и соседнего города Сувар (?) вместе взятых не превышает примерно 10 000 человек) [38, с. 157]. Знак вопроса рядом с Суваром свидетельствует, что это название Френу еще ничего не говорило.

В том же выпуске «Трудов Академии наук», где был представлен подготовленный Френом перевод болгарского отрывка из Ибн Фадлана, опубликована также его статья о болгарских монетах. На некоторых монетах, считавшихся прежде саманидскими, Френ прочитал название места чеканки как «Сувар или Сивар»: «...und ein zweiter, ebenfalls bisher unenträthselte gebliebener Prägort auf einigen anderen der oben gleich zu Anfange erwähnten Münzen... erhält nun auch seine Lösung: es ist die Stadt سوار Suwar oder Siwar» (...и второе, также неразгаданное доселе, место чеканки некоторых других из упомянутых вначале монет... теперь также находит свое решение: это город سوار Сувар или Сивар) [37, с. 173].

Исследования Френа надолго опередили свое время, и оценить их по достоинству и развить вплоть до конца XIX в. было практически некому [23, с. 39 — 41]. Также объективно не хватало фактического материала. Неудивительно поэтому, что следующая обзорная работа о волжских булгарах вышла более чем через полвека после трудов Френа и Григорьева. Ее автор П. В. Голубовский не востоковед, но в силу своих занятий историей южнорусских областей был вынужден погрузиться и в детали истории кочевников, в первую очередь половцев. А половецкая тематика привела П. В. Голубовского к изучению истории более ранних восточных соседей Руси — болгар и хазар.

О Суваре П. В. Голубовский сообщает следующее: «В X в. был в болгарском царстве еще третий важный город, Сувар или Сивар. Арабские писатели говорят, что он лежал недалеко от города Булгара на Волге; дома его были деревянные и в нем, как и в столице, была главная мечеть» [6, с. 8].

Небольшим уточнением о деревянных постройках и мечети в Суваре (на основе появившихся к тому времени новых переводов источников) фактически ис-

черпывается отличие между трудами В. В. Григорьева и П. В. Голубовского [27, с. 126 — 128]. Далее лишь повторены сведения о чеканенной в Суваре монете и что, возможно, он располагался на месте Симбирска [6, с. 9, 20 — 21]. Ссылки в обоих случаях даны не на В. В. Григорьева, а на более поздние исследования, что дополнительно свидетельствует об отсутствии видимого прогресса в изучении суварской проблемы — работы появлялись, а новых сведений не прибавлялось.

О племенном делении болгар П. В. Голубовский сообщает даже меньше В. В. Григорьева, называя, со ссылкой на Ипатьевскую летопись, «серебряных болгар» и «челмат». Этимология их объясняется на основе гидронимов — некоей реки Серебрянки, на которой будто бы стоял «Бюлар» (что никак не согласуется с приведенной выше самим Голубовским верной локализацией города на Малом Черемшане), и Камы, название которой по-татарски «Челман или Чулман» [6, с. 13]. На основе того же издания Френа приводятся сведения Ибн Фадлана о «туземных царьках», которые, «может быть, несколько ограничивали власть болгарского владыки» [6, с. 12]. Таким образом, и в работе П. В. Голубовского о каком-то отдельном племени «сувар» нет ни малейшего упоминания.

Остановимся еще на одном труде, сыгравшем выдающуюся роль в болгароведении. Служивший долгое время в Казани юрист С. М. Шпилевский составил уникальную в своем роде энциклопедию — свод древних памятников Казанской губернии, связываемых с булгарами. Опираясь как на научную, так и на многочисленную краеведческую литературу, зачастую за пределами Казани недоступную [36, с. III — IV], и на свои личные наблюдения, С. М. Шпилевский свел воедино данные о каждом городе или безымянном памятнике Волжской Булгарии, а также о том, что известно о еще не идентифицированных городах, упоминаемых в письменных источниках. В число последних попал и Сувар.

Примечательно, что главу о Суваре С. М. Шпилевский начинает с приведения доказательств существования такого города [36, с. 48]. Причем даже для конца 70-х гг. XIX в. единственным «непреложным» доказательством по-прежнему оставались монеты [36, с. 43 — 44, 48]. Хотя С. М. Шпилевский и не дал правильной локализации Суvara, но давно было отмечено, что он все-таки описал Суварское городище среди безымянных памятников болгарского времени (указано под пунктом 11: «в $\frac{1}{4}$ версты от деревни Даниловки», на «правом берегу Утки» [36, с. 336]) [10, с. 15; 13, с. 332; 25, с. 233].

Принципиальный интерес представляет проделанный С. М. Шпилевским обзор вариантов чтения слова «Сувар» по арабоязычным источникам. Помимо традиционного «Сивара» приводится также чтение «Суваз вместо Сувар» [36, с. 49]. Такое чтение предложено еще в 1847 г. известным специалистом по восточной нумизматике П. С. Савельевым (в исследовании «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории») [36, с. 50]. Что важно, чтение «суваз» ни для П. С. Савельева, который этим хотел обосновать тождество Суvara/«Суваза» со Свяжском, ни для С. М. Шпилевского не имело никакой этнической коннотации.

Хотя именно этот последний вариант чтения спустя век ждало большое будущее, еще академик Б. Д. Греков в 1945 г. называл город «Сиваром» [7, с. 20, 22]¹² и ничего не знал о народе «сувар». Дважды обращаясь к эпизоду конфликта в ставке Алмуша из сочинения Ибн Фадлана, где, собственно, как принято считать,

¹² Один раз упомянут и «Сувар» [7, с. 11]. При этом не оговорено, что это только разные огласовки одного и того же названия.

и упомянуты впервые как народ сувары, Б. Д. Греков говорит о «племени саван (или савар)», но никак не увязывает это название с Сиваром/Суваром [7, с. 6, 32].

Концепция А. И. Артемьева

В этом смысле настоящим прорывом, опередившим концепции середины — второй половины XX в., стало предположение, вскользь высказанное А. И. Артемьевым¹³ в середине XIX в.: «Так как о чувашах не упоминает ни один из арабских писателей, ...ни наш Нестор, то и предполагают, что они были известны тогда под другим названием и хотят отыскивать их или в булгарах, или в буртасах. <...> С другой же стороны, народ довольно многочисленный... не мог бы появиться, не замеченный современниками. Молчание арабов о чувашах в сущности ничего не доказывает. Известно, что арабы или называли народ по главному или столичному городу, или наоборот. А в таком случае нельзя ли в *неприуроченном доселе* (выделено нами. — А. С.) городе Суваз (Сивар, Сиваз) видеть корень слова “чуваш”? По крайней мере такой догадке не будет противоречить свойство чувашского языка, изменяющего буквы “с” в “ч” и “р” в “з”. Молчание Нестора о чувашах, тогда как он упоминает о черемисах, нельзя принимать за полное доказательство, что их не было тогда на здешней земле. Скорее должно допустить, что у него и чувашаи скрывались под именем же черемисов»¹⁴.

Несмотря на прозорливость автора, нельзя не заметить, что перед нами не более чем догадка, опирающаяся лишь на мнение П. С. Савельева о возможном чтении «Суваз» вместо «Сувар» и на собственные общеисторические представления. Ни местоположения г. Сувар, ни народа с таким именем, как видно из приведенной цитаты, А. И. Артемьев, как и прочие его современники, не знал. Он лишь предположил, что город мог называться по имени народа, в «чуваш» — это последующее искажение из-за «свойств» чувашского языка названия «Сувар/Суваз».

Все последующие сторонники «суварской концепции» вплоть до настоящего времени будут исходить из этого совершенно умозрительного положения, будто название города и населяющего его народа является обычной практикой для раннего средневековья. Тем удивительнее, что при этом концепция А. И. Артемьева оказалась просто не замечена и забыта более чем на век. С. М. Шпилевский, многократно ссылавшийся на цитированную и другие работы А. И. Артемьева [36, с. 306, 324, 366, 378, 379], отмечая даже его знакомство с взглядами П. С. Савельева [36, с. 51], не упомянул о сопоставлении названия г. Суvara с чувашами. Никакие другие исследователи «суварской проблемы» на А. И. Артемьева не ссылались и никогда не проявляли своего знакомства с его концепцией.

По-видимому, первым, кто вернул из небытия работу А. И. Артемьева, был В. Ф. Каховский. В поздней статье он пересказал содержание цитированного выше отрывка¹⁵, но сделал это так, будто концепция Артемьева была всегда широко известна. Однако ни в каких других своих работах, включая напрямую посвященные «суварской проблеме», сам В. Ф. Каховский ранее не обнаруживал

¹³ Александр Иванович Артемьев (1820 — 1874) — историк-востоковед по образованию, в ранней своей деятельности журналист (сотрудник «Казанских губернских ведомостей»), а затем до конца жизни чиновник Министерства внутренних дел.

¹⁴ Список населенных мест Российской империи. Вып. XIV. Казанская губерния. Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет МВД, 1866. С. LXII.

¹⁵ Каховский В. Ф. Этноним «чувашаи» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР: [сборник статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 76.

знакомства с ней [12; 14]¹⁶. То же относится и к В. Д. Дмитриеву, и к его оппонентам — А. Х. Халикову и Р. Г. Фахрутдинову.

Таким образом, хотя работа А. И. Артемьева и опередила время смелостью догадок, но, не будучи вовремя замеченной, в конечном счете никак не повлияла на развитие «суварской» историографии.

Таким был итог изучения «суварской проблемы» до установления местоположения г. Сувар.

Открытие местоположения г. Сувар и национальная интеллигенция народов Поволжья

Установление ныне признаваемого верным местоположения г. Сувар на р. Утке связано с именем татарского краеведа Гайнитдина Ахмарова (Ахмерова). В мае 1893 г. во время посещения с. Кузнечихи Спасского уезда Казанской губернии Ахмаров из расспросов местных жителей выяснил, что городище между Кузнечихой и д. Даниловкой, а также само с. Кузнечиха чувашами называется «Киве-свар», а татарами «Иске-Суар», то есть «Старый Сувар».

Ахмаров осмотрел городище, узнал, какие вещи находили там крестьяне, изучил одну из показанных ему могил. Все это, по его словам, заняло один день. Этим открытие Сувар и ограничилось. Ни о каком племени «сувар» ни Ахмаров, ни местные жители не знали. Сам город в первом и последнем предложениях своей заметки Ахмаров называет «булгарским» [2].

Г. Ахмаров проводил свои исследования по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Один из создателей этого Общества — И. А. Износков — обобщил и дополнил сведения Ахмарова. По его данным, местность вокруг Сувар уже к XVII в. была давно заброшена. Лишь с начала XVIII в. она была вновь заселена, причем выходцами из г. Кузнецка Саратовской губернии, откуда и происходит название с. Кузнечиха [10, с. 15 — 16]. Новые русские поселенцы узнали от своих соседей — чувашей и татар, — что некогда здесь был «“турецкий” город — столица, разрушенная после какой-то войны» [10, с. 14]. Рассмотрев литературу и современное (на 1895 г.) состояние вопроса о Суваре, И. А. Износков, как и все его предшественники, ни о каком народе «сувар» не упомянул.

Несколько позже Г. Ахмаров подготовил на татарском языке (арабским шрифтом) обобщающий очерк «История Булгарии» (Казань, 1909). В нем приводятся сведения о племенном составе булгар, соответствующие данным еще В. В. Григорьева, а также те, что найдены в сочинении Ибн Русте («Ибн Даста») [3, с. 35]. Сувары не названы ни разу. О г. Сувар даны лишь справочные сведения в полабзаца: о его местоположении у с. Кузнечиха и о том, что здесь чеканилась монета и что вместе с Булгаром в двух городах было до 10 тыс. домов [3, с. 36]. По мнению Ахмарова, «единственными продолжателями религии, языка, занятий и традиций булгар сегодня являются казанские татары» [3, с. 33]. В отношении чувашей Ахмаров присоединился к старой концепции об их происхождении от буртасов [3, с. 39].

Даже в послереволюционное время, в первых сводных работах, созданных представителями национальных интеллигенций народов Поволжья, мы сталки-

---

¹⁶ Библиография любого из изданий «Происхождения чувашского народа» В. Ф. Каховского не отражает всех работ, указанных в примечаниях. В них и присутствует ссылка на «Список населенных мест...», но лишь в связи с мнением Артемьева о планировке чувашских деревень [13, с. 405].

ваемся примерно с той же картиной, какая была представлена в историографии XIX в.

Газиз Губайдуллин (псевдоним «Г. Газиз»), репрессированный в 1937 г. как «пантюкист» и «буржуазный историк»¹⁷, в написанной по-татарски и изданной в 1924 г. арабской графикой «Истории татар» упоминал г. Сувар исключительно в общеисторическом контексте. В полном соответствии с традицией он сообщает о монетном чекане в Суваре (правда, почему-то относит его к золотоордынскому периоду) [5, с. 64] и говорит о торговой роли города [5, с. 63]. Единственное оригинальное, но в то же время сомнительное, утверждение — о «следах» иудаизма в Булгаре и Суваре [5, с. 38].

Булгары для Г. Газиза — единый народ, никакие другие племена в их составе не упоминаются. И в целом булгарам Г. Газиз отводит достаточно скромное место в рамках выдвигаемой им концепции татарского этногенеза. Согласно этой концепции, «формирование татарского народа есть результат весьма длительного (в несколько веков) процесса слияния тюрок Восточной Европы (кипчаков, болгар и других) с финно-уграми и незначительной частью монголов» [5, с. 55]. Сама по себе в таком виде концепция возражения не вызывает.

Н. В. Никольский, один из основателей чувашской этнографии, в своих работах не упоминает даже о г. Суваре. Например, в «Конспекте по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919) перечисляются города Волжской Булгарии: «Булгары, Керменчуг, Великий город — культурные центры» [21, с. 27]. Далее называются главные «татарские» центры ордынского периода: «Жукотино, Керменчуг, Казань, Эстер-хан (Астрахань), Сарайчик на Урале» [21, с. 28].

В составленный к началу 1940-х гг. сборник сообщений разных авторов о чувашах и их предках (не издан) Н. В. Никольский включил несколько фрагментов из Ибн Фадлана по только что вышедшему к тому времени переводу А. П. Ковалевского¹⁸. Среди цитируемых страниц «Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу» (М.; Л., 1939) Н. В. Никольским не указана с. 76, где говорится о выступлении против болгарского правителя группы людей «саван», которых в последующих изданиях текста стали исправлять на «суваз/сувар». В примечании к отрывку из письма кагана Иосифа по изданию П. К. Коковцева Н. В. Никольский указывает: «...с-в-р = Сувар или Сивар, город приволжских болгар...»¹⁹.

Все это показывает, что Н. В. Никольский был совершенно не в курсе сопоставлений названий «сувар» и «чуваш». И даже упоминая Н. Я. Марра, рассматривает его взгляды лишь в контексте типологической близости языков хазар и чувашей²⁰.

Особняком в ряду национальных историй стоит первая написанная на чувашском языке и вышедшая в Казани (1921) история чувашей. Ее автор Гурий Комиссаров проявил в своем труде немалую эрудицию. Сувар он считал принадлежащим буртасам (о чем высказывался еще В. В. Григорьев [8, с. 100], отождествляя

¹⁷ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003. С. 132.

¹⁸ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 43. Инв. № 119. «Проф. Н. В. Никольский. Известие иностранцев и путешественников по России о чувашском народе с древнейших времен по XIX век включительно». Рукопись большого формата на 547 л. (исписаны с одной стороны). Л. 20 — 26.

¹⁹ Там же. Л. 51.

²⁰ Там же. Л. 48 — 49.

«Сивар» с Симбирском²¹), но название города считал чувашским [15, с. 32, 54, 58, 108]. Далее Комиссаров рассматривает возможность происхождения чувашей от «саваров» [15, с. 37] Клавдия Птолемея («География», кн. III, гл. 5), упомянутых в паре с «борусками»²². Впрочем, такое родство казалось ему маловероятным из-за сложностей фонетического перехода от «саваров» к «чувавам». В то же время он сопоставлял «савар» с личным именем «Севар» из «Именника болгарских правителей» [15, с. 70, 72]²³. Также ему была известна концепция Н. И. Ашмарина о возможном происхождении названия «чуваши» от «суас» [15, с. 16—17] (об этом подробно ниже).

Упоминание г. Суvara и «саваров» Птолемея позволяет считать, что Г. Комиссарову попытки отождествления этих названий с чувашами были известны. Тем не менее Комиссаров никакой цельной «суварской» концепции в своем очерке не сформулировал.

Рассмотренные факты свидетельствуют, что выяснение местоположения г. Суvara не привело ни профессиональных ученых, ни краеведов-любителей к выводу о существовании народа с тем же именем.

Начало археологического исследования Суvara

Казанский археолог В. Ф. Смолин, жизнь которого оборвалась, когда ему было едва за сорок лет²⁴, успел за короткое время глубоко исследовать болгарскую тематику и по письменным памятникам, и по собственным археологическим наблюдениям. Вышедшая в 1921 г. брошюра В. Ф. Смолина «К вопросу о происхождении народности Камско-волжских болгар» по структуре, и отчасти содержательно, напоминает труд К. А. Иностранцева «Хунну и гунны», чего не скрывал сам автор [29, с. 24]. В ней дан историографический разбор концепций происхождения болгар, причем без разбора — и степных протоболгар, и собственно волжско-камских. Поскольку, как показано выше, авторы всего XIX в. и начала XX в. ни о каких суvарах не знали, и в брошюре В. Ф. Смолина ника-

²¹ Тема помещения городов Булгар и Суvар в стране буртасов в ряде арабских географических сочинений требует отдельного исследования [9, с. 37 — 38; 16, с. 121].

²² Иногда савары отождествляются со славянами-северянами [4, с. 335]. Источником этого предположения является П. Й. Шафарик (Шафарик П. И. Славянские древности. Т. I. Кн. 1 / пер. с чеш. И. Бодянского. Москва: Университетская типография, 1837. С. 106), привлечение взглядов которого для комментирования Птолемея даже для 1948 г. было малооправданным, но совершенно недопустимо еще шестьдесят лет спустя. Ср. Лагышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. I. Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 237. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов. Москва: Русский фонд содействию образованию и науке, 2009. С. 186. В оригинальном издании Лагышева приведены разночтения по рукописям Птолемея (наиболее частый вариант «саурь» — Saugi, Σαυροι), из которых следует, что написание «савары» (Σαβαροι) лишь одно из возможных. Лагышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Санкт-Петербург: Тип. Императ. академии наук, 1890. С. 231. Поскольку это слово не с чем сопоставить, выбор издателей критического греческого текста мог быть совершенно случайным, и вопрос о «саварах» Птолемея, как и о многих других упомянутых в его сочинении этнонимах, остается по-прежнему открытым.

²³ Вероятно, заимствовано у А. А. Куника [15, с. 62], который, в свою очередь, связывал имя «Севар» не с саварами Птолемея, а с кавказскими савирами. Опираясь Куник на того же Шафарика (Шафарик П. И. Славянские древности. Т. I. Кн. II. Изд. 2-е, испр. Москва: Университетская типография, 1848. С. 100 — 101), но также и на упоминание савир в генеалогии хазар из краткой редакции письма кагана Иосифа (о чем ниже) [19, с. 135].

²⁴ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора. С. 356.

ких намеков на суваров найти невозможно. Разбирая взгляды Н. И. Ашмарина, Смолин, конечно, упоминает о «суасах», но никаких сопоставлений и выводов из этого не делает [29, с. 38].

К тем же вопросам В. Ф. Смолин вернулся в обстоятельном очерке, посвященном археологии Татарской АССР²⁵. Работа обнажила любопытный факт — вне разбора многочисленных гипотез все сведения об этническом составе волжских болгар по письменным источникам уместились всего в одном предложении: «В настоящее время можно только отметить, что в X в. среди болгар намечают три группы: собственно болгары, затем эсегель и берсула (Ибн-Роста)»²⁶.

О г. Сувар снова сообщается в связи с его монетами²⁷. Несколько подробнее дано описание городища у с. Кузнечиха, которое завершается важной констатацией его неизученности: «Суварское городище до сих пор остается совершенно неисследованным. Такой значительный памятник, как г. Сувар, засвидетельствованный восточными авторами и нумизматическим материалом уже для X в., заслуживает того, чтобы на него было обращено должное внимание; иначе под распашкой и т. д. исчезнут всякие следы этого города»²⁸.

Раскопки Сувара начались спустя всего несколько лет после написания этих строк В. Ф. Смолиным. Однако проходили они уже в совершенно иной исторической реальности, после так называемого «разгрома краеведения» на рубеже 1920 — 1930-х гг. Теперь советская власть взяла под жесткий контроль центральных научных и партийных органов изучение проблем региональной истории [31, с. 49 — 62]. Поэтому новыми раскопками руководил сотрудник Государственного исторического музея в Москве А. П. Смирнов. Именно через раскопки Сувара в 1933 — 1937 гг. А. П. Смирнов пришел к археологическому изучению Волжской Булгарии, став, в результате, главным отечественным болгароведом.

В одной из ранних публикаций А. П. Смирнов обозначил понимание Сувара исключительно как города, а не народа. Резюмируя результаты обследования «Свар-горы» в окрестностях с. Кузнечихи, А. П. Смирнов заключает: «Вопрос о том, почему местное население связывает этот холм с именем древнего города Сувара, может быть объяснен тем, что после окончательного падения... часть его жителей поселилась недалеко от города (в 6 — 7 км), перенеся вместе с тем на новое место и название древнего города (выделено нами. — А. С.)» [26, с. 332].

В итоговой публикации по результатам раскопок А. П. Смирнов также никак не характеризует основное население Сувара. Полиэтничность Булгарии в целом понималась им только в том смысле, что рядом с булгарами проживали, например, еще финские племена: «... в болгарских городах жили пришельцы из области мордвы и из Закамья» [28, с. 171].

Ни о каком племенном членении болгар в то время А. П. Смирнов не писал, отмечая лишь политическую борьбу между двумя городами (Булгаром и Суваром) на начальном этапе существования «царства» [28, с. 137]. В характеристике жилищ при сравнении находок с письменными свидетельствами отмечается общность их типов для всех болгар [28, с. 142 — 143], а для керамики Сувара подчер-

²⁵ Смолин В. Ф. Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана: сборник статей. Вып. II / под ред. Г. Г. Ибрагимова и Н. И. Воробьева. Казань: Бюро краеведения при краеведческом центре ТНКИ, 1925. С. 5 — 71.

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 57.

квивается «полная тождественность» с известным к тому времени материалом из Биляра [28, с. 165]²⁹.

Интересна судьба самой этой публикации. За редким исключением [11, с. 181 — 182] ссылки на нее даются суммарно — без цитат и указаний конкретных страниц [13, с. 17, 332, 414; 24, с. 165, 169, 225, 485]. Примечательно и то, что кроме рецензии Н. В. Трубниковой³⁰ нигде не дается правильного библиографического описания издания: обычно указывается серийное название «Труды ГИМ. Вып. XVI» без собственного названия сборника «Работы археологических экспедиций». Это касается и собственных ссылок А. П. Смирнова, у которого коллеги, вероятно, их и копировали [25, с. 272].

Дело в том, что вопреки «1941 г.» на обложке в выходных данных в конце сборника указано, что он подписан в печать «8/1 — 1943 г.» и общим тиражом всего в 300 экземпляров. Последнее и объясняет практически полную недоступность издания. Выпущенный в военное время ничтожным тиражом сборник просто не мог поступить даже в основные областные библиотеки.

Учитывая, что сопоставимых по масштабу раскопок с тех пор на Суварском городище не проводилось, публикация 1943 г. (наряду с разделом в монографии «Волжские булгары») остается по-прежнему единственной сколько-нибудь полной сводкой об этом памятнике.

Вопрос же о том, когда А. П. Смирнов обратил внимание на «суварскую историографию», как раз решается на основе анахроничности публикации отчета о раскопках. В 1937 г. о суварах А. П. Смирнов еще не знал. Нет упоминаний о них и в подготовленной к 1941 г. публикации итогового отчета. Однако в изданном в 1940 г. историческом очерке о Волжской Булгарии сувары уже есть, а Сувар даже назван «чувашским городом» [27, с. 73, 80].

Как это можно объяснить? Очевидно, сборник, который должен был выйти в 1941 г., весь составлен из «остатков», подававшихся авторами для «Трудов Государственного исторического музея» в предыдущие годы. Об этом красноречиво свидетельствуют другие статьи сборника — отчеты С. В. Киселева и Л. А. Евтуховой о работе Саяно-Алтайской экспедиции за 1935 г. и В. Д. Блаватского — о раскопках Фанагории в 1936 — 1937 гг.

(Окончание следует).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аргамонов М. И. История хазар. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
2. Ахмаров Г. Экскурсия на место древнего Сувара // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XI. Вып. 5. Казань, 1893. С. 478 — 481.
3. Ахмеров Г. Н. Избранные труды. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. 237 с.
4. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. Москва: Наука, 2000. 540 с.

²⁹ Попытка Т. А. Хлебниковой выделить характерный для Сувара тип керамики [33, с. 186 — 187, 192 — 193, 205; 34, с. 179], предполагающий этническое своеобразие оставившего его населения (возможность этнического маркирования средневековой городской посуды требует специального методологического обоснования), опровергается ее же собственными данными, поскольку для всех «суварских» типов находятся аналогии из других мест Волжской Булгарии [28, с. 133 — 140, 153, 201, 225].

³⁰ Н. В. Трубникова не преминула уязвить своего коллегу по музею, высказавшись в том духе, что табличку с надписью «Сувар» он так и не нашел: «К сожалению, эпиграфических данных, с несомненностью устанавливающих тождество городища у с. Кузнечихи с Суваром восточных авторов, найдено не было. Во всяком случае, перед нами типичный средневековый город...» [30, с. 108].

5. Газиз Г. История татар / сокр. перев. с татарского; под ред. Э. С. Кульпина и Ш. Ф. Мухамедьярова. Москва: Московский лицей, 1994. 200 с.
6. Голубовский П. В. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. (Историко-этнографический очерк). Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1888. 43 с.
7. Греков Б. Д. Волжские болгары в IX — X вв. // Исторические записки. Вып. 14. Москва: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3 — 37.
8. Григорьев В. В. Россия и Азия. Санкт-Петербург: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. 575 с.
9. Заходер Б. А. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Москва: Наука, 1967. 212 с.
10. Износков И. А. Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии. II. Район болгарского города Сувары // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIII. Вып. I. Казань, 1896. С. 10 — 18.
11. История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.
12. Каховский В. Ф. Новые памятники болгарской культуры Чувашского Поволжья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва: Наука, 1978. С. 235 — 241.
13. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 492 с.
14. Каховский В. Ф. Сувары и чувашаи // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при Совете министров Чувашской АССР, 1972. С. 200 — 217.
15. Комиссаров Г. И. Чаваш халӑхӑн историйӑ. Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, 1921. 165+III с.
16. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. Москва: Восточная литература, 2006. 328 с.
17. Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3. С. 112 — 124.
18. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. Москва: Наука, 1992. 348 с.
19. Куник А. А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. Санкт-Петербург: Тип. Императ. академии наук, 1878. С. 118 — 161.
20. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700 — 1917 гг. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
21. Никольский Н. В. Собрание сочинений. Т. III. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 736 с.
22. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва: Наука, 1990. 264 с.
23. Розен В. Р. Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XV. 1902 — 1903. Санкт-Петербург: Тип. Императ. академии наук, 1904. С. 39 — 73.
24. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 768 с.
25. Смирнов А. П. Волжские болгары. Москва: Издание Государственного исторического музея, 1951. 275+18 табл.+2 с.
26. Смирнов А. П. Исследование городища Сувар // Советская археология. Т. IV. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. С. 330 — 332.
27. Смирнов А. П. Очерки по истории древних (волжских) болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. Сборник статей по археологии СССР. Москва: Издание ГИМ, 1940. С. 55 — 136.
28. Смирнов А. П. Сувар. Итоги раскопок 1933 — 1937 гг. // Труды ГИМ. Вып. XVI. Работы археологических экспедиций. Москва: Издание ГИМ, 1941 (1943). С. 135 — 171.
29. Смолин В. Ф. К вопросу о происхождении народности Камско-волжских болгар. Казань: Чувашское отд. Госиздата. Казанское подотделение, 1921. 56 с.
30. Трубникова Н. В. [Рец. на:] Труды Государственного исторического музея. Вып. XVI. Работы археологических экспедиций. Москва, 1943 // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 105 — 108.
31. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки. 2-е изд., доп. Москва: Знак, 2006. 344 с.
32. Халиков А. Х., Старостин П. Н., Халикова Е. А., Петренко А. Г. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова) // Советская археология. 1971. № 1. С. 265 — 274.
33. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Москва: Наука, 1984. 241 с.

34. Хлебникова Т. А. Работы на городище Сувар // Археологические открытия 1974 года. Москва: Наука, 1975. С. 179.
35. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. Москва: Наука, 1980. 216 с.
36. Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. X+585+XVI с.
37. Frähn C. M. Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X. Jahrhundert nach Christi Geburt // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Sixième série (sciences politique, histoire et philologie). T. I. St.-Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Imperiale des Sciences, 1832. S. 171 — 204.
38. Frähn C. M. Ibn-Fosflan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St. Petersburg: Buchdruckerei der Akademie, 1823. LXXXI+281 S.

REFERENCES

1. Artamonov M. I. The history of the Khazars.
2. Akhmarov G. The Excursion to the site of ancient Suvar // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography of the Imperial Kazan University. 1893(Vol. XI. Iss. 5):478 — 481. (In Russ.)
3. Akhmerov G. N. The selected works. Kazan;1998:237. (In Russ.)
4. Budanova V. P. The Barbarian world of the The Migration Period. Moscow;2000:540. (In Russ.)
5. Gaziz G. The history of the Tatars. Transl. from Tatar. Ed. by E.S. Kulpin and S.F. Mukhamedyarov. Moscow;1994:200. (In Russ.)
6. Golubovsky P. V. The Bulgarians and Khazars, eastern neighbors of Russia under Vladimir the Holy. (Historical and ethnographic essay). Kiev;1888:43. (In Russ.)
7. Grekov B. D. Volga Bulgarians in the 9th — 10th centuries // Historical notes 1945(14):3 — 37. (In Russ.)
8. Grigoriev V. V. Russia and Asia. Saint Petersburg;1876:575. (In Russ.)
9. Zakhoder B. A. The Caspian compendium of information on Eastern Europe. Vol. II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs. Moscow;1967:212. (In Russ.)
10. Iznoskov I. A. The materials for the historical and archaeological review of the Spassky district of the Kazan province. II. The district of the Bulgarian city of Suvar // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1896(Vol. XIII. Iss. I):10 — 18. (In Russ.)
11. The History of the Tatars. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan;2006:960. (In Russ.)
12. Kakhovsky V. F. New artifacts of Bulgarian culture of the Chuvash Volga region // Questions of ancient and medieval archeology of Eastern Europe. Moscow;1978:235 — 241. (In Russ.)
13. Kakhovsky V. F. The origin of the Chuvash people. Cheboksary;1963:492. (In Russ.)
14. Kakhovsky V. F. The Suvar and the Chuvash // The ancient settlement of Hulash and medieval monuments of the Chuvash Volga region. Cheboksary;1972:200 — 217. (In Russ.)
15. Komissarov G. I. The history of the Chuvash people. Kazan;1921:165+III p. (In Chuvash)
16. Konovalova I. G. Al-Idrisi about the countries and peoples of Eastern Europe: text, translation, commentary. Moscow;2006:328 (In Russ.)
17. Krasnov Yu. A. The problem of the origin of the Chuvash people in the light of archaeological data // Soviet Archeology. 1974(3):112 — 124. (In Russ.)
18. Kuzeev R. G. The peoples of the Middle Volga region and the Southern Urals. An ethnogenetic view of history. Moscow;1992:348. (In Russ.)
19. Kunik A. A. The relationship of the Hagano-Bulgarians with the Chuvash according to the Slavic-Bulgarian Name Day // Izvestiya al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs: articles and searches by A. Kunik and Baron V. Rosen. Saint Petersburg;1878:118 — 161. (In Russ.)
20. Lebedev G. S. The history of Russian archeology. 1700 — 1917. Saint Petersburg;1992:464. (In Russ.)
21. Nikolsky N. V. The collected Works, vol. III. The works on the history, culture and statistics of the peoples of the Volga — Urals and Siberia. Cheboksary;2008:736. (In Russ.)
22. Novoseltsev A. P. The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus. Moscow;1990:264. (In Russ.)
23. Rosen V. R. Prolegomena to the new edition of Ibn Fadlan // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. 1902 — 1903 (Vol. XV):39 — 73. (In Russ.)
24. Rudenko K. A. The history of the archaeological study of Volga Bulgaria (10th — early 13th century). Kazan;2014:768. (In Russ.)
25. Smirnov A. P. The Volga Bulgars. Moscow;1951:275+18 tables.+2. (In Russ.)
26. Smirnov A. P. The excavations at Suvar settlement // Soviet archeology. 1937(Vol. IV):330 — 332. (In Russ.)

27. Smirnov A. P. The essays on the history of the ancient (Volga) Bulgars // Proceedings of the State museum of History. Issue XI. Moscow;1940:55 — 136. (In Russ.)
28. Smirnov A. P. Suvar. The results of the excavations of 1933—1937 // Proceedings of the State museum of History. Vol. XVI. Moscow;1941 (1943):135 — 171. (In Russ.)
29. Smolin V. F. The origin of the Kama-Volga Bulgarians. Kazan;1921:56. (In Russ.)
30. Trubnikova N. V. [Review:] Proceedings of the State Historical Museum. Issue XVI. Works of archaeological expeditions. Moscow, 1943 // Ancient History Vestnik. 1946(3):105 — 108. (In Russ.)
31. Formozov A. A. Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed. Moscow;2006:344. (In Russ.)
32. Khalikov A. X., Starostin P. N., Khalikova E. A., Petrenko A. G. Questions of ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region (regarding the review by A. P. Smirnov) // Soviet Archeology. 1971(1):265 — 274. (In Russ.)
33. Khlebnikova T. A. Ceramics of Volga Bulgaria. The issue of the ethnocultural composition of the population. Moscow;1984:241. (In Russ.)
34. Khlebnikova T. A. The works on the Suvar settlement // Archaeological discoveries of 1974. Moscow;1975. (In Russ.)
35. Chichurov I. S. Byzantine historical writings. Moscow;1980:216. (In Russ.)
36. Shpilevsky S. M. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province. Kazan;1877:X+585+XVI p. (In Russ.)
37. Frähn C. M. Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X. Jahrhundert nach Christi Geburt // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Sixième série (sciences politique, histoire et philologie). T. I. St.-Pétersbourg;1832:171 — 204.
38. Frähn C. M. Ibn-Fozzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St. Petersburg;1823:LXXXI+281.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 27.09.2025

Информация об авторе:

Сараев Андрей Сергеевич, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 15.09.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 27.09.2025

Information about the author:

Andrei S. Saraev, researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 15.09.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 25.09.2025 ырланӑ; 27.09.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җитчен:

Сараев Андрей Сергеевич, Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ аслӑлӑхӗсен институчӗн аслӑлӑх ӗҫтешӗ (428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори аслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ ҫуккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 338.245. 908(470.344)
ББК 63.3(2)6662. 68.7

Научная статья

**ЭКОНОМИКА ЧУВАШСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ СТРАНЫ)**

Б. У. Серазетдинов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия
sbu54@bk.ru

Аннотация. В статье на материалах центральных архивов страны излагаются базовые условия военной экономики Чувашской АССР, включая мобилизацию ресурсов, эвакуацию промышленных предприятий и переход на военное производство. Анализируется влияние Великой Отечественной войны на экономику республики и ее отдельные отрасли (прежде всего — промышленность и сельское хозяйство). Утверждается, что в годы войны в ходе массовой эвакуации Чувашия приняла 28 промышленных предприятий из западных районов страны. Констатируется, что столь масштабная, незапланированная и вынужденная миграция, с одной стороны, создала трудности, связанные с размещением оборудования и людей, а с другой — непропорционально разросшейся промышленностью. Происходит изменение структуры промышленности. Увеличилась доля машиностроения, приборостроения и производства боеприпасов. Появились новые отрасли. Анализируются меры, предпринятые руководством республики для обеспечения фронта необходимыми ресурсами, особое внимание уделяется роли аграрного сектора в решении продовольственного обеспечения Красной Армии и тыла.

Ключевые слова: военная экономика, Чувашская АССР, центральные архивы России, Великая Отечественная война, мобилизация, эвакуация, промышленность, военное производство, аграрный сектор

Для цитирования: Серазетдинов Б. У. Экономика Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам центральных архивов страны) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 82 — 95

© Серазетдинов Б. У., 2025

Scientific article

**THE MILITARY ECONOMY OF THE CHUVASH ASSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(THE MATERIALS OF THE CENTRAL ARCHIVES OF THE COUNTRY)**

B. U. Serazetdinov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
sbu54@bk.ru

Abstract. The basic conditions of the military economy of the Chuvash ASSR, including the mobilization of resources, the evacuation of industrial enterprises and the military production transition has been presented on the country's central archives' materials in this article. The impact of the Great Patriotic War on the economy of the republic and its individual sectors (primarily industry and agriculture) has been analyzed. It is affirmed that during the war during the mass evacuation Chuvashia accepted 28 industrial enterprises from the western regions of the country. It is stated that such a large-scale, unplanned and forced migration, on the one hand, created difficulties associated with the placement of equipment and people, and on the other, a disproportionately expanded industry. The change in the structure of industry occurs.

The share of mechanical engineering, instrument making and ammunition production increased. New industries emerged. The measures taken by the republic's leadership to provide the front with the necessary resources have been analyzed; special attention is paid to the role of the agricultural sector in solving the food supply of the Red Army and the rear.

Keywords: military economy, the Chuvash ASSR, central archives of Russia, Great Patriotic War, mobilization, evacuation, industry, military production, agricultural sector

For citation: Serazetdinov B. U. The military economy of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War (the materials of the central archives of the country) // Modern humanities. 2025;1(3):82 — 95

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ АССР ЭКОНОМИКИ ТĂВАН ÇĔР-ШЫВĂН АСЛĂ ВĂРÇИН ÇУЛĔСЕНЧЕ (ÇĔР-ШЫВĂН ТĔП АРХИВĔСЕН МАТЕРИАЛĔСЕМ ТĂРĂХ)

Б. У. Серазетдинов

РĂА Раççей историйĕн институтĕ,

Мускав хули, Раççей

sbu54@bk.ru

Аннотаци. Статъяра çĕр-шывăн тĕп архивĕсен материалĕсемпе усă курса Чăваш АССР çар экономикин никĕс условийĕсем çинчен каласа панă, — çав шута ресурсене мобилизациялени, промышленноç предприятийĕсене эвакуациялени, вĕсене çар производствине куçарни кĕреççĕ.

Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçи республика экономикине тата унăн уйрăм отраслĕсене (чи малтанах — промышленноçпа ял хуçалăхне) еплерех витĕм кўнине тĕпченĕ. Çакна сирĕплетнĕ: вăрçă сулĕсенчи анлă эвакуаци тапхăрĕнче Чăваш Ен çĕр-шывăн анăç районĕсенчен промышленноçан 28 предприятине йышăннă. Масштаблă, планпа пăхман, ирĕксĕр çак миграци йывăрлăхсем кăларса тăратнине палăртнă: пĕр енчен ку оборудованипе çынсене ырнаштарса тухассипе, тепĕр енчен — промышленноç шайлашусăр сарăлнине сыхăннă. Промышленноç тытăмĕ улшăннă. Машинăсем, приборсем тăвакан, вăрçă хатĕрĕсем кăларакан производствăсен тўпи ўснĕ. Çĕнĕ отрасльсем йĕркеленнĕ. Статъяра çавăн пекх республика ертўлĕхĕ фронта кирлĕ ресурссемпе тивĕçтерес енĕпе йышăннă мерăсене, уйрăмах вара аграри секторĕ Хĕрлĕ Çара тата тыла апат-çимĕçпе тивĕçтерес ыйтăва мĕнле татса панине хакланă.

Тĕп сăмахсем: çар экономикки, Чăваш АССРĕ, Раççей тĕп архивĕсем, Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçи, мобилизаци, эвакуаци, промышленноç, çар производствин, аграри секторĕ

Цитатăлама: Серазетдинов Б. У. Чăваш АССР экономикки Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçин сулĕсенче (çĕр-шывăн тĕп архивĕсен материалĕсем тăрăх) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 82 — 95

Введение

Мы вновь обращаемся к такой важной и поучительной части нашего исторического наследия, как создание в первые годы Великой Отечественной войны высокоэффективной мобилизационной экономики, обеспечивавшей победу над сильным врагом благодаря огромному напряжению сил, путем мобилизации в кратчайшие сроки всех людских и материальных ресурсов страны.

Значительный вклад в победу над фашистской Германией внесла и военная экономика Чувашской Республики. В годы войны — это мобилизационная экономика, ориентированная на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, а также концентрация всех ресурсов: людских, сырьевых, финансовых, политических,

государственных для максимально эффективного достижения поставленной цели — победы над врагом.

Материалы и методы

При написании работы был применен принцип историзма, предполагающий рассмотрение явления в развитии. Основной источниковой базой исследования стали материалы, хранящиеся в трех центральных архивах — Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Работа основывается на использовании комплекса методов: общенаучных и специальных научных (историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного).

Результаты исследования и их обсуждение

В годы Великой Отечественной войны Чувашская Республика, как и вся страна, оказалась в условиях полной мобилизации ресурсов. На территории в 18 345 тыс. кв. км проживало 1 млн 79 тыс. 400 чел.¹, насчитывалось 28 районов, 7 городов, 6 рабочих поселков и 617 сельсоветов.

Большинство населения занималось сельским хозяйством (76,2 %), работающих в промышленности насчитывалось 6,9 %, иные трудились в других отраслях народного хозяйства².

В период войны Чувашская АССР перестроила свою экономику на выпуск военной продукции. К этому времени здесь была создана значительная промышленная база. Как по числу промышленных предприятий, так и по темпам их строительства Чувашия опережала соседние республики (Марийскую, Мордовскую). Индустриальное лицо республики определяли такие предприятия, в большинстве построенные в годы первых пятилеток, как Канашский вагоноремонтный завод (ВРЗ), Алатырский паровозоремонтный завод (ПРЗ), Вурнарский фосфоритный завод, дубильно-экстрактовый завод «Большевик», завод металлоизделий, Шумерлинский деревообрабатывающий и Козловский домостроительный комбинаты, Мариинско-Посадская судовой верфь, Заволжское торфопредприятие, 3 кирпичных завода, 3 крахмалзавода, 2 льнопенькозавода, 6 лесопромхозов и механизированных лесопунктов, несколько дизельных электростанций, Урмарская мебельная фабрика, Сосновский лесозавод, Чебоксарский кожевенный комбинат. В Чебоксарах велось строительство завода № 320 (резино-технических изделий), давшего первую предназначенную для фронта продукцию осенью 1941 г. Было создано свыше 100 крупных промысловых артелей и 384 предприятия кооперативной промышленности.

Что касается структуры промышленности, то в 1940 г. она выглядела следующим образом. В лесной и деревообрабатывающей промышленности, которая по-прежнему занимала главенствующее место, было занято 54,3 % общего числа работников, доля машиностроения и металлообработки составляла 13,9 %, пищевой промышленности — 11,4 %, легкой — 8,6 %, производства строительных материалов — 3,8 %, торфодобычи — 2,3 %.

Некоторые аспекты военной экономики Чувашии:

А) Перевод промышленных предприятий на выпуск продукции оборонного значения и выполнения заказов фронта, то есть развитие военного производства

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 41, 53 — 54, 101.

² РГАЭ. Ф-1562. Оп. 336. Д. 352. Л. 14.

путем использования большей части гражданского производственного аппарата, интенсификации производственных процессов на действующих предприятиях военной промышленности и создания в этой отрасли промышленности новых мощностей при одновременном достижении соответствующего уровня развития металлургии, топливной промышленности, энергетики, машиностроения, железнодорожного транспорта, сельского хозяйства. Это прежде всего: черенки к пехотным лопатам, саперным лопатам, топоры, кольца и другая фурнитура для повозок, лыж и снегоступов, белье, ватные куртки, меховые полушубки и телогрейки для армии, овчины для полушубков и теплых вещей, сушеный картофель, сухари и овощи для фронта, мясные консервы, сухой казеин для нужд авиационной промышленности. Успешно выполнили специальные задания по лесу Мариинско-Посадский, Красночетайский, Шумерлинский и Сундырский районы. Лучший пример освоения нового вида производства показал Новинский бондарный завод Мариинско-Посадского района, досрочно выполнивший план изготовления спецпродукции³.

Б) Эвакуация предприятий и их пуск в кратчайшие сроки. В октябре 1941 г. в Чувашской АССР был создан комитет обороны, его возглавил первый секретарь обкома ВКП(б) И. М. Чарыков. Республиканский комитет обороны оперативно руководил мобилизацией населения и материальных ресурсов на строительство оборонительных рубежей, созданием народного ополчения, организовывал перепрофилирование местных предприятий на выпуск вооружения и боевой техники.

Собрание актива Чувашской областной организации ВКП(б), которое состоялось 18 ноября 1941 г., считало необходимым принятие решительных мер со стороны партийных и советских органов республики и повышение ответственности руководителей эвакуированных заводов и предприятий по ускорению монтажа оборудования эвакуированных предприятий и пуска их в установленные правительством сроки. Чебоксарский горком, райкомы ВКП(б) и райсоветы депутатов трудящихся Канашского, Сундырского, Цивильского районов должны были усилить помощь и руководство в этом плане⁴.

В республику было перебазировано оборудование 28 заводов, фабрик, цехов, вместе с ними эвакуировали трудовые коллективы. Из временно оккупированных районов и прифронтовой полосы в Чувашию эвакуировались: Арсенал № 5, часть завода Харьковского электромеханического завода (ХЭМЗ), 5 текстильных, 2 табачные, Полтавская чулочная, Киевская техноткацкая фабрики, Московский завод сухой штукатурки, Дарницкий вагоноремонтный завод, паровозоремонтный завод им. Шевченко, Гайворонский паровозоремонтный завод, Жмеринский ВРЗ, Сумская швейная и обувная, Завидовская плетильная фабрики, Волховский лесопильный завод, Запорожская мастерская электронагревательных приборов, часть завода № 11, часть завода № 168⁵. В республике из предприятий, относящихся к оборонным наркоматам, в военный период были введены в строй Чебоксарский завод электроаппаратуры, созданный на базе эвакуированных ХЭМЗ и Ленинградского завода «Электрик»⁶, Шумерлинский деревообрабатывающий комби-

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3851. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 — 3.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 52. Л. 28; Д. 493. Л. 38.

нат (авиационный завод № 471), Козловский деревообрабатывающий комбинат (авиационный завод № 494), Чебоксарский завод резино-технических изделий, Канашский мотороремонтный и вагоноремонтный заводы, Алатырский паровозоремонтный завод. На оборудовании военной базы, прибывшей из г. Ржева, 14 августа 1941 г. в Алатыре был образован новый Артиллерийский завод № 3, затем с октября переименованный в Артиллерийский арсенал вооружения Главного артиллерийского управления (ныне Арсенал № 5). На завод № 320 в Чебоксары была эвакуирована часть завода № 11 НКБ. За счет этого возрос экономический потенциал Чувашии: объем валовой продукции крупной промышленности по сравнению с довоенным увеличился в 1,6 раза.

В) Изменение структуры промышленности. Увеличилась доля машиностроения, приборостроения и производства боеприпасов. Появились новые отрасли, например, на базе эвакуированных ткацких фабрик возникла текстильная отрасль, было налажено производство табачных изделий (Московская табачная фабрика «Ява», Московская табачная фабрика «Дукат»)⁷. Созданы продиктованные интересами государственной обороны новые отрасли производства на Шумерлинском и Козловском комбинатах, которые из системы Наркомата стройматериалов СССР и Наркомлеса СССР были переданы Наркомату авиационной промышленности. На Канашском ВРЗ и Алатырском ПРЗ были созданы за короткий срок специальные цеха. Вунарский фосфоритный завод начал изготавливать полуфабрикаты для завода № 320⁸.

Г) Работа предприятий. Канашский вагоноремонтный и Алатырский ПРЗ значительно увеличили объем ремонта вагонов и паровозов, на этих же предприятиях наладили производство боевой техники и боеприпасов.

В 1942 г. Чебоксарский завод электроаппаратуры освоил и внедрил в производство более тридцати новых изделий для авиационной и танковой промышленности. В 1944 г. он начал выпуск электрооборудования для Челябинской домны. В г. Алатыре на паровозоремонтном заводе из эвакуированного оборудования был создан цех по обработке заготовок артиллерийских снарядов.

Д) Изготовление продукции для фронта. На нужды фронта работали все отрасли промышленности Чувашии. На предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации изготавливались повозки, сани, лыжи и лыжные палки, тара для боеприпасов, различное военное снаряжение, шилось белье и обмундирование для Красной Армии. В сентябре 1941 г. началось массовое производство боеприпасов на 320-м заводе Наркомата боеприпасов СССР. С декабря 1941 г. к изготовлению установочных изделий для танков и самолетов приступил Чебоксарский электроаппаратный завод (ЧЭАЗ), награжденный в 1944 г. орденом Трудового Красного Знамени. Коллективу предприятия за годы войны 11 раз присуждалось переходящее Красное знамя ГКО СССР и ВЦСПС. С декабря 1941 г. налажен серийный выпуск самолетов и планеров на Козловском и Шумерлинском деревообрабатывающих комбинатах. Трудовые коллективы Канашского вагоноремонтного и Алатырского ПРЗ наряду с ремонтом паровозов и железнодорожных вагонов начали изготавливать артиллерийские снаряды, бронепоезда и бронетранспортеры. Чебоксарская лентоткацкая фабрика выпускала ружейные ремни, а также тесьму для противогазов и касок, палаточный и ботиночный

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 83. Л. 77.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3851. Л. 19.

шнур. Ружейным ремнем — ЛРТ-35 оснащалось все стрелковое оружие Красной Армии: винтовка Мосина, пистолет-пулемет Шпагина (ППШ, в просторечии — «папаша»), ручной пулемет Дегтярева (ДП).

Несмотря на значительное расширение Чебоксарской электростанции из-за увеличения промышленных предприятий, энергетическое хозяйство города являлось наиболее узким участком и лимитировало дальнейшее развитие промышленности. По решению СНК СССР приступили к строительству в г. Чебоксарах электростанции мощностью 8 — 10 тыс. кВт на местном топливе — торфе. Строительство должны были завершить в III квартале 1942 г., но в силу ряда причин первая очередь электростанции была пущена в эксплуатацию лишь 28 февраля 1944 г. мощностью в 2600 кВт⁹.

В этот день Чебоксарская Заволжская электростанция дала первый электрический ток для нужд промышленных предприятий г. Чебоксар, а с июля месяца она работала на полную мощность.

Е) Некоторые достижения. Одним из ярких примеров в подтверждение этого можно привести выполнение ГКО по строительству оборонительного Сурского рубежа и Казанского обвода, размах и величину объема этой работы с 25 октября 1941 г. по 20 января 1942 г. можно характеризовать следующими цифрами: протяженность рубежа составляла 380 км, вынута земли 4 897 000 кубометров, не считая построенных огневых точек, землянок и прочих работ. Ежедневно участвовало на работах в среднем 85 тыс. чел., в отдельные периоды эта цифра доходила до 110 тыс. чел., а всего затрачено на строительство 5 329 000 человеко-дней. Из общего количества работающих людей на строительстве 70 % составляли женщины¹⁰.

О темпах роста промышленности и численности занятых в ней рабочих, инженеров, техников, служащих с начала войны свидетельствуют следующие данные: в Чебоксарах на 1 июля 1941 г. в промышленных предприятиях работало 4,5 тыс. чел., на 1 января 1942 г. — уже 9,3 тыс. чел. К концу 1942 г., после освоения мощности эвакуированных заводов и пуска в эксплуатацию новых, численность рабочих, ИТР и служащих промышленности составила 20,4 тыс.¹¹

В здании Алатырской гармонной фабрики в августе 1941 г. был размещен арсенал № 5. Монтаж оборудования отдельных цехов был закончен в две недели. В течение августа—декабря арсенал освоил полный заводской ремонт вооружения. Годовой план выполнен на 108,2 %. Эти успехи являются результатом огромной творческой инициативы коллектива. Для выпуска сложного и очень важного фронту вооружения потребовался сжатый воздух до 150 атмосфер. Механик арсенала Нетунахин придумал трансформацию сжатого воздуха через нагнетающие приборы и получил до 160 атмосфер почти без каких-либо затрат. Благодаря этому вооружение вовремя было подано на фронт. Мастер Иванов сконструировал специальный станок для нанесения делений, который перекрывал производительность копировального станка примерно в 20 раз. Он же сконструировал один из видов нового оружия, который был принят на вооружение Красной Армии. Мастера Штырин и Фаль дали свои конструкции новых вооружений, которые арсеналом выпускались в большом количестве¹².

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3851. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 12 — 14.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Л. 22.

В конце 1941 г. вступил в строй Чебоксарский завод № 320 Наркомата боеприпасов. Завод имел большие производственные возможности, хороший коллектив рабочих, инженерно-технических работников, был неплохо оснащен технически¹³.

Работа лесной промышленности и леспромкооперации. Задание по заготовке лыж в количестве 48 тыс. пар выполнено на 101 %. За короткий промежуток времени дали Красной Армии 48 462 тыс. пар лыж. Задание на изготовление саней для Красной Армии в количестве 11 500 шт. было выполнено на 172 %. Задание на изготовление снегоступов в количестве 40 тыс. пар выполнено на 107 %, на изготовление черенков к саперным и пехотным лопаткам в количестве 300 тыс. шт. — на 101 %. Задание по дугам выполнено на 100 %. Кроме того, республика имела задание на заготовку и вывозку авиационных сосны, дуба, березы, ружейных болванок, артбрусков и др., идущих на оборону страны. Задания по всем этим важнейшим сортаментам также выполнены¹⁴.

Одним из основных направлений военной экономики являлся аграрный сектор. Колхозы республики имели главным образом зерновое направление, зерновые и зернобобовые культуры в структуре их посевов занимали доминирующее место. К примеру, в 1942 г. в Чувашской АССР они составили 86 % всех посевов, следующими по значению были картофель и конопля¹⁵.

Темпы проведения посевных работ (как озимых, так и яровых) замедлились и в колхозах Чувашской АССР. Так, осенью 1942 г. колхозы республики выполнили план по посеву озимых на 108,3 %, расширили озимый клин на 51,0 тыс. га, или на 23 % по сравнению с предыдущим 1941 г., но вследствие запаздывания со сроками посевов в отдельных районах (по данным Наркомзема, 3 района сеяли до 20 сентября) и неблагоприятными климатическими условиями озимые погибли на площади 25,7 тыс. га, или 10 % к фактически засеянной площади (в отдельных районах гибель озимых достигла 41 %, и это были, главным образом, поздние посевы) против 3,3 тыс. га в 1941 г.¹⁶ Медленные темпы сева имели место и осенью 1943 г. В оптимальные сроки, то есть до 28 августа, или, другими словами, в наиболее благоприятный период сева для прорастания семян, посеяно было лишь 47,1 % против 65,7 % в 1942 г. Плановые задания по севу озимых в 1943 г. были выполнены к 10 сентября, тогда как в 1942 г. — к 5 сентября, то есть значительная часть озимых (около 50 %) была посеяна в относительно поздние сроки¹⁷. В 1944 г. в отличие от предыдущих лет в республике озимый сев был проведен в лучшие агротехнические сроки: на 1 сентября было посеяно 87 % озимых вместо 72 % в 1943 г.¹⁸

Весенне-полевые работы проводились в срок. Так, даже в трудном 1943 г. колхозы республики завершили весенний сев на 12 дней раньше, чем в 1942 г., при этом перевыполнили план сева на 18,9 тыс. га¹⁹. План озимого сева в 1943 г. выполнили также на 101,4 %. Весной 1944 г. план ярового сева выполнили на 100,1 %, при этом, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 310. Оп. 1, подсчитано по: Д. 3450. Л. 7, 8, 11, 12.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 2002. Л. 26.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1492. Л. 204.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 2005. Л. 19.

¹⁹ Там же. Д. 2002. Л. 1, 2.

(весна выдалась холодная и затяжная), добились улучшения качества работ по сравнению с предыдущим 1943 г.²⁰ В 1944 г. колхозам республики также удалось добиться ускорения темпов проведения озимого сева: в оптимальные сроки (в период с 10 по 25 августа) было посеяно озимых 71,5 % вместо 47,1 % в 1943 г.²¹

Несмотря на трудности, досрочно выполнили свои обязательства перед государством за 1941 г. по зерну 618 колхозов и по картофелю 1236 колхозов²².

Животноводство. За 1941 г. в колхозах республики увеличилось поголовье стада: крупного рогатого скота — на 21,1 %, свиней — на 34,2 %, овец и коз — на 28 %. В 1941 г. вновь было организованы 231 свиноводческая ферма и 65 овцеводческих ферм. По данным 13 районов республики, удой за 1941 г. на фуражную корову увеличился на 205 л против 1940 г. Падеж телят сократился на 3,7 %, ягнят на 1,3 %, жеребят на 0,9 %²³. Поступило зерно из урожая 1940 г. — 6097 тыс. пудов, из урожая 1941 г. — 6496 тыс. пудов²⁴. Поступление молока в 1940 г. — 11869 т, в 1941 г. — 13262 т²⁵.

За годы войны в государственный фонд было сдано 7 млн пудов (112 тыс. т) зерна. Это больше, чем за четыре предвоенных года. Увеличилось поголовье скота, ежегодно выполнялись планы сдачи продуктов сельского хозяйства.

Таблица

Сдача продуктов сельского хозяйства по Чувашской АССР в 1940 — 1945 гг.*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Хлебопоставка, тыс. т	100	106	93	125	113	101
Хлебосдача, тыс. пудов**	6097	6496	5661	7649	6892	6161
Заготовка пшеницы, т		20 764	11 415	14 903	10 451	8459
Поставка ржи, т		58 894	57 202	58 500	51 955	29 774
Заготовка овса, т		19 087	12 844	32 328	39 572	53 340
Поставка ячменя, т		1327	1733	5021	4310	3874
Сдача проса, т		315	295	722	465	208
Поступление гороха, т		3823	5514	2055	1843	1830
Поставка чечевицы, т		662	590	378	173	66
Поступление полбы, т		360	815	2422	1718	1616
Поставка картофеля, т	49 664	38 570	46 475	35 407	42 407	34 140
Мясопоставка, т	8195	7952	7683	10 287	7269	9289
Поступление молока, т	11 869	13 262	13 148	11 571	9930	11 825

* Примечание. Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 65, 65а, 479, 683, 691, 749, 772, 773, 803, 814, 865, 865а, 881, 882, 929, 931, 935, 980, 982, 987, 1000, 1022а, 1032, 1068, 1069, 1081, 1082, 1108, 1116, 1126, 1128, 1131а, 1151а, 1242, 1307, 1308, 1318, 1321, 1341, 1384, 1441, 1443, 1447, 1534.

** Коэффициент пересчета: 1 пуд = 16,38 кг.

Война стала суровым и чрезвычайно тяжелым испытанием для всей аграрной сферы государства, включая машинно-тракторные станции (МТС). Экстремальные условия войны потребовали мобилизации всех ресурсов народного хозяйства, в том числе и сельского, на нужды фронта. В первый же месяц войны были изъяты из колхозов и МТС для отправки на фронт самые лучшие гусеничные

²⁰ Там же. Д. 2004. Л. 13 об.

²¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1936. Л. 256.

²² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 22. Д. 3851. Л. 2.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 865.

²⁵ Там же. Д. 931.

трактора и большая часть автомашин. Так, в первые полгода войны из Чувашии отправлено 150 гусеничных тракторов и 400 грузовых автомобилей (90 % всего автопарка). За весь период войны (с начала 1941 по конец 1944 г.) тракторный парк МТС Чувашии уменьшился с 1208 до 1123 ед., или на 7 %, грузовой автомобильный — с 128 до 64 ед., или на 50 %²⁶.

В сравнении с мирным довоенным периодом темпы проведения целого ряда сельскохозяйственных работ в Чувашской АССР также замедлились. В документах за 1942 г., в частности, констатировалось, что значительная часть озимых была посеяна по плохо подготовленной почве, свыше половины паров было поднято с опозданием и почти треть занятых паров была вспахана после начала озимого сева, в тех районах, где с опозданием проходила подготовка паровых полей, отмечена была наиболее низкая урожайность²⁷. С некоторым опозданием провели вспашку паров колхозы указанной республики и в 1943 г.: затянули проведение работ до середины июля, а отдельные колхозы — до начала августа, кроме того, по данным Наркомзема, в большинстве колхозов уход за парами был организован неудовлетворительно, большая часть паровых полей заросла сорняками и выглядела крайне неприглядно²⁸.

В хозяйствах же Чувашии посеы по весновспашке производились примерно на 50 %, и для военного времени это были очень неплохие показатели.

Плужная пахота в колхозах также не отвечала необходимым требованиям, причем нередко имели место просто вопиющие факты. Так, в колхозе им. И. В. Сталина Шемуршинского района подростки произвели вспашку, сидя верхом на лошади, с большими огрехами. Весенние полевые работы затянулись до 10 — 15 июня. При посеве использовались, главным образом, некондиционные семена, при этом целые прогалины в поле оставались незасеянными. В результате посеы оказались изреженными и были забиты сорняками, не было обнаружено всходов гороха на площади 28 га, вики — на площади 9 га, гречиха была скошена на сено, просо погибло совсем, в итоге средняя урожайность зерновых составила всего 3 ц²⁹.

Не отвечало необходимым требованиям и качество ручного сева: нормы сева нередко снижались, допускалась плохая заделка семян и другие нарушения. Так, в выступлении секретаря Порецкого райкома партии А.П. Рябова на очередном XIX пленуме Чувашского обкома ВКП(б) (июнь 1944 г.), говорилось: «В ряде колхозов семена разбрасывались по необработанной земле и не заделывались. Взять колхоз им. Горького, который был одним из лучших в районе в прошлом. По сводкам этот колхоз засеял озимых 225 га, а при проверке оказалось 65 га. Где остальные 160 га? Они совершенно не были посеяны, а семена были разворованы и, чтобы скрыть следы преступлений, делали очень просто: вспахали, края засеяли, а середину оставили совершенно пустой»³⁰.

Сроки внесения навоза также нарушались, в частности, во многих колхозах Чувашии они проводились с опозданием, что приводило к высыханию и потере ценных качеств удобрения³¹.

²⁶ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 90. Л. 160; Д. 1304. Л. 161.

²⁷ Там же. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1492. Л. 202.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 2004. Л. 19 об.

²⁹ Там же. Д. 2003. Л. 14 об.

³⁰ Там же. Д. 2004. Л. 52 об.

³¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1936. Л. 256.

Лучше была организована семеноводческая работа. В 1943 г. колхозам Чувашии удалось получить урожай с семенных участков в полтора-два раза больше, чем с общих посевов, вовремя убрать, произвести отдельный обмолот и своевременно засыпать семенные фонды. На 1 января 1944 г. план засыпки зерновых и бобовых в колхозах был выполнен на 77 %, картофеля — на 70 %³². В 1944 г. большинство колхозов республики добились улучшения работы по семеноводству: семенные участки на 90 % были посеяны сортовыми семенами, на 79 % по зяби³³.

Немало фактов нарушений севооборотов было и в колхозах Чувашской АССР. В документах тех лет обращалось внимание на то, что зерновые культуры в колхозах засеваются на одной и той же площади по 4 — 5 лет подряд, а то и больше, из года в год срываются в колхозах планы по посевам многолетних трав, удобрения под эти культуры не вносятся, колхозы уборку семенников проводят либо в поздние сроки, либо вообще не проводят³⁴.

В 1941 г. почти повсеместно в колхозах региона в связи с организационными и другими трудностями, вызванными перестройкой всей работы на военный лад, уборочные работы были проведены с опозданием, часть урожая осталась неубранной и ушла под снег. Однако уже в 1942 г. темпы проведения уборочных работ в регионе существенно ускорились. Так, в колхозах Чувашской АССР они практически приблизились к довоенному 1940 г., то есть если в 1940 г. на 25 августа было убрано 95,1 % колосовых, в 1941 г. — 55,7 %, то в 1942 г. — 82,4 %. В 1943 г. уже к 10 сентября была полностью завершена косовица хлебов. Возросла и доля машинной уборки: если в 1941 г. было убрано комбайнами и жатками 27 % всех колосовых, то в 1942 — 1943 гг. соответственно — 41 % и 33 %³⁵.

Большие потери происходили в процессе обмолота зерна, особенно при затягивании сроков обмолота и проведении его в зимних условиях, а также и нарушении технологии — цепями без развязывания снопов (по оценкам земельных органов до 50 г на сноп, или 100 кг на га), а также вследствие проявления бесхозяйственного и халатного отношения к колхозной собственности. К примеру, в колхозе «Красный Волгарь» Мариинско-Посадского района общие потери в силу разных причин при уборке и обмолоте составили 200 ц, в колхозе «Правда» Порецкого района из-за позднего скирдования рожь на площади 40 га была уничтожена мышами³⁶. Имели место и факты намеренного сокрытия зерна для использования его в последующем для пропитания в условиях голода. В выступлении председателя Совнаркома Чувашской АССР А. М. Матвеева на очередном пленуме обкома партии (ноябрь 1944 г.) отмечалось: «Большие потери хлебов происходят при молотье. В отдельных случаях при попустительстве самих руководителей и даже районных работников много зерна сознательно оставляется в снопах и мякине, чтобы потом распределять его среди колхозников»³⁷.

Как и следовало ожидать, наблюдалась определенная корреляция между обеспеченностью колхозов рабочей и тягловой силой и работой МТС, и снижением уровня агротехники и сокращением валового производства зерна и других культур в колхозах. Колхозы Чувашской АССР во время войны были лучше обес-

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 2002. Л. 41.

³³ Там же. Д. 2005. Л. 30 об.

³⁴ Там же. Д. 2003. Л. 15.

³⁵ Там же. Оп. 43. Д. 2518. Л. 23 — 25; Оп. 44. Д. 2002. Л. 24.

³⁶ Там же. Д. 2002. Л. 25.

³⁷ Там же. Д. 2005. Л. 17.

печены тягловыми ресурсами и рабочей силой, вследствие этого они допустили наименьшее снижение уровня агротехники, соответственно урожайность и валовые сборы зерна в них сократились в меньшей степени, чем в колхозах соседних Марийской и Мордовской АССР³⁸.

Завоз деталей заводского производства резко сократился и в Чувашской АССР: если до войны завозилось на 1500 тракторов одних только поршневых пальцев свыше 10 тыс. ед., большое количество шариковых и роликовых подшипников и много других деталей, то в годы войны в республику для удовлетворения нужд МТС стало поступать запасных частей в количестве примерно 10 — 12 % от потребностей³⁹.

В Чувашии, по данным на 20 марта 1942 г., были созданы 644 комсомольско-молодежные бригады по сбору запасных частей, которыми собрано порядка 30 тыс. запчастей на сумму 200 тыс. руб., также 60 т черного и более 100 кг цветного металла. Организованно, с участием большого количества молодежи прошел сбор деталей и металла в Красноармейской МТС (было создано 24 бригады, собрано порядка 3 тыс. деталей), в Мариинско-Посадской МТС 27 бригадами собрано 1950 запчастей, в Урмарской МТС силами 39 бригад было собрано более 2 тыс. запчастей⁴⁰, 6800 кг металла⁴¹.

Одновременно со сбором повсеместно на местах проводилась работа и по реставрации собранных запчастей и изготовлению новых деталей к тракторам и сельскохозяйственным машинам. Так, еще до начала весеннего сева в Чувашии из общего количества собранных деталей были использованы в ремонте около 6 тыс., отремонтированы главным образом силами молодежи 925 сеялок, 7241 плуг, 8518 борон, 782 комплекта сбруй. Всего по состоянию на 1 августа 1942 г., по данным только 38 МТС Чувашии, силами комсомольцев и несоюзной молодежи из собранных к тому времени свыше 61 тыс. запасных частей изготовлено свыше 7 тыс. и отреставрировано свыше 18 тыс. различных деталей⁴². МТС Чувашии план по реставрации выполнили на 118 %⁴³. Ежегодно требовалось для МТС Чувашии запасных частей в денежном выражении на 1600 тыс. руб., а на заводах, расположенных на территории республики, производилось тракторных и других деталей всего на сумму 320 тыс. руб.⁴⁴

Если 1940 год в Чувашской АССР с экономией топлива закончили 6 МТС, то 1941-й — уже 15; ими было сэкономлено горючего в 1941 г. на сумму 144,6 тыс. руб. вместо 72,0 тыс. руб. в 1940 г., или в два раза больше⁴⁵.

Приказ Наркомзема СССР об экономии обсуждался на совещании директоров и старших механиков МТС республики, а затем и на собрании бригадиров тракторных бригад и всех работников МТС с привлечением председателей колхозов районов. 15 работников Наркомзема были направлены в районы для проверки выполнения директивы на местах. Одновременно бюро обкома ВКП(б) на своих заседаниях стало проводить заслушивание отчетов директоров МТС. Так, в авгу-

³⁸ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 90. Л. 160; Д. 1304. Л. 161.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 2002. Л. 176.

⁴⁰ Там же. Ф. 112. Оп. 4. Д. 23. Л. 36.

⁴¹ Там же. Д. 32. Л. 24, 31.

⁴² Там же. Д. 23. Л. 58; Д. 32. Л. 24.

⁴³ Там же. Д. 32. Л. 124.

⁴⁴ Там же. Д. 262. Л. 450.

⁴⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2515. Л. 87.

сте—октябре 1942 г. были заслушаны отчеты директора и начальника политотдела Комсомольской МТС; директоров Первомайской и Ядринской МТС. За недостатки, выявленные в ходе проверок, в организации хранения и расходования топлива указанным лицам были объявлены выговоры, а заведующий нефтебазой Ядринской МТС был снят с работы и привлечен к судебной ответственности⁴⁶.

Важную роль в деле экономии сыграли и специальные контрольные посты, создаваемые в бригадах по решению ЦК ВЛКСМ. Активисты — члены постов — наделялись широкими полномочиями: имели право проверять накладные на отпуск горючего, хранение и транспортировку нефтепродуктов и т. д. По неполным данным, в 24 МТС Чувашии было создано 123 поста из 350 чел.⁴⁷ К примеру, хорошо была организована экономия горюче-смазочных материалов в Кувакинской МТС. Нефтебаза была окопана и обнесена забором, цистерны с горючим установлены на фундаменте, смазочные материалы хранились под навесом, нефтепродукты принимались и отпускались по весу, в бригадах было установлено круглосуточное дежурство, баки с горючим постоянно охранялись⁴⁸.

Значительной экономии добивались во время войны передовые тракторные бригады, которые не только показывали высокую выработку (как правило, планы работ выполнялись на 150, а порой и на все 200 %), но при этом еще и экономили горючее. Так, Яльчиковская МТС Чувашии на 1 октября 1942 г. выполнила годовой производственный план на 109,9 %, при этом сэкономила горючего на сумму 2898 руб. Экономии добились 43 из 98 работавших трактористов. В целях экономии в МТС максимально были сокращены холостые переезды, применялись уширители ободьев тракторов, работа на повышенных скоростях, агрегирование и т. д.⁴⁹ На 1 декабря 1942 г. МТС было сэкономлено горючего на сумму 64,8 тыс. руб., тогда как в 1941 г. на это же число было израсходовано на 100,8 тыс. руб., а в 1940 г. — на 383,8 тыс. руб. больше плана⁵⁰. В 1943 г. в республике закончили год с экономией в 59 т 15 МТС. В то же время 10 МТС потратили топлива на 145 т больше нормы, в итоге в целом МТС завершили год с перерасходом топлива в количестве 86 т на сумму 111 тыс. руб.⁵¹

В 1942 г. план ремонта техники был выполнен на 85,6 %. Большие усилия для своевременного проведения ремонтных работ в МТС были предприняты и в 1943 г.: только силами комсомольцев и несоюзной молодежи было собрано и отреставрировано старых запасных частей на сумму 61 тыс. руб., изготовлено новых деталей почти на 20 тыс. руб. В отстающие МТС для оказания им помощи в проведении ремонтных работ были направлены 38 квалифицированных мастеров токарного и слесарного дела и кузнецов из промышленных предприятий республики, 27 ремонтных рабочих из передовых МТС. План ремонта техники был выполнен на 96,2 %⁵².

В колхозах, сохранивших, несмотря на тяготы военного времени, достаточный уровень производства, экономическое стимулирование работы поддерживалось на удовлетворительном уровне.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 39. Л. 9, 9 об.

⁴⁷ Там же. Д. 23. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Д. 39. Л. 10.

⁴⁹ Там же. Л. 9 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2518. Л. 30.

⁵¹ Там же. Оп. 44. Д. 2002. Л. 173.

⁵² Там же. Ф. 112. Оп. 4. Д. 128. Л. 7, 10.

В апреле 1942 г. специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) был введен повышенный минимум трудодней для колхозников страны (в Чувашии — 120 трудодней). Впервые был установлен обязательный минимум для подростков в возрасте от 12 до 16 лет — не менее 50 трудодней. В дальнейшем соответствующим указом Президиума Верховного Совета СССР были определены меры наказания для колхозников, не выработывавших установленного минимума, — исправительно-трудовые работы в течение 6 месяцев с отчислением 25 % доходов в пользу колхоза и как крайняя мера — исключение из колхозов.

Одновременно на протяжении войны разрабатывались и принимались меры, направленные на совершенствование организации и оплаты труда в колхозах. В связи с этим шире применялись различные формы материального поощрения производительного труда колхозников. Однако реалии военного времени были таковы, что их применяли лишь в небольшом количестве хозяйств. В основной же массе общественных хозяйств выдача продукции сводилась к минимальной оплате начисленных трудодней, а нередко — лишь к авансированной выдаче продуктов во время проведения уборочных работ. Так, в 1943 г. дополнительная оплата труда была начислена в Чувашии лишь в 365 колхозах (21,8 %) ⁵³.

Напряженно трудились на полях и фермах колхозники Чувашии в годы войны. Республике дважды было присуждено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны: в 1942 г. за подъем животноводства и в 1943 г. за получение высоких урожаев зерновых культур и выполнение плана сдачи государству продуктов сельского хозяйства. В 1942 г. 160 колхозников были награждены значками «Отличник социалистического сельского хозяйства», 175 передовиков сельского хозяйства и лучших механизаторов МТС (в 1943 г. — 800) — Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. За ударный труд 159 передовиков сельскохозяйственного производства были награждены орденами и медалями СССР, свыше 100 тыс. чел. — медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Заключение

Рассмотрение темы военной экономики Чувашской республики в годы Великой Отечественной войны в материалах центральных архивов страны актуально. Требуется продолжение изучения этой проблемы в дальнейшем в соответствии с современными требованиями.

Военная промышленность Чувашской АССР в годы войны встретила с рядом проблем — передислокацией промышленности, началом производства военной продукции на предприятиях гражданского назначения. Но в итоге народы Чувашии смогли внести значительный вклад не только в победу на фронте, предоставив большое число военнослужащих, но также и добиться «победы» в тылу, которая была отмечена советским руководством.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 22.07.2025

Информация об авторе:

Серазетдинов Борис Уразбекович, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН
(117292, Россия, г. Москва, улица Дмитрия Ульянова, 19,
метро «Академическая»), кандидат исторических наук,

⁵³ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3456. Л. 79, 80.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-2769>, sbu54@bk.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 21.03.2025;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 22.07.2025

Information about the author:

Boris U. Serazetdinov, leading researcher at the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences (Akademicheskaya metro station, 19,
Dmitry Ulyanov Street, Moscow, Russia, 117292),
candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-2769>, sbu54@bk.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 21.03.2025 җитнѐ;
рецензиленѐ хыҗҗән 18.07.2025 ырланă; 22.07.2025 пичете йышăннă

Автор җинчен:

Серазетдинов Борис Уразбекович, РĀА Раҗҗей историйѐн институтчѐн
ăслăлăх ертўҗѐ ёҗтешѐ (Раҗҗей, 117292, Мускав хули, Дмитрий Ульянов ур., 19,
«Академи» метро), истори аслăлăхѐсен кандидачѐ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-2769>, sbu54@bk.ru

*Пайталăх конфликтѐ: автор пайталăх конфликтчѐ җуккине пѐлтерет.
Автор ал җырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.*

УДК 94(470.344)"19":341.344
ББК 63.3(2Рос.Чув)631,7

Научная статья

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1945 — 1949 ГОДАХ

Н. Б. Смирнова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия,
da777L@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании недавно рассекреченных материалов изучены особенности процесса следствия и судопроизводства над иностранными военнопленными и интернированными, осужденными по политическим мотивам на территории Чувашской АССР в 1945 — 1949 гг. Проанализирован состав данной категории лиц, выделены основные пункты обвинения, изучены мотивы привлечения к уголовной ответственности военнопленных и интернированных, состав преступлений, особенности ведения следствия и организации судебных процессов, определены сроки осуждения спецконтингента и охарактеризованы основные принципы проведения реабилитации.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, уголовная ответственность, статья 58, Чувашская АССР, судебное преследование

Для цитирования: Смирнова Н. Б. Привлечение к уголовной ответственности по политическим мотивам иностранных военнопленных и интернированных на территории Чувашии в 1945 — 1949 годах // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 96 — 113

© Смирнова Н. Б., 2025

Scientific article

CRIMINAL PROSECUTION FOR POLITICAL REASONS OF FOREIGN WAR PRISONERS AND THE INTERNEES ON THE TERRITORY OF CHUVASHIA IN 1945 — 1949

N. B. Smirnova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia,
da777L@yandex.ru

Abstract. The specifics of the investigation and trial of foreign war prisoners and the internees convicted on political reasons on the territory of the Chuvash ASSR during 1945 — 1949 have been studied based on recently declassified materials in this article. The composition of this category of persons has been analyzed, the main point charges have been highlighted, the prosecution motives of war prisoners and internees have been studied, the constituent elements of a crime, the specifics of conducting investigations and organizing trials, the terms of the special prisoners' conviction have been determined as well as the basic principles of rehabilitation have been described.

Keywords: war prisoners, the internees, criminal liability, article 58, Chuvash ASSR, prosecution.

For citation: Smirnova N. B. Criminal prosecution for political reasons of foreign war prisoners and the internees on the territory of Chuvashia in 1945 — 1949 // Modern humanities. 2025;1(3):96 — 113

Аслалӑх статийи

1945 — 1949 ÇУЛСЕНЧЕ ЧӐВАШ ЕН ТЕРРИТОРИЙӐНЧЕ ЮТ ÇӐР-ШЫВСЕН ÇЫННИСЕНЕ — ТЫТКӐНА ЛЕКНИСЕНЕ ТАТА ИРӐКСӐР ТЫТСА ЧАРНИСЕНЕ — ПОЛИТИКА СӐЛТАВӐПЕ УГОЛОВЛӐ ЯВАП ТЫТТАРНИ

Н. Б. Смирнова

ЧӐваш патшалӑх гуманитарӑ аслалӑхӑсен институтӑ,
Шупашкар хули, Раççей
da777L@yandex.ru

Аннотаци. Статья нумаях пулмасть усӑ курма ирӐк панӑ материалсене тӑпе хурса ЧӐваш АССРӑнче 1945 — 1949 çç. ют çӐр-шивсен политика сӐлтавӑпе айӑпланӑ çыннисене — тыткӑна лекнисене тата ирӐксӑр тытса чарнисене — следствипе суд тунин уйрӑмлӑхӑсене тӑпченӑ. Асанӑн ушкӑнри çынсен йышне тишкерӑ, айӑплавӑн тӑп пункчӑсене палӑртӑ, тыткӑна лекӑ тата ирӐксӑр тытса чарӑнӑ çынсене уголовлӑ яваплӑх тыттарнин сӐлтавӑсене, преступленисен йышне, следстви ирттернин уйрӑмлӑхӑсене тата суд ӑсене йӑркеленине тишкерӑ, спецконтингента айӑпласа явап тыттарнин срокӑсене палӑртӑ тата реабилитаци ирттернин тӑп принципӑсене хакланӑ.

Тӑп сӑмахсем: тыткӑна лекӑ çар çыннисем, ирӐксӑр тытса чарнисем, уголовлӑ яваплӑх, 58-мӑш статья, ЧӐваш АССРӑ, судла йӑрлени

Цитатӑлама: Смирнова Н. Б. 1945 — 1949 çулсенче ЧӐваш Ен территорийӑнче ют çӐр-шивсен çыннисене — тыткӑна лекнисене тата ирӐксӑр тытса чарнисене — политика сӐлтавӑпе уголовлӑ явап тыттарни // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 96 — 113

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью приложения целенаправленных усилий, ориентированных на защиту исторической правды, когда попытки фальсификации истории и манипулирование общественным сознанием с помощью новых технологий стали частью информационной войны. Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, «Россия чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Это конституционное положение направлено на противостояние попыткам пересмотреть роль СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах, представить советский народ в качестве народа-агрессора, принизить его значение в победе над гитлеровской Германией и ее сателлитами. Искажение исторических фактов подрывает государственные устои, так как ослабляет патриотические чувства молодежи, веру в справедливость, которые лежат в основе суверенитета государства [12, с. 13 — 14]. С этих позиций обращение к теме привлечения к судебной ответственности за контрреволюционные преступления на основании ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР иностранных военнопленных и интернированных¹ вполне обосновано.

Согласно Закону Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», в 1990 — 2000-е гг. активно проводился пересмотр уголовных дел советских и иностранных граждан, в том числе военнопленных и интернированных, осужденных по политическим мотивам. У род-

¹ Интернирование (от франц. *interner* — водворять на жительство) — в международном праве принудительное задержание одним воюющим государством граждан другого воюющего государства или нейтральным государством — военнослужащих воюющих сторон.

ственников появилась возможность больше узнать о судьбе своих близких во время отбывания наказания. Неоднократные обращения с данными запросами в различные инстанции — тому подтверждение. Выявление новой информации о судебном преследовании военнопленных и интернированных и ее объективный анализ имеют научную и практическую значимость.

Объектом нашего исследования являются военнопленные и интернированные граждане фашистской Германии и стран-сателлитов, находившиеся на территории Чувашии. Предмет исследования — особенности судебного преследования данного спецконтингента по политическим мотивам. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1945 по 1949 г. Нижний рубеж связан с тем, что в это время сеть учреждений НКВД (МВД) для содержания военнопленных и интернированных была развернута и активно функционировала. Кроме того, в республике уже имели место первые аресты спецконтингента по ст. 58. Выбор верхней границы обусловлен завершением репатриации и расформированием последнего учреждения МВД для содержания военнопленных и интернированных. В работе имеется отступление от указанных хронологических границ при рассмотрении дальнейших судеб арестованных и вопроса их реабилитации.

Материалы и методы

Источниковую основу статьи составляют документы, выявленные в фонде 57 Информационного центра МВД Чувашской Республики (ИЦ МВД ЧР) и в фонде Комитета государственной безопасности Чувашской АССР (КГБ Чувашии) (Ф. Р-2669) Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы следующие методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический и фактологический. Используя историко-генетический метод, были выявлены причинно-следственные связи в истории судебного преследования военнопленных и интернированных. Аналитический метод позволил более глубоко познать особенности следственного процесса и организации судопроизводства по обвинению спецконтингента в антисоветской деятельности. С помощью фактологического метода были конкретизированы отдельные положения исследования. Путем обобщения полученных результатов сформулированы выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Военный плен и интернирование являются неизбежным следствием вооруженных конфликтов. В период Великой Отечественной войны на территории СССР оказались более 4 млн пленных солдат и офицеров вермахта и около 700 тыс. интернированных гражданских лиц, перемещенных с захваченных территорий для трудового использования [13, с. 3]. Они содержались в лагерях и отдельных рабочих батальонах — специальных подразделениях численностью до 1000 чел., имевших собственное руководство и выполнявших самостоятельные производственные задачи. В результате успешных военных операций Красной Армии на советско-германском фронте число военнопленных и интернированных резко возросло, росла и численность учреждений НКВД (МВД) для их содержания. Они активно стали формироваться в отдаленных от боевых действий регионах страны. Так, в Чувашии начиная с 1945 г. была развернута сеть лагерей и рабочих батальонов. На ее территории функционировали Чебоксарский лагерь № 509 и Алатырский лагерь № 463, отдельные рабочие батальоны № 369, 1101, 1102 и 1115. Местами дислокации последних были города Алатырь, Чебоксары и Канаш.

В с. Беловолжское, в 1,7 км к юго-западу от пос. Козловка, действовал спецгоспиталь № 3064. В последний год войны и послевоенный период в учреждениях НКВД (МВД) Чувашии находилось около 5 тыс. иностранных военнопленных и интернированных².

В отечественной историографии история военного плена и интернирования изучена по многим аспектам. Исследователями был проведен значительный объем работы. Сформировались региональные научные центры — Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Чита, Ярославль, Красноярск и др. [13, с. 4]. Тем не менее практика осуждения данного спецконтингента по политическим мотивам не была предметом специального анализа до 1990-х гг., когда стало возможным использование ранее закрытых источников.

Одним из первых российских исследователей обратился к данной проблеме В. П. Галицкий, который, в частности, подсчитал количество военнопленных и интернированных, осужденных в СССР по ст. 58 [1]. А. А. Крупеников на основе анализа источников пришел к выводу, что на практику судебного преследования по отношению к спецконтингенту могли оказать влияние как начавшаяся «холодная война», так и нежелание отпускать из страны «враждебных и нелояльных к советскому строю немцев» [6]. А. Е. Епифанов изучил организацию и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию военнопленных [2; 3]. Т. А. Щелокаева исследовала правовой статус иностранных военнопленных и интернированных в СССР и вопрос об их уголовной ответственности за совершенные на советской территории преступления³. Заметный вклад в изучение данной проблемы внес В. Б. Конасов [4]. Ему удалось собрать значительный фактический материал, на основе которого были рассмотрены подготовка и проведение судебных процессов и статистические данные о репрессивной политике по отношению к немецким военнопленным. В. Б. Конасов и А. Л. Кузьминых отмечают, что исследователь Н. В. Петров в своей статье «Немецкие военнопленные в руках сталинской юстиции» (на немецком языке) сделал обоснованный вывод, что ответственность за политические преступления была более суровой, чем за уголовные, например, кражи, хулиганство и т. д. Он относит ст. 58 к одним из частых оснований, которые позволяли осуществлять судебное преследование военнопленных. Автор также выделил три основных этапа репрессивной политики по отношению к спецконтингенту: открытые судебные процессы 1943 — 1947 гг. и практика первых закрытых процессов; промежуточный этап (с начала 1948 по октябрь 1949 г.); завершающий этап (ноябрь 1949 — март 1953 г.) — массовые закрытые судебные процессы [5, с. 38 — 39]. А. Л. Кузьминых проанализировал особенности проведения судебных процессов над иностранными военнопленными, в том числе по политическим мотивам, с конкретными примерами [7, с. 385 — 386; 8, с. 370 — 381].

Вопросы реабилитации спецконтингента также нашли отражение в ряде работ. Например, В. П. Мотревич изучил особенности реабилитационного процесса в 1990-е гг. По его мнению, в этот период положительное решение о реабилитации и признании военнопленных жертвами политических репрессий часто

² Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР: состав, размещение, трудовое использование: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. С. 97, 102, 109, 117, 120.

³ Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР: 1939 — 1956: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 194 с.

принималось из-за нарушения правовых норм при их осуждении в 1940-е гг. [10, с. 331]. Особенности восстановления прав и свобод осужденных немецких военнопленных, отраженные в международном и российском законодательстве, проследили А. Г. Петров и О. В. Петрова [11].

Рассматриваемая тема затрагивается исследователями и на региональном уровне, что позволяет составить более точное представление о привлечении к уголовной ответственности спецконтингента на местах. Например, следует отметить публикации историка Н. В. Суржиковой [14; 15, с. 36 — 37]. Изучив особенности преследования по политическим мотивам спецконтингента на Среднем Урале, она не исключает вероятности осуждения наряду с виновными военнопленных и интернированных, непричастных к преступлениям [15, с. 38]. В Чувашии данный вопрос историками практически не разрабатывался в связи с закрытием доступа к соответствующим архивным документам. Определенный фактический материал имеется в диссертационном исследовании автора данной статьи⁴.

Правовой статус военнопленных в основном регулировался Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг. и Женевскими конвенциями 1929 и 1949 гг., Положением о военнопленных 1941 г. и международными договорами. Положение интернированных не было четко определено в нормативных актах, тем не менее они содержались в аналогичных с военнопленными условиях. Впоследствии их объединило то, что в дальнейшем к данным категориям лиц стало осуществляться судебное преследование по обвинению в совершении различных преступлений. Широко применялось и осуждение по политическим мотивам на основании ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР. В данном случае не имелось противоречия международным правовым нормам. Гаагская 1907 г. и Женевские конвенции вполне допускали возможность привлечения военнопленных к суду по нормам национального законодательства и отбывание наказания на территории другого государства⁵. Кроме того, это определялось универсальным принципом уголовного права: иностранный гражданин, совершивший преступление на территории другого государства, несет ответственность по законам и перед судом того государства⁶.

По данным В. П. Галицкого, к уголовной ответственности по ст. 58 в СССР было привлечено более 7 тыс. иностранных военнопленных и интернированных. Из них в 1955 г., к моменту освобождения, в местах заключения находились 6407 чел. из 6 стран [1, с. 6]. В данную статистику не входят подследственные. Они арестовывались по подозрению в совершении преступления, но по каким-либо причинам не были осуждены, так как следственным органам не удалось собрать достаточно доказательной базы. В ГИА ЧР имеется список осужденных и подследственных военнопленных и интернированных, в котором насчитывается 25 чел.⁷ По социальному происхождению они были в основном из рабочих и крестьян (бауэров), в том числе зажиточных (гроссбуэров), в большинстве имели среднее образование. Возрастной состав военнопленных

⁴ Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР: состав, размещение, трудовое использование. С. 123.

⁵ Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 31.

⁶ Там же.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3520. Л. 103.

и интернированных начинается с 1907 года рождения и заканчивается 1928 г. По национальности преобладали немцы. Военнопленными, осужденными по политическим мотивам, были только мужчины, а среди интернированных лиц большинство составляли женщины из Восточной Пруссии. Военнопленные были солдатами вермахта, но среди них имелась особая категория: немцы — уроженцы временно оккупированных территорий СССР (в частности, Украины). По мере приближения Красной Армии к данным районам немецкие войска отступали и постепенно выходили за пределы границ Советского Союза. Воспользовавшись этим, советские немцы присоединялись к ним. Приняв немецкое гражданство и дав присягу на верность Гитлеру, эти немцы стали служить в вермахте и участвовать в военных действиях против СССР. Согласно советскому законодательству, они также имели статус военнопленных в отличие от лиц с советским гражданством, которые именовались как репатрианты.

С первых дней функционирования лагерей и отдельных рабочих батальонов в них активно велась оперативная работа по выявлению военных преступников. Оперуполномоченными учреждений НКВД (МВД) интенсивно налаживались контакты со спецконтингентом с целью вербовки осведомителей. Некоторые из них соглашались на сотрудничество в обмен на различные поощрения. Их подлинные имена зашифровывались под различными псевдонимами. Например, среди контингента отдельного рабочего батальона № 1102, дислоцированного в г. Канаш, фигурировали такие источники информации, как «Регель», «Лазарет», «Пох», «Иоганн», «Шмих», «Краузе», «Михальски»⁸. Благодаря их деятельности осуществлялся сбор сведений на того или иного подозреваемого и формировалась первичная компрометирующая база. Например, источник «Лазарет» обвиняет в саботаже и вредительстве на Канашском вагоноремонтном заводе интернированного отдельного рабочего батальона № 1102 Вилли Мельхера. Источник «Регель» сообщает об угрозах немки Эрмагд Эртман из указанного подразделения на данном предприятии вывести из строя сверлильный станок⁹. Если факты антисоветской деятельности находились неоднократно, определялся круг подозреваемых, в отношении которых проводилось предварительное следствие с использованием свидетельских показаний.

В Чувашии судебное преследование по политическим мотивам иностранных военнопленных и интернированных велось в основном в послевоенные годы. Первые аресты спецконтингента фиксируются в конце 1945 г., последние — в 1949 г. Пик пришелся на 1947 г., когда было арестовано 12 чел. В 1948 — 1949 гг. происходит снижение динамики арестов. Возможно, это было связано с тем, что военнопленные и интернированные стали более осторожными в высказываниях и действиях. Аресты производились на основании постановления и санкционировались прокурором Чувашской АССР. Как правило, они осуществлялись на следующий день после оформления постановления. Были и исключения: процедура ареста могла быть произведена и через несколько дней. Основные пункты обвинения военнопленных в республике следующие: ст. 58, п. 10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений; ст. 58, п. 1а — измена Родине (в отношении советских немцев, перешедших на

⁸ ИЦ МВД ЧР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 — 4.

⁹ Там же. Л. 2, 3.

службу в вермахт и получивших немецкое гражданство). Обвинение большинству интернированных граждан также выдвигалось за антисоветскую агитацию. Некоторые из них обвинялись по ст. 58, п. 14 — в контрреволюционном саботаже, то есть сознательном неисполнении определенных обязанностей или умышленно небрежном их исполнении с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. В стране, давно провозгласившей победу социалистической революции, широкое хождение определения «контрреволюционный» обнажало не только превратности процессов категоризации, но и деградацию юридической культуры, которой была навязана альтернатива недопустимого упрощенчества и стандартизации ее системообразующих компонентов. Вполне очевидно, что к концу 1940-х гг. смысл понятия «контрреволюционные преступления» в сравнении с 1920-ми гг. не просто значительно изменился, в какой-то момент его смыслов стало слишком много, в результате чего термин «контрреволюционный» утратил всякую рамку, перестав быть термином [15, с. 36].

По мнению Н. В. Суржиковой, к военнопленным и интернированным применялся принцип «презумпции виновности». Обвиняемые изначально считались виновными, пока им не удавалось доказать отсутствие вины, что, по версии исследователей, было обусловлено подозрительным отношением к ним как иностранным гражданам [1, с. 4]. Данная позиция способствовала упрощению вынесения обвинительного приговора. Что касается состава преступлений, то он мог быть различным. Военнопленным ставилось в несомненную вину то, что они служили в немецкой армии и принимали участие в боях против советских войск. В качестве отягчающего обстоятельства выступало и воспитание в нацистском духе, которое подразумевало враждебное отношение к Советскому Союзу¹⁰. Интернированные также считались виновными из-за их воспитания в ненависти к Советскому Союзу, членства в нацистских организациях и оказания любой помощи солдатам вермахта до прибытия в Советский Союз. Например, интернированная отдельного рабочего батальона № 1101 Марта Брайтмуз была обвинена в том, что, находясь в Восточной Пруссии, участвовала в сборе теплых вещей и денег для немецкой армии и уничтожала советские листовки, которые сбрасывались с самолетов¹¹. Таким образом, преступление, совершенное до захвата в плен или интернирования, фиксировалось в материалах уголовного дела. Например, у интернированной Кристель Кригер из рабочего батальона № 1115 датами совершения преступления обозначены 1941 — 1946 гг.

Применительно к ст. 58, п. 10 обвинение могло трактоваться весьма широко. Оно могло включать в себя антисоветские высказывания, террористические намерения в адрес политических деятелей и администрации лагерей. Также обвинению способствовали высказывания относительно евреев и представителей других национальностей, разговоры о возможной перспективе будущей войны между СССР и США, недовольство результатами Нюрнбергского процесса. Преследование по политическим мотивам военнопленных велось и по обвинению в составлении провокационных лозунгов, в различных действиях, направленных на формирование ненависти к советскому строю, в восхвалении гитлеровского режима и др. Особенно это хорошо заметно на примере группового дела военнопленных Алатырского лагеря № 463 Генриха Клейна, Рудольфа Шенау и Вилли

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 3520. Л. 7 об.

Августа Байера. Они были командирами рабочего батальона, роты и взвода¹² лагеря соответственно и осуждены в 1947 г. Так, Г. Клейн обвинялся в том, что часто позволял себе высказывания против евреев и других национальностей, в частности, говорил, что руководящие посты в лагере должны занять только немцы, а не евреи, и они обязаны подавлять еврейскую национальность, так как являются более культурной нацией¹³.

В материалах уголовного дела был зафиксирован и такой случай. Осенью 1946 г. в лагере готовился митинг военнопленных, посвященный обсуждению приговора Нюрнбергского процесса. На нем должна была быть принята резолюция, подготовленная антифашистским активом. Г. Клейн собрал командиров рот и заявил: «Этот митинг мы должны сорвать. Нюрнбергский процесс и создание правительства Германии есть дело самих немцев, а не дело других наций, особенно евреев. Мы по-своему должны обсудить этот приговор с немцами». Однако митинг сорвать не удалось, так как другие пленные были против этого¹⁴. Относительно советского народа имели место высказывания о его некультурности и отсталости от немецкого, о низкооплачиваемом труде и плохом материальном положении советских граждан¹⁵.

Среди контингента лагеря имело место жестокое обращение военнопленных, получивших определенную власть, с другими обитателями данного учреждения МВД. Несмотря на то, что они находились в руках советской пенитенциарной системы, многие не поддавались перевоспитанию, оставаясь убежденными нацистами, и применяли гитлеровские методы воздействия. Так, пользуясь тем, что в лагере часто наблюдались невыполнение производственных норм и воровство, Г. Клейн как командир батальона в начале декабря 1946 г. собрал командиров рот и взводов и объявил, что нужно вести беспощадную борьбу с симулянтами, саботажниками и теми, кто не выполняет производственные нормы и нарушает дисциплину. Также он сделал провокационное заявление: «С сегодняшнего дня у нас в лагере должен быть другой режим. Нужно все меры принять к тому, чтобы не было нарушений, в крайнем случае, военнопленных надо бить — это разрешили офицеры, руководство лагеря»¹⁶. В действительности же такого разрешения не было. В результате командиры рот и взводов, уверенные в полной безнаказанности, систематически практиковали избиение подчиненных за различные проступки. Например, один немец украл личные вещи у другого военнопленного. Г. Клейн собрал контингент барака и в присутствии всех повесил виновнику кражи на шею вывеску с надписью «Я украл» на немецком языке, после чего данный пленный был избит¹⁷. Кроме того, в декабре 1946 г. и январе 1947 г. по

---

¹² Подразделения, создававшиеся согласно приказу НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. в целях укрепления лагерной дисциплины и повышения качества работы. Они вводились вместо бригадной системы организации труда и формировались в основном по национальному признаку. Обычно их командирами назначались военнопленные из офицеров и унтер-офицеров, пользовавшиеся доверием лагерного начальства. Батальон насчитывал 600 — 700 чел., рота — 150 — 160 чел., взвод — около 40 чел.

¹³ Например, за антифашистскую работу в лагере отвечал военнопленный венгерский еврей Йозеф Сегеди, а командиром отделения № 2 Алатырского лагеря был майор Г. Ф. Юденков, тоже по национальности еврей (ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 50).

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 60 об.

¹⁵ Там же. Л. 195 об.

¹⁶ Там же. Л. 66 об.

¹⁷ Там же. Л. 55 об.

личному указанию Г. Клейна по 5 — 6 чел. из контингента ежедневно работали до 12 часов ночи. Военнопленные убрали и вывозили снег из лагерной зоны, чистили уборные, кололи дрова, таскали воду на кухню и т. д.¹⁸ Приказ об использовании тех или иных людей на ночных работах Г. Клейн отдавал через дежурного по батальону. После напряженного рабочего дня ночной труд резко негативно отражался на физическом состоянии пленных. Проработав до полуночи, они могли спать только до 5 часов утра, а с 7 часов должны были работать целый день на открытом воздухе. Таким образом, не отдохнув должным образом ночью, военнопленные не могли выполнять дневную нагрузку и получали пониженную норму питания, например, вместо супа им давали хлеб и бульон. Некоторые привлекались к работе по ночам очень часто. В условиях зимних холодов их организм истощался, люди теряли работоспособность, длительное время находились на лечении в лазарете. Так, военнопленный Гензе Вернер Эрнст был госпитализирован 17 января 1947 г., а выздоровление наступило 7 мая 1947 г.¹⁹ Впоследствии он дал подробные свидетельские показания о преступной деятельности Г. Клейна. В результате подобных действий у контингента, как отмечается в документе, сформировалась «враждебность к руководству лагеря и Советскому Союзу»²⁰.

В конце августа 1946 г. судетские немцы лагеря решили направить ходатайство советскому правительству, чтобы ускорить репатриацию. Они мотивировали это тем, что после окончания войны являются гражданами Чехословакии, а не Германии. В присутствии ряда свидетелей Г. Клейн угрожал им мстостью за измену Германии и Гитлеру. В результате его угроз план досрочного возвращения судетских немцев на родину сорвался. Относительно будущей войны Г. Клейн заявлял, что будет воевать в качестве летчика на стороне США и Англии против СССР²¹.

В связи с невозможностью открыто выразить антисоветскую позицию, некоторые военнопленные использовали более изощренные методы. Например, командир рабочей роты Алатырского лагеря № 463 Рудольф Шенау обвинялся в составлении провокационных лозунгов. Во время подготовки к празднованию 29-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, используя свое служебное положение как командира роты, он составил собственные лозунги и заставил лагерного художника написать их на досках. Содержание лозунгов было следующим: «Да здравствует Красная Октябрьская революция!»; «Сталин — освободитель рабочих и крестьян!»; «Сталин разгромил фашизм!»; «Маркс и Энгельс — создатели социализма!»; «Тельман — жертва фашизма, борец за социализм!»; «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Да здравствует Красная Армия — гарантия мира для всех народов!»²². Первый и последний из них оказались с двойным смыслом. Согласно показаниям свидетелей, Р. Шенау так объяснял текст, в частности, первого лозунга: «...Своим лозунгом “Да здравствует Красная Октябрьская революция!” я хотел показать военнопленным немцам, что эта революция нужна красным, т. е. большевикам, и ничего общего не имеет с немецким народом. Но должен сказать, что русские свою революцию хотят распространить на весь мир, хотя и вычеркивают слова “Красная революция”»²³.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 67.

¹⁹ Там же. Л. 68 об.

²⁰ Там же. Л. 69.

²¹ Там же. Л. 106 об.

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же. Л. 12.

Ответственному за антифашистскую работу Алатырского лагеря военнопленному Йозефу Сегеди лозунги Р. Шенау показались подозрительными, так как они не были официальными, и он потребовал их убрать, что было сделано. Однако Р. Шенау на этом не остановился. В период подготовки лагерной стенгазеты он дал указание художнику написать в ней лозунг «Красная Армия — гарантия мира для всех народов!». В управлении лагеря ему велено было исправить «Красная Армия» на «Советская армия». Вернувшись в лагерь, он заявил в присутствии свидетелей, что ему «надоело вести антифашистскую работу такого содержания, какое предлагают русские»²⁴.

Кроме того, Р. Шенау обвинялся в участии в издевательствах над пленными и направлении их на ночные работы. Поводов для этого находилось довольно много. Значительную роль играла личная неприязнь. Так, в роте, возглавляемой Р. Шенау, был военнопленный Эдуард Коун, который однажды сказал, что до войны часто встречал его в берлинском ресторане. После этого разговора Р. Шенау стал его постоянно притеснять: ставил на самые тяжелые работы, запрещал курить, после работы на морозе не разрешал греться вместе с остальными. В результате тот не выдержал и решился на побег. Скорее всего, он искал смерть, так как вероятность погибнуть от пули охранника была выше, чем убежать. Именно так все и произошло²⁵. От руки Р. Шенау погиб военнопленный, который трудился на строительстве гаража «Алатырстроя». Сначала он работал хорошо, но из-за тяжелых земляных работ ослаб и сказал Р. Шенау, что не может работать. В ответ он ударил его несколько раз кулаком по голове, после чего тот упал. Пленного перенесли в стационар, где на следующий день он умер²⁶.

Состав преступления В. А. Байера заключался в основном в высказываниях различного толка относительно советских офицеров и немецких коммунистов, возможности новой войны против Советского Союза и восхвалении гитлеровского режима. Например, согласно материалам дела, он говорил: «Было бы очень хорошо, если бы Германия выиграла войну. Мы, немцы, были бы господами, приказывали, а остальные народы Европы работали бы на нас». Также он восхвалял газовые камеры, называя их замечательным способом уничтожения людей²⁷.

Военнопленные Алатырского лагеря имели возможность выезжать в командировки в Чебоксары и навещать интернированных немцев в рабочем батальоне № 1101, вести переписку. В октябре 1946 г. военнопленные получили письмо от этих женщин, где они писали о плохом питании, о множестве клопов и вшей в бараках и тяжелой работе на производстве. После прочтения письма В. А. Байер в присутствии свидетелей заявил о желании уничтожить советских офицеров из охраны рабочего батальона, чтобы они не издевались над его соотечественницами²⁸.

Военнопленные Чебоксарского лагеря № 509 Фердинанд Соллер и Герберт Трестер, будучи на оккупированной немецкими войсками территории, приняли присягу на верность Гитлеру и добровольно вступили в дивизию «Бранденбург», участвовали в боях против югославских партизан²⁹. В 1945 г., на момент плене-

²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 16, 68 об.

²⁶ Там же. Л. 206 об.

²⁷ Там же. Л. 113 об.

²⁸ Там же. Л. 129.

²⁹ «Бранденбург» — специальное формирование германских вооруженных сил, созданное в 1940 г. на основе батальона особого назначения.

ния, они находились в Восточной Пруссии в составе моторизованной дивизии «Великая Германия» и воевали против Красной Армии. Советский немец Рафаил Штурн в марте 1944 г. с отступавшими солдатами вермахта переместился в Германию, где принял немецкое гражданство³⁰.

Что касается интернированных, то они в основном обвинялись в намеренном срыве производственного задания различными методами — призывами не выходить на работу, выводом из строя оборудования, симуляцией какого-либо заболевания. К уголовной ответственности по ст. 58 привлекали наиболее злостных нарушителей рабочего режима. Например, призывая не выходить на работу, интернированная рабочего батальона № 1101 Хедвиг Хених говорила: «Зачем нам здесь работать на такой тяжелой работе? Все сдохнем от такой работы, и домой нам никогда не придется вернуться, лучше надо бросать всем сразу работать, и тогда нас отпустят домой скорее»³¹. Х. Хених совместно с М. Брайтмуз высказывали бригадиру, что ничего, кроме вреда, от работы на русских нет, и работать они не будут. Во время погрузки торфа они призывали других немцев коллективно бросать работу и тормозить выполнение дневной нормы, что сами систематически и делали. Интернированная К. Кригер из рабочего батальона № 1115 на заводе № 654 (ныне Чебоксарский электроаппаратный завод) отказывалась от работы, уходила из цеха и заставляла это делать других. Кроме того, она пыталась повредить мотор пилорамы³².

Гейнц Фриц Дамс из указанного подразделения проводил агитацию за срыв производственного задания по погрузке торфа на Заволжском торфопредприятии. Так, 6 декабря 1948 г. во время погрузки торфа один вагон сошел с рельсов. Его необходимо было поднять и продолжить работу, однако Г. Ф. Дамс отказался и призвал остальных интернированных вернуться в зону батальона: «Зачем нам так поздно работать? Если мы приступим к работе, то это может протянуться до 11 часов ночи. Давайте бросим работать и пойдем домой»³³. В результате две бригады ушли, оставив недогруженными четыре вагона, что создало угрозу срыва снабжения топливом Заволжской электростанции. В июле — августе 1949 г. Г. Ф. Дамс систематически призывал не работать на Советский Союз: «От того, что мы усердно работаем, нам никакой пользы нет, надо меньше работать на русских»³⁴. Он пытался остановить машину по торфодобыче путем отвинчивания гайки от ролика, умышленно перегружал пресс излишней массой торфа, постоянно игнорировал распоряжения командования батальона, техников и бригадиров³⁵.

В качестве обвинения интернированных по политическим мотивам могли быть выдвинуты высказывания различного характера. Например, против Гельды Венцель из рабочего батальона № 1115 были использованы ее слова о том, что надо сжечь жилые бараки, чтобы быстрее выпустили на свободу. 27 августа 1946 г. она нелестно высказалась в адрес коммунистов: «Коммунисты — это собаки, фальшивые люди, обещают много, а на деле не выполняют, обманым путем существуют»³⁶. Среди интернированных также имели место случаи

³⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 5127. Л. 12.

³¹ Там же. Д. 3520. Л. 14 об.

³² Там же. Д. 3666. Л. 7 об.

³³ Там же. Д. 4785. Л. 24.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же. Д. 3520. Л. 9.

восхваления Гитлера и нацистского режима. Например, М. Брайтмуз говорила: «Гитлер был умным, хорошим человеком, в Германии при гитлеризме было всего вдоволь и немцы не знали никакого горя»³⁷.

При анализе архивно-следственных дел военнопленных и интернированных обращает на себя внимание малочисленность компрометирующих документов и отсутствие в них материалов предварительного расследования, хотя в постановлениях на арест имеются ссылки на показания свидетелей. Инициативным документом для возбуждения уголовного дела обычно служило постановление на арест. Если подследственные отказывались от показаний, то они могли быть оправданы за недостаточностью улик. Поэтому для следователей представлялось весьма важным найти как можно больше компрометирующей информации об обвиняемых. В целях поиска вещественных доказательств обязательно производился обыск, не всегда имевший успех. В основном находили только личные вещи: письма, фотографии, предметы быта. Значительное внимание уделялось проведению очных ставок и сбору показаний свидетелей. Допросы последних отличались особой тщательностью и длились в течение нескольких часов. Соответствующие протоколы обычно занимали до 50 % уголовного дела. Тем не менее это не всегда помогало добиться признания вины. Например, во время очной ставки 16 мая 1947 г. военнопленный Г. Клейн вел себя вызывающе, отказался отвечать на вопросы следователя и не подписал протокол. В результате был отправлен в карцер на трое суток³⁸. 20 июня 1947 г. он не только отказался от прежних показаний, но и не хотел давать новые и поставить подпись в протоколе. Согласно постановлению оперуполномоченного оперативной группы лагерного отделения № 2 Алатырского лагеря Г. Клейн был отправлен в карцер на пять суток³⁹. Кроме того, за отказ от дачи показаний обвиняемых в отдельных случаях могли привлечь к уголовной ответственности по ст. 92. То, что показания свидетелей не всегда выручали следствие, видно из следующего примера. Военнопленных Г. Клейна и В. А. Байера пытались обвинить в краже 15 кг ячневой крупы, которая якобы имела место в конце января 1947 г. Однако данное обвинение не удалось предъявить арестованным из-за отсутствия веских доказательств. Оно было основано «только на предположении, не установлено ни место пропажи крупы, ни ее количество, она не была изъята при обыске»⁴⁰. Заявление о пропаже крупы от материально ответственного лица, как выяснилось, также не поступало.

Анализ архивных материалов показывает, что после ареста обвиняемых следствие могло вестись от нескольких дней до нескольких месяцев, в течение которых они содержались в Алатырской тюрьме № 3 и Чебоксарской тюрьме № 1. Допросы арестованных производились в присутствии переводчика и продолжались до нескольких часов, в начале которых их предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95. У спецконтингента было право выбора языка (русский или немецкий), на котором будет проходить беседа.

После завершения расследования составлялся протокол об окончании следствия. Затем оформлялось обвинительное заключение, в котором перечислялись факты преступной деятельности, и назначалась дата проведения судебного засе-

³⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3520. Л. 27.

³⁸ Там же. Д. 3484. Л. 58.

³⁹ Там же. Л. 22.

⁴⁰ Там же. Л. 223.

дания. Они проводились судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Чувашской АССР в Алатырском и Чебоксарском народных судах и имели закрытый характер. Накануне судебного процесса составлялся список лиц, которым необходимо было явиться на него: обвиняемые и свидетели (как правило, со стороны обвинения). В качестве последних могли выступать не только другие военнопленные и интернированные, но и советские граждане. Свидетели обычно подписывались в том, что не будут давать ложные показания. Перед дачей показаний они говорили, что не имеют личных счетов и родственных отношений с подсудимыми. Обвиняемые имели право на адвоката, но некоторые отказывались от его услуг. Например, военнопленные Г. Клейн, В. А. Байер и Р. Шенау написали записку с отказом от защиты⁴¹. В конце заседания подсудимым давали последнее слово, после чего объявлялся приговор, текст которого затем переводили на немецкий язык. Обвиняемые давали расписку, что данная процедура действительно была проведена.

Что касается советских немцев, служивших в вермахте и принявших гражданство Германии, то суд над ними проходил на закрытых заседаниях военного трибунала Приволжского военного округа. В его состав обычно входили председатель и два члена суда, адвокат и свидетели отсутствовали⁴². Судебное заседание длилось не более двух часов.

Изученные нами документы позволяют констатировать, что подсудимые не всегда признавали себя виновными, ссылаясь на различные обстоятельства. Например, военнопленный Алатырского лагеря № 463 Йозеф Теодор Эмонс отрицал обвинение в антисоветской агитации, утверждая, что позволял себе подобные высказывания под влиянием тяжелых условий плена, из-за трудностей с питанием, слухов о плохом положении семей военнопленных и вероятности новой войны⁴³. Интернированная К. Кригер свои действия объясняла недовольством пребыванием в неволе даже по окончании войны⁴⁴. Интернированная рабочего батальона № 1101 Г. Венцель намерения сжечь бараки называла шуткой⁴⁵. Интернированный подразделения № 1115 Г. Ф. Дамс пытался оправдаться тем, что преступление совершил в связи с молодым возрастом (на момент осуждения ему было 22 года). Многие военнопленные и интернированные объясняли свои незаконные действия тем, что, не всегда разбираясь в тонкостях советского права, не могли представить в полной мере тяжесть совершенных ими деяний, впоследствии квалифицированных как «государственное преступление».

В зависимости от характера обвинения и степени наличия доказательной базы сроки заключения могли быть от 5 до 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без нее. К советским немцам, служившим в вермахте и принявшим гражданство Германии, применялось также поражение в правах. Они могли быть приговорены к расстрелу, но при смягчающих обстоятельствах данным военнопленным назначалось наказание в виде 10 лет лишения свободы. Военнопленные и интернированные в течение 72 часов после вручения копии приговора имели право подать кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР

⁴¹ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3484. Л. 236.

⁴² Там же. Д. 5127. Л. 61.

⁴³ Там же. Д. 3920. Л. 54.

⁴⁴ Там же. Д. 3666. Л. 18 об.

⁴⁵ Там же. Д. 3520. Л. 33.

с изложением аргументов, которые могли бы способствовать изменению приговора. Некоторые этим воспользовались. Однако не всегда получалось отправить ее в срок. Например, в августе 1947 г. в Алатыре не было возможности своевременно перевести жалобу на немецкий язык, так как переводчик уехал в отпуск. В основном такие ходатайства оставались без удовлетворения или удовлетворялись частично (например, могла быть отменена конфискация имущества). Так, военнопленный Г. Клейн в жалобе на имя Генерального прокурора СССР от 4 мая 1951 г. просил пересмотреть дело в связи с сомнением в объективности показаний одного свидетеля: он ссылаясь на неприязненные отношения между ними. Приговор оставили в силе, так как во время суда обвиняемый подобных заявлений не делал⁴⁶.

На основании директивы МВД СССР № 219 от 31 августа 1946 г. «О порядке отбытия срока наказания военнопленными, осужденными советскими судами (трибуналами) за совершенные преступления на территории СССР» они должны были содержаться в лагерях ГУЛАГа, таких, как Воркутлаг, Норильский, Томский лагеря, Карлаг и Сиблаг [1, с. 11]. Это касалось и интернированных, однако они могли отбывать срок заключения и в тюрьмах. Освобождение из мест заключения осуществлялось до 1955 г. после окончания срока осуждения. В 1955 г. оставшиеся военнопленные и интернированные были досрочно освобождены и репатриированы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны».

В конце 1980-х гг. начали пересматриваться уголовные дела военнопленных и интернированных, осужденных на территории СССР. Генеральной прокуратурой Российской Федерации и прокуратурами регионов стала проводиться реабилитация. Основанием для нее прежде всего послужили следующие обстоятельства: 1) в качестве основания для осуждения выступало национальное законодательство, чье соответствие международному праву вызывало серьезные сомнения; 2) широко использовался формальный принцип с обвинительным уклоном, не предполагавший доказательства конкретной вины каждого обвиняемого; 3) имело место нарушение элементарных процессуальных норм [15, с. 35 — 36]. Как правило, при принятии решения о реабилитации органы прокуратуры не обращались в суд, а отменяли приговор самостоятельно. Первая реабилитация в Чувашии была осуществлена в 1989 г., когда доброе имя было возвращено интернированным рабочему батальона № 1101 М. Брайтмуз и Х. Хених. Основанием послужило то, что в их действиях «нет призывов к свержению советской власти, отсутствовал и умысел на ее подрыв и ослабление»⁴⁷.

После принятия Закона от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитационный процесс приобрел планомерный характер. Данный нормативный акт ставил в равное положение российских и иностранных граждан. Следует отметить, что конкретные основания для реабилитации указывались не во всех документах. Например, в отношении военнопленных В. А. Байера, Г. Клейна и Р. Шенау, реабилитированных в 1991 г., отмечалось, что они подпадают под действие данного закона и на этом основании считаются

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3484. Л. 267.

⁴⁷ Там же. Д. 3520. Л. 103.

реабилитированными. При этом их вина была полностью доказанной. Возможно, это было связано с нарушением процессуальных норм во время их осуждения: использование принципа «презумпции виновности», отсутствие адвоката и свидетелей защиты. Кроме того, в начале 1990-х гг. Генеральная прокуратура Российской Федерации признала репрессивный характер политики в отношении иностранного спецконтингента, когда в 4 из 5 случаев они признавались подлежащими реабилитации [15, с. 35]. Также не следует исключать такой момент, как желание России в тот период показать свою лояльность по отношению к западным странам.

Военнопленный Й. Эмонс, несмотря на собственное признание своей вины и ее подтверждение свидетельскими показаниями, был также реабилитирован. Положительное решение по его вопросу было принято на основании того, как отмечалось, что Й. Эмонс «не призывал военнопленных подрывать мощь социалистического государства и его обороноспособность. В его действиях нет мыслей, направленных к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или совершению контрреволюционных преступлений»⁴⁸.

В 2001 г. в республике реабилитировали и советских немцев, служивших в вермахте и принявших гражданство Германии. Например, военнопленный Чебоксарского лагеря № 509 Г. Трестер был реабилитирован по той причине, что на следующий день после прибытия на фронт для участия в боях с советскими войсками добровольно сдался в плен, он не совершал действий в ущерб военной мощи и государственной независимости и неприкосновенности территории СССР. Из этого следовало, что он был осужден без достаточных оснований и на него распространяется действие пункта «а» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»⁴⁹.

Заключение

Анализ практики привлечения к суду по политическим мотивам военнопленных и интернированных показывает, что оно касалось не только советских граждан, но и распространялось в полном объеме в отношении иностранцев. Многие из военнопленных и интернированных были осуждены справедливо, имело место и нарушение законодательных норм. Основной задачей следствия было получение признания, что вполне объяснимо. В период руководства страной И. В. Сталиным этому придавалось особое значение в доказательной базе. Подаваемые обвиняемыми кассационные жалобы обычно оставались без удовлетворения. Компрометирующие материалы формировались на основе доносительства и свидетельских показаний, практически отсутствовали вещественные доказательства. В связи с широким применением принципа «презумпции виновности» судебные процессы производились с обвинительным уклоном. Обвиняемым полагался адвокат, однако они в отдельных случаях отказывались от его услуг, поскольку присутствие защитника на судебном заседании не играло значительной роли. При проведении судебных процессов учитывались показания свидетелей обвинения и почти не привлекались показания последних со стороны защиты. Нормы как советского, так и международного права не всегда соблюдались должным образом. Однако, в отличие от полностью бесправных советских военнопленных, в отношении

⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3920. Л. 55.

⁴⁹ Книга памяти жертв политических репрессий (Чувашская Республика). Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 116, 142, 174, 238, 437 и др.

иностранный спецконтингент судебное преследование велось на основании действующего законодательства. Отметим, что на территории Чувашии привлечение к уголовной ответственности спецконтингента за политические преступления не имело массового характера. Доля таких осужденных составляла не более 0,5 %.

Следовательно, изучение исторического опыта способно оказать позитивное воздействие на улучшение международных отношений, совершенствование законодательства, более тщательное соблюдение правовых норм и возрастание доверия к правосудию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939 — 1956 гг.) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда: Русь, 1995. С. 3 — 13.
2. Епифанов А. Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военных вермахта на родину (1948 — 1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. С. 119 — 123.
3. Епифанов А. Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21 — 22.
4. Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. Москва: Ин-т воен. истории, 1998. 163 с.
5. Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2002. 231 с.
6. Крупенников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947 — 1953 гг. // Народ и война: 50 лет Великой Победы / отв. ред. В. А. Ежов. Санкт-Петербург: Петрополис, 1995. С. 282 — 304.
7. Кузьминых А. Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939 — 1949 гг.). Москва: Полит. энциклопедия, 2017. 591 с.
8. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939 — 1956 годы): монография. Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.
9. Малясова Н. Б. Практика доносительства среди интернированных отдельного рабочего батальона № 1102, функционировавшего на Канашском вагоноремонтном заводе // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 79 — 81.
10. Мотревич В. П. Осужденные иностранные граждане в Свердловской области в 1949 — 1955 годах // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург: УрГЮА, 2014. С. 208 — 221.
11. Петров А. Г., Петрова О. В. Восстановление прав и свобод бывших немецких военнопленных в международном и российском законодательстве // Конституция Российской Федерации — правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста (г. Чебоксары, 3 — 4 декабря 2013 г.). Чебоксары: ЧКИ РУК, 2014. С. 144 — 150.
12. Савенков А. Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7 — 30.
13. Смирнова Н. Б. Иностранные военнопленные и интернированные в Чувашии (1942 — 1949 гг.): научный доклад / науч. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 40 с.
14. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942 — 1956 гг.). Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2006. 499 с.
15. Суржикова Н. В. «Презумпция виновности»: процессы над военнопленными и интернированными в системе сталинского правосудия 1940-х — начала 1950-х гг. // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 35 — 39.

REFERENCES

1. Galitsky V. P. Repressive policy of the Soviet government in relation to foreign war prisoners and the civilians (1939 — 1956). Actual problems of archaeography, source study and historiography: materials on the All-Russian scientific conference, dedicated to the 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Vologda;1995:3 — 13. (In Russ.)
2. Epifanov A. E. Organization and activity of the Soviet punitive bodies on criminal prosecution of Nazi criminals in the period of mass repatriation of the Wehrmacht military to the homeland (1948 — 1950). Problems of military captivity: history and modernity: materials on the International scientific-practical conference: 2 parts. Vologda;1997:119 — 123. (In Russ.)
3. Epifanov A. E. Rehabilitation of foreigners convicted of war crimes. Russian Justice. 2001(1): 21 — 22. (In Russ.)
4. Konasov V. B. Prosecution of German war prisoners in the USSR. The foreign policy aspect of the problem. Moscow;1998:163. (In Russ.)
5. Konasov V. B., Kuzminykh A. L. German war prisoners in the USSR: historiography, bibliography, reference and conceptual apparatus. Vologda;2002:231. (In Russ.)
6. Krupennikov, A. A. Some trials in the USSR in 1947 — 1953. People and War: 50 Years of the Great Victory / ed. by V. A. Ezhov. Saint Petersburg;1995:282 — 304. (In Russ.)
7. Kuzminykh A. L. Archipelago of Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees in the European North of the USSR (1939 — 1949). Moscow;2017:591. (In Russ.)
8. Kuzminykh A. L. Military captivity and internment in the USSR (1939 — 1956): monograph. Vologda;2016:527. (In Russ.)
9. Malyasova N. B. The practice of denunciation among the internees of the separate working battalion No 1102 functioned at the Kanashskiy car repair plant. Vestnik of the Chuvash University. 2011(2):79 — 81. (In Russ.)
10. Motrevich V. P. Convicted foreign citizens in the Sverdlovsk region in 1949 — 1955. Problems of the history of society, state and law: a collection of scientific papers. V. 2. Yekaterinburg;2014:208 — 221. (In Russ.)
11. Petrov A. G., Petrova O. B. Restoration of the rights and freedom of former German war prisoners in international and Russian legislation. Constitution of the Russian Federation — the legal basis for sustainable development of legislation and Russian statehood: the collection of materials on the international scientific and practical conference, dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Day of the Lawyer (Cheboksary, December 3 — 4, 2013). Cheboksary;2014:144 — 150. (In Russ.)
12. Savenkov A. N. Genocide of the Soviet people: from history to law, without statute of limitations. State and Law. 2021(9):7 — 30. (In Russ.)
13. Smirnova N. B. Foreign war prisoners and the internees in Chuvashia (1942 — 1949): scientific report / scientific ed. G. A. Nikolaev. Cheboksary;2019:40. (In Russ.)
14. Surzhikova N. V. Foreign war prisoners of the Second World War in the Middle Urals (1942 — 1956). Yekaterinburg;2006:499. (In Russ.)
15. Surzhikova N. V. “Presumption of guilt”: trials of war prisoners and the internees in the system of Stalin’s justice in the 1940s — early 1950s. Vestnik of Perm University. 2010;1 (13):35 — 39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

Информация об авторе:

Смирнова Наталья Борисовна, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 22.01.2025;
approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 28.02.2025

Information about the author:

Natalia B. Smirnova, Researcher at the Chuvash State
Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

Conflict of interests: the author declare that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 22.01.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 27.02.2025 ырланӑ; 28.02.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Смирнова Наталья Борисовна, Чӑваш патшалӑх
гуманитари ӗслӗлӑхӗсен институчӗн сотрудникӗ
(428015, Раҗҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.)

истори ӗслӗлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.

Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622,8

Научная статья

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК-РАДИСТ СЕРЖАНТ М. З. САБИРОВ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Р. В. Шайдуллин

Институт татарской энциклопедии и регионоведения
им. М. Хасанова АН РТ,
г. Казань, Россия
srv60@yandex.ru

Аннотация. В статье, посвященной Году защитника Отечества (2025), описываются отдельные вехи из жизни восемнадцатилетнего деревенского парня, воздушного стрелка-радиста М. З. Сабирова, героически погибшего в годы Великой Отечественной войны в Прибалтике. На основе его писем к родным, материалов Центрального архива Министерства обороны РФ и воспоминаний родственников воспроизводятся отдельные эпизоды из его жизни до мобилизации, во время учебы в училище и участия в боевых действиях. Особое внимание обращено на его вклад в боевые задания, за которые он был представлен к государственным наградам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, с. Абдреево, М. З. Сабиров, военное училище, воздушный стрелок-радист, 51-й минно-торпедный авиационный полк, «Дуглас» А-20G («Бостон»), боевые награды, фронтовые письма

Для цитирования: Шайдуллин Р. В. Воздушный стрелок-радист сержант М. З. Сабиров: жизнь, отданная во имя победы // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 114 — 123

© Шайдуллин Р. В., 2025

Scientific article

WIRELESS OPERATOR AND AIR GUNNER SERGEANT M. Z. SABIROV: LIFE IN THE NAME OF VICTORY

R. V. Shaidullin

The Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies
named after M. Khasanov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia
srv60@yandex.ru

Abstract. The article, dedicated to the Year of Defender of the Fatherland (2025), some milestones in the life of an eighteen-year-old village boy, wireless operator and air gunner M. Z. Sabirov, who heroically died during the Great Patriotic War in the Baltics have been described. Some episodes from his life before mobilization, during his studies at school and participation in military operations have been presented based on the letters to his family, the materials from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation as well as the memoirs of relatives. Special attention is paid to his contribution to combat missions, for which he was nominated for state awards.

Keywords: the Great Patriotic War, Abdreevo village, M. Z. Sabirov, military school, wireless operator and air gunner, the 51st mine-torpedo aviation regiment, “Douglas” A-20G (“Boston”), combat awards, front-line letters

For citation: Shaidullin R. V. Wireless operator and air gunner sergeant M. Z. Sabirov: life in the name of victory // Modern Humanities. 2025;1(3):114 — 123

Аслалӑх статийи

СЫВЛӐШ СТРЕЛОК-РАДИСЧӐ М. З. САБИРОВ СЕРЖАНТ: СӐНТЕРӐШӐН ПАНӐ ПУРНӐС

Р. В. Шайдуллин

ТР ӐА М. Хасанов ячӑллӑ тутар энциклопедийӑе
регион пӑлӑвӑн институтчӑн энциклопедистика центрӑ,
Хусан хули, Раҫҫей
srv60@yandex.ru

Аннотаци. Тӑван сӑр-шыв хӑтӑлевсӑн сӑлталакне (2025) халалланӑ статьяра ялти яшӑн М. З. Сабировӑн — Тӑван сӑр-шывӑн Аслӑ вӑрси сӑлӑсенче Балтика тӑрӑхӑнче пат-тӑрла сӑпӑсса вилнӑ сывлӑш стрелок-радисчӑн — пурнӑсчӑн уйрӑм тапхӑрӑсене сырса кӑтаргнӑ. Вӑл тӑванӑсем патне янӑ сырусемпе, РФ Оборона министрствин Тӑп архивӑн материалӑсемпе, тӑванӑсен аса илӑвӑсемпе усӑ курса унӑн мобилизациченки, училищӑре вӑреннӑ тага сӑпӑсусене хутшӑннӑ вӑхӑтри самантсемпе паллаштарнӑ. М. З. Сабиров сӑр заданийӑсене хывнӑ тӑпене, сӑкӑншӑн патшалӑх наградисене тивӑснине уйрӑм-мӑн хакланӑ.

Тӑп сӑмахсем: Тӑван сӑр-шывӑн Аслӑ вӑрси, Абдери ялӑ, М. З. Сабиров, сӑр училищи, сывлӑш стрелок-радисчӑ, 51-мӑш мина-торпеда авиаци полкӑ, «Дуглас» А-20G («Бостон»), сӑр наградисем, фронтран янӑ сырусем

Цитатӑлама: Шайдуллин Р. В. Сывлӑш стрелок-радисчӑ М. З. Сабиров сержант: сӑнтерӑшӑн панӑ пурнӑс // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 114 — 123

Введение

Великая Отечественная война круто изменила жизнь многих юношей и девушек, вставших на защиту Родины. Одни ушли на фронт и вернулись с Победой или героически сложили во имя ее свои головы; другие, оставшиеся в тылу, добросовестно выполняли трудовой долг. Среди них был и семнадцатилетний деревенский паренек Мухамет Сабиров, который вслед за своими четырьмя братьями в конце 1943 г. добровольно ушел на фронт и после окончания Военно-морского минно-торпедного авиационного училища им. С. А. Леваневского в 1944 г. воевал в Прибалтике. Он в течение нескольких месяцев отличился в воздушных боях и был представлен к государственным наградам.

Материалы и методы

При написании статьи были использованы различные документы и материалы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, периодических изданий, личных архивов и воспоминаний родственников Мухамета Сабирова, а также из региональных мемориальных справочников, посвященных Великой Отечественной войне. Кроме того, в процессе исторической реконструкции событий из жизни М. Сабирова были проанализированы научные труды и интернетные ресурсы историко-военного характера, что позволило не только наполнить сухие и фрагментарные источники, но и оживить их при описании биографии изучаемого героя.

В основу исследования положены традиционные методы отечественной исторической науки: историко-реконструктивный, проблемно-хронологический и идеографический (описательно-повествовательный). Данные методы успешно апробированы в процессе исторической реконструкции биографии участника Великой Отечественной войны, воздушного стрелка-радиста сержанта М. Сабирова. Они не только позволили детально погрузиться в предмет исследования,

но и в проблемно-хронологическом контексте рассмотреть биографию изучаемого героя, начиная с его довоенной жизни и завершая героической гибелью. Кроме того, идеографический метод в контексте описания исторических событий и явлений, происходивших в жизни М. Сабирова, позволил охарактеризовать уникальные особенности становления и развития его личности, а также объединить последовательность событий и формировать тем самым связную историю о нем.

Результаты исследования и их обсуждение

Как в годы Великой Отечественной войны, так и в наши дни мотивацию многих юношей и девушек, воевавших за свое Отечество и за свой народ, нетрудно понять — они не могли остаться на стороне и жить по-другому. М. Сабиров родился в 1926 г. в с. Абдреево Самарской области (ныне Новомальклинского муниципального района Ульяновской области) в многодетной крестьянской семье. Его отец Закир Сабирович (1881 г. р.) был предприимчивым сельским тружеником. Его жену звали Нурия. В семье Закира и Нурии Сабировых было 10 детей: 5 сыновей — Саидгали (1905 г. р.), Минигали (1908), Ахмет (1914), Мидхат (1921), Мухамет (1926); 5 дочерей — Фарзана (1912), Мунавара (1924), Майсара (1928), Марьям (1932), Махира (1935)¹.

Все пятеро сыновей воевали на различных фронтах Великой Отечественной войны, из них только трое вернулись с фронта домой, ратные подвиги которых были отмечены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Два брата, Ахмет и Мухамет, пропали в годы войны без вести, защищая свое Отечество. Этих героев воспитала простая татарская семья Сабировых. В период военного лихолетья таких семей, не щадивших себя, воевавших на фронте и трудившихся в тылу, в Советской стране было много. Несомненно, благодаря их стойкости и патриотизму Советский Союз вышел победителем в этой экзистенциальной войне. И эти семьи в годы войны стали основой основ бытия советского многонационального общества. В данном контексте уместно привести слова Президента РФ В. В. Путина, высказанные в 2023 г. по случаю Года семьи: «Семья — это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» [3].

Мухамет был седьмым ребенком в дружной семье Сабировых. В 1941 г. он с отличием окончил Абдреевскую семилетнюю школу. Судя по его письмам к родственникам, он был способным учащимся. Обучаясь в национальной школе, Мухамет смог хорошо освоить не только татарское кириллическое письмо, поскольку первоначально он обучался на латинице (Яналиф), но и русскую грамоту, разговорную речь. В 1939 г. в связи с переводом татарского алфавита на русскую графику ему заново пришлось переучивать его русифицированный аналог. С этим он успешно справился, о чем свидетельствуют его письма, написанные на русском и татарском (в том числе на латинской и русско-кириллической графике) языках. Конечно, в его письмах местами встречаются диалектные особенности сельского разговорного жаргона. Все это позволяет нам сделать предположение, что герой нашего рассказа хорошо и грамотно писал сочинения.

После окончания семилетней школы в 1941 — 1943 гг. Мухамет Сабиров работал в колхозе, одновременно был секретарем сельской организации ВЛКСМ, затем

---

¹ Интервью с З. М. Сафиуллиной. 15.07.2024, 03.01.2025. Личный архив Р. В. Шайдуллина. Рукопись. Казань, 2025. 3 л.

служил секретарем Абдреевского сельского совета. Во второй половине 1943 г. семнадцатилетний юноша был мобилизован и направлен на учебу в Военно-морское минно-торпедное авиационное училище им. С. А. Леваневского, расположенное в районном центре Безенчук Куйбышевской области. Скорее всего, он сам напросился на фронт, как и его старшие братья, хотел участвовать в защите своей Родины. Училище, в которое он попал по направлению от Новомалыклинского военкомата, в годы войны готовило летчиков-бомбардировщиков и младших авиационных специалистов для минно-торпедной авиации, в том числе воздушных стрелков-радистов. Личный состав обучавшихся размещался в одноэтажных бараках и землянках. В землянках располагались учебные классы, где их обучали по 10 — 12 часов основам аэродинамики, устройству самолетов и радиооборудования, вооружения (оружия), навигационно-пилотажному делу и самолетовождению. Кроме того, их учили прыгать с парашютом с различных высот на землю и воду. Вот как вспоминает бывший курсант училища А. П. Гуркин (из с.Тумкина Теренгульского района Ульяновской области), обучавшийся в нем с мая по октябрь 1944 г.: «Кормили нас в землянке. Обычная еда: щи, суп, каша. А вот хлеб безенчукский до сих пор вспоминаю. Такого душистого, пушистого и вкусного хлеба я нигде не ел!»². Начиная с 1943 г., летчиков и младших авиационных специалистов готовили на новых для того времени самолетах — Пе-2 (пикирующий бомбардировщик), Пе-3 (тяжелый истребитель-бомбардировщик), Ил-2 (штурмовик) [1].

В 1941 — 1944 гг. училище подготовило 477 летчиков, 376 штурманов и 969 стрелков-радистов, из них 19 выпускников за годы войны стали Героями Советского Союза [4]. Возможно, М. Сабиров учился в одном потоке с воздушными стрелками-радистами П. Г. Евстифеевым (1926 г. р.), А. Ф. Татарниковым (1926 г. р.). Последний после окончания училища, как и Мухамет, был отправлен в Прибалтику.

Отправке М. Сабирова в это училище, скорее всего, способствовали три фактора: отменное здоровье и подходящее телосложение, хорошая учеба в школе и знание русского языка, работа в сельской комсомольской организации. По сути, он второй военнотруженик (после генерал-лейтенанта авиации А. Н. Рамазанова (1901 — 1979) — уроженца с. Абдреево), служивший и воевавший в годы Великой Отечественной войны в авиации [2]. И его предшественник в годы Гражданской войны был мобилизован на фронт в 1919 г. в возрасте 18 лет. Скорее всего, они друг о друге ничего не знали.

Об учебе М. З. Сабирова в минно-торпедном авиационном училище известно немного, только отдельные эпизоды, зафиксированные в его письмах к сестре Мунаваре, которая проживала в с. Старая Тюгальбуга Новомалыклинского района. Из письма от 23 июня 1944 г., адресованного сестре, известно, что он до середины июня 1944 г. изучал материальную часть самолета, вооружение, рацию, проходил стрелковую, возможно, и летную подготовку. Он пишет: «...сегодня исполнилась неделя с момента перехода в эскадрилью. Познакомили, с кем буду летать в одном самолете, то есть приняли в экипаж. Товарищи командиры очень хорошие люди»³. После этого он прошел примерно 1,5-месячную учебную летно-стрелковую подготовку на аэродроме, во время которой учился воевать с врагом. О последних неделях пребывания М. З. Сабирова в училище известно

² Зотова Н. Память в сердце храня... // Сельский труженик. Безенчук, 2020. 22 февраля.

³ Письмо М. З. Сабирова к сестре М. З. Сабировой. 23.06.1944. Личный архив А. Ф. Ахметшиной. Рукопись. 2 л.

из его письма от 1 августа 1944 г., адресованного сестре, в котором он пишет, что 22 июля 1944 г. «...завершили программу обучения. По приказу начальника училища мы считаемся выпускниками. В 24 — 25 числах еще раз полетали. После этого мы ничего не делаем, отдыхаем. Неизвестно, когда нас отправят на фронт. Дни ожидания отправки на фронт проходят весело, вечера проводим в кинотеатре, встречаемся с девчонками». Задержку с отправкой на фронт он объясняет отсутствием пассажирского самолета «Дуглас» для перевозки их на место дислокации⁴. Он писал, что, возможно, их отправят в Прибалтику, где в 1944 г. шли кровопролитные сражения на земле, в море и воздухе, в ходе которых наряду с военными моряками и подводниками свою боевую удачу показывали летчики минно-торпедных подразделений, уничтожая военно-портовую коммуникацию, боевые корабли и транспорт противника. Именно в годы войны слоган «Море — наше поле боя» стал боевым девизом балтийских летчиков.

В своих письмах Мухамет Сабиров особо не жаловался на свою жизнь в училище. Из его поздних писем, посланных с фронта, можно догадываться, что «экономическое» положение курсантов было не из легких. Об этом свидетельствуют просьбы курсанта М. З. Сабирова к сестре, чтобы в случае ее приезда к нему она захватила с собой одежду, щетку, носовые платки и те вещи, которые она по своему уразумению посчитает нужными для него [10]. Правда, сестра не смогла приехать к нему перед отправкой на фронт. Мухамета навестил его отец Закир Сабирович. О прибытии отца и встрече с ним он в своем письме от 1 августа 1944 г. пишет: «После обеда из Куйбышева прибыл отец, до часа ночи говорили. Из-за обязательства отца покинуть училище в установленное время рано утром следующего дня нам пришлось расстаться» [11].

Обучаясь в училище, Мухамет постиг азы мудрости по специальности «воздушный стрелок-радист». После его окончания и присвоения воинского звания сержант М. З. Сабиров был направлен в 51-й минно-торпедный авиационный полк, находившийся в августе 1944 г. в составе 8-й минно-торпедной авиационной Гатчинской Краснознаменной дивизии Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота, который на завершающем этапе Великой Отечественной войны сыграл заметную роль в сражениях на Балтике, в развитии тактики советской морской авиации.

Формирование 51-го минно-торпедного авиационного полка из трех эскадрилий (командир полка — майор В. М. Кузнецов) началось в конце октября 1943 г. на аэродроме Бернгардовка Ленинградской области. В декабре 1943 г. полк был включен в состав 8-й минно-торпедной авиационной дивизии Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. Процесс формирования затянулся: к 1 января 1944 г. в полку имелось всего два самолета «Дуглас» А-20 (английское название «Бостон») и один Ил-4. В середине февраля 1944 г. почти весь летно-технический состав полка в количестве 17 экипажей поездом был отправлен за самолетами «Дуглас» А-20 («Бостон») в Северный Казахстан, на аэродром перегонщиков Тайнча. Оттуда личный состав полка перевезли в Красноярск, где самолеты «Дуглас» А-20 («Бостон») были приняты от перегоночного полка Военно-воздушных сил СССР и облетаны. Вскоре после обкатки самолетов и учебно-тренировочных полетов летно-технический состав перелетел под Ленинград

⁴ Письмо М. З. Сабирова к сестре М. З. Сабировой. 01.08.1944. Личный архив А. Ф. Ахметшиной. Рукопись. 3 л.

на аэродромы Новая Ладога и Приютино, где осуществлялись доукомплектование и боевое слаживание экипажа и пилотов. К 1 июня 1944 г. полк был полностью укомплектован американскими самолетами типа «Дуглас» А-20 («Бостон»), но 9 машин проходили переоборудование и 2 были неисправными [9].

20 июня 1944 г. полк приступил к выполнению боевого задания, базируясь на аэродроме Клопицы в Ленинградской области. 20 — 21 июня 8 самолетов «Дуглас» А-20 («Бостон») 2-й авиационной эскадрильи 51-го минно-торпедного авиационного полка совместно с 5 Ил-4 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка с аэродрома Новая Ладога выполнили боевой вылет на уничтожение плотины ГЭС «Свирь-2». К середине июля 1944 г. полк перебазировался на аэродром Борки на южном побережье Финского залива. 16 июля 4 экипажа полка, вылетевшие с этого аэродрома, участвовали в налете на вражескую плавучую батарею «Ниобе». По результатам вылета три летчика (И. Н. Пономаренко, И. В. Тихомиров и И. К. Сачко) стали первыми в полку Героями Советского Союза [14].

51-й минно-торпедный авиационный полк принял активное участие в летнем наступлении Краснознаменного Балтийского флота в Финском заливе и в операциях войск Ленинградского и Карельского фронтов, но понес большие потери в личном составе и технике и 4 августа 1944 г. был выведен на переформирование. Командир полка В. М. Кузнецов снят с должности и направлен в 1-й гвардейский минно-торпедный авиационный полк с понижением, туда же было переведено 12 экипажей. В августе 1944 г. 51-й минно-торпедный полк получил на вооружение новые самолеты «Дуглас» А-20G («Бостон») американского производства, поставляемые по программе ленд-лиза [7]. На пополнение полка были направлены выпускники летных училищ. Скорее всего, в числе выпускников летных училищ был и сержант М. З. Сабиров. Об этом свидетельствуют строки из одного документа фонда Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации о том, что сержант, воздушный стрелок-радист М. З. Сабиров в Великой Отечественной войне участвует с 23 августа 1944 г.

12 сентября 1944 г. 51-й минно-торпедный полк завершил переформирование и вновь приступил к выполнению боевого задания, перебазировавшись на фронтной аэродром Клопицы Ленинградской области. С этого дня начались боевые будни Мухамета Сабирова в составе 2-й эскадрильи 51-го минно-торпедного авиационного полка. Свое боевое крещение он получил во время Таллинской фронтной операции (7 — 26 сентября 1944 г.), в ходе которой летчики полка проявили образцы воинской доблести и героизма в боях за овладение г. Таллином, столицы Эстонии. 22 сентября 1944 г. приказом Верховного главнокомандующего «за проявленное мужество и героизм в боях при освобождении столицы Эстонии» полку было присвоено почетное наименование «Таллинский» [14]. Позже 51-й минно-торпедный авиационный Таллинский полк участвовал в Рижской (14 сентября — 22 октября 1944 г.), Мемельской (5 — 22 октября 1944 г.) наступательных операциях советских войск на территории Прибалтики.

В отличие от многих других минно-торпедных авиационных частей 51-й минно-торпедный авиационный полк работал исключительно в интересах Балтийского флота, почти не привлекаясь к решению несвойственных ему задач. В зоне его действий были военные корабли, транспортные суда, береговые морские коммуникации от Моонзундского архипелага до Штеттинского залива. Причем возросшее противодействие противника в свою очередь потребовало от летчиков полка поиска новых, более эффективных способов и методов боевого использования

авиации против кораблей, транспорта и береговых коммуникаций противника. В штурмовых частях начались тренировки лучших экипажей. Опыт проявившихся в боях торпедоносцев был положен в основу методики топмачтового (прыжкового) бомбометания и бреющих полетов при торпедной атаке, которые становились весьма эффективным тактическим приемом уничтожения противника на море. Боевой полет экипажа самолета-торпедоносца и торпедная атака всегда принимали самые ожесточенные формы боевого столкновения с противником. На модернизированных торпедоносных самолетах «Дуглас» А-20G («Бостон») советские морские летчики в районе цели или при подходе к ней должны были снизиться с 3000 или 5000 м до 30 м, то есть до высоты сбрасывания торпеды, и сбросить ее на дистанции 600 — 800 м от объекта поражения. При этом скорость самолета равнялась примерно 300 км в час. Сбросить торпеду выше 30 м или ниже этой высоты летчик не мог, поскольку она могла переломиться при ударе о воду или зарыться в грунт. На этой высоте, почти касаясь на разворотах крылом поверхности моря, экипаж во время низко бреющего полета входил в зону массированного зенитного, артиллерийского и стрелкового огня противника. По самолету стреляли со всех огневых точек корабля.

Трудно представить, какими невероятными способностями должен был обладать простой деревенский парень М. З. Сабиров, до этого не видевший моря и не летавший во время учебы на американских самолетах серии «Дуглас» («Бостон»), который за короткий период учебы в военном училище и двухмесячного участия в боевых действиях смог так хорошо обучиться ратному ремеслу. Сержант Мухамет Сабиров в одном из последних писем к своей сестре Мунаваре написал: «Жив и здоров. Жизнь проходит по-старому. Все хорошо. По экономическому отношению тоже неплохо. Как уже тебе известно, находимся недалеко от фронта. 10 раз вылетал на выполнение боевого задания. На счету имеем 4 потопленных немецких транспорта»⁵.

О его умении хорошо воевать свидетельствуют и лаконичные, скупые строчки из наградных документов, хранящихся в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ. В наградном листе, заполненном по случаю награждения М. З. Сабирова медалью «За отвагу», написано: «...за произведенные 9 боевых вылетов, за потопление в составе экипажа 2-х транспортов противника общим водоизмещением 11 000 тонн». За период с 12 сентября по 6 октября в составе экипажа 2-й эскадрильи 51-го минно-торпедного авиационного Таллинского полка он совершил 7 боевых вылетов по уничтожению кораблей противника на Балтийском море — Рижский и Финские заливы. В нем описан конкретный боевой подвиг, совершенный им в составе экипажа самолета «Дуглас» А-20G («Бостон»). 22 сентября 1944 г. в Балтийском море его экипажу в составе лейтенанта М. В. Ремизова, штурмана, старшего лейтенанта А. Н. Кальченко топмачтовым бомбовым ударом удалось потопить транспорт противника водоизмещением более 5 тыс. т; 6 октября 1944 г. этим экипажем в ходе атаки в Балтийском море был торпедирован транспорт противника водоизмещением более 5 тыс. т (в совокупности 11 тыс. т) [5].

В наградном листе, заполненном по случаю награждения М. З. Сабирова орденом Красной Звезды, написано, что после награждения медалью «За отвагу» в составе того же экипажа лейтенанта М. В. Ремизова и старшего лей-

---

⁵ Письмо М. З. Сабирова к сестре М. З. Сабировой. Примерная дата: октябрь 1944 г. Личный архив А. Ф. Ахметшиной. Рукопись. 2 л.

тенанта А. Н. Кальченко он совершил три боевых вылета. 12 октября 1944 г. в Балтийском море с предельно короткой дистанции экипажем был торпедирован транспорт противника в 7 тыс. т, который в результате затонул. Кроме того, отмечено, что сержант М. З. Сабиров «в борьбе с немецкими захватчиками проявляет мужество, героизм и отвагу». Отдельной строкой командир 51-го минно-торпедного авиационного Таллинского полка майор И.Ф. Орленко написал: «Тов. Сабиров всегда держит бесперебойную связь с землей, заранее готовя материальную часть перед вылетом. За отличное выполнение боевого задания командования и потопление в составе экипажа транспорта водоизмещением в 7 тысяч т достоин правительственной награды». Судя по наградным листам, М. З. Сабиров вместе с экипажем в ходе 12 боевых вылетов потопил 4 вражеских транспорта общим водоизмещением 18 тыс. т [6]. Таким образом, примерно за двухмесячный период участия в боевых действиях сержант М. З. Сабиров дважды удостоивался государственных наград: медали «За отвагу» (02.11.1944) и ордена Красной Звезды (11.12.1944).

В 1944 г. 51-й минно-торпедный авиационный Таллинский полк в ходе выполнения боевого задания нес большие потери. За 10 месяцев боев в 1944 г. полк потерял 67 самолетов и около 200 чел. личного состава убитыми и ранеными [14]. 22 декабря 1944 г. не вернулись с боевого задания в район Либавы 9 чел. из летного состава, в том числе экипаж самолета в составе командира звена второй эскадрильи, лейтенанта Михаила Васильевича Ремизова (1923 г. р.), штурмана, старшего лейтенанта Антона Никитовича Кальченко (1912 г. р.), воздушного стрелка-радиста, сержанта Мухамета Закировича Сабирова (1926 г. р.) [8]. После войны их имена были увековечены на мемориальном комплексе г. Лиепая Латвийской ССР. Они были представителями разных народов (русский, украинец и татарин), которые героически сложили свои головы во имя Великой Победы советского народа. Вечная им память!

Заключение

Таким образом, Мухамет Сабиров на фронте был недолго — с 23 августа по 22 декабря 1944 г. 22 декабря 1944 г. он не вернулся с боевого задания, вместе с экипажем канул в вечность в пучинах Балтийского моря. За столь короткий срок за проявленную военную доблесть он дважды удостоивался государственных наград. Судя по его письмам, он не хотел послевоенную жизнь связывать с армией: у него было горячее желание вернуться в свою родную деревню и ухаживать за престарелыми родителями. Такая же вера была и у родителей Мухамета Сабирова, которые, получив извещение о его пропаже без вести 16 февраля 1945 г., не поверили в это. Закир Сабирович долгие послевоенные годы ждал возвращения сына с фронта. Портрет сына в морской форме висел у него на видном месте. Об этом известно из воспоминаний его внучки З. М. Сабировой (Сафиуллиной).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Военно-морское минно-торпедное авиационное училище имени С. А. Леваневского // Википедия — свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Генералы и адмиралы татарской национальности — 22 // Проза.ру: [сайт]. URL: <https://proza.ru/2013/02/17/1065> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Год Семьи в России. Семья и традиционные ценности под защитой государства // Федеральный портал истории России: [сайт]. URL: histrf.ru/read/articles/god-semi-v-rossii-semya-i... (дата обращения: 23.03.2025).

4. Куликова А. Н. А память священна... Землякам, бывшим курсантам училища им. Леваневского, посвящается. URL: <https://bezschool2.minobr63.ru/wp-content/uploads/2020/04> (дата обращения: 23.03.2025).

5. Наградной лист на воздушного стрелка-радиста 2 АЭ 51 МТАТК 8 МТАГКД ВВС КБФ сержанта Сабирова Мухамета Закировича [на награждение медалью «За отвагу»]. 18.10.1944 // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie50804679/ (дата обращения: 25.03.2025).

6. Наградной лист на воздушного стрелка-радиста 2 АЭ 51 МТАТК 8 МТАГКД ВВС КБФ сержанта Сабирова Мухамета Закировича [на награждение орденом Красной Звезды]. 09.12.1944 // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie50804679/ (дата обращения: 25.03.2025).

7. 51-й минно-торпедный авиационный полк (СССР) // Википедия — свободная энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/51-й_минно-торпедный_авиационный_полк_\(СССР\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/51-й_минно-торпедный_авиационный_полк_(СССР)) (дата обращения: 24.03.2025).

8. Савончик В. 51-й минно-торпедный авиационный «Таллинский» Краснознаменный орденов Нахимова I степени и Ушакова II степени полк // Проза.ру: [сайт]. URL: <https://proza.ru/2024/03/29/1661/> (дата обращения: 24.03.2025).

9. Славная история побед Морской авиации // Москва – БезФормата: [сайт]. URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/istoriya-pobed-morskoj-aviatcii/22124724/> (дата обращения: 24.03.2025).

REFERENCES

1. Naval and Torpedo Aviation School named after S. A. Levanovsky // Wikipedia — the free encyclopedia: [website]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (reference date: 03/23/2025). (In Russ.)

2. The generals and admirals of Tatar nationality — 22 // Proza.ru: [website]. URL: <https://proza.ru/2013/02/17/1065> (reference date: 03/24/2025). (In Russ.)

3. The year of the Family in Russia. Family and traditional values protected by the state // Federal portal of the History of Russia: [website]. URL: histrf.ru/read/articles/god-semi-v-rossii-semya-i... (reference date: 03/23/2025). (In Russ.)

4. Kulikova A. N. Memory is sacred... Dedicated to fellow countrymen, former cadets of the Levanovsky school. URL: <https://bezschool2.minobr63.ru/wp-content/uploads/2020/04> (reference date: 03/23/2025). (In Russ.)

5. The award sheet for the wireless operator and air gunner of the 2nd air squadron of the 51st MTATK 8th MTAGKD of the Baltic Fleet Air Force, Sergeant Sabirov Mukhamet Zakirovich [for awarding the Medal “For Courage”]. 10/18/1944 // Memory of the people: [website]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie50804679/ (reference date: 03/25/2025). (In Russ.)

6. The award sheet for the wireless operator and air gunner of the 2nd air squadron of the 51st MTATK of the 8th MTAGKD of the Baltic Fleet Air Force, Sergeant Sabirov Mukhamet Zakirovich [for awarding the Order of the Red Star]. 9.12.1944 // Memory of the People: [site]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie50804679/ (reference date: 25.03.2025). (In Russ.)

7. The 51st Torpedo Aviation Regiment (USSR) // Wikipedia — the free encyclopedia: [website]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/51-й_минно-торпедный_авиационный_полк_\(СССР\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/51-й_минно-торпедный_авиационный_полк_(СССР)) (reference date: 24.03.2025). (In Russ.)

8. Savonchik V. The 51st Torpedo Aviation «Tallinn» Red Banner Order of Nakhimov 1st Class and Ushakov 2nd Class Regiment // Proza.ru: [site]. URL: <https://proza.ru/2024/03/29/1661/> (reference date: 03/24/2025). (In Russ.)

9. The Glorious History of Naval Aviation Victories // Moscow — BezFormata: [site]. URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/istoriya-pobed-morskoj-aviatcii/22124724/> (reference date: 03/24/2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 28.07.2025

Информация об авторе:

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, заведующий центром энциклопедистики
Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ
(420015, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 58),

доктор исторических наук, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2595-8974>, srv60@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 19.03.2025;
approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 28.07.2025

Information about the author:

Rafail V. Shaidullin, the Head of the Center for Encyclopedic Studies
of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(58, Pushkina St., Kazan, Russia, 420015), Doctor of Sciences in History, Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2595-8974>,

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 19.03.2025 җитнә;
рецензиленә хыҗҗан 24.07.2025 ырланә; 28.07.2025 пичете йышаннә

Автор җинчен:

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, ТР АА М. Хасанов ячәллә
Тугар энциклопедийәне регион пәлвән институтчән
энциклопедистика центрән ертүҗи
(420015, Раҗсей, Хусан хули, Пушкин ур., 58),
истори әсләләхәсен докторә, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2595-8974>, srv60@yandex.ru

*Пайталәх конфликчә: автор пайталәх конфликчә җуккине пәлтерет.
Автор ал җырәвән юлашки вариантне вуласа тухнә, ырланә.*

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES /
ФИЛОЛОГИ АСЛАЛАХĔСЕМ**

УДК 821.161.1(470.344)

ББК 83.3(411.2)6

Научная статья

**К ПРОБЛЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (2000 — 2020)**

В. В. Никифорова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

vera.nikiforova@yandex.ru

Аннотация. Художественный феномен «русскоязычной литературы» в российском литературоведении мало исследован. Проблема «русскоязычности» литературы в целом актуализировалась на рубеже XX и XXI вв. и основывается на оппозиции «русская / русскоязычная», или шире — «национальная / иноязычная». Автор статьи данный феномен рассматривает как часть национальной словесности и обосновывает применение при его изучении термина «современная русскоязычная проза чувашских писателей», подразумевающего включение в него и творчество этнонациональных авторов из других регионов. В статье впервые проанализирована современная русскоязычная проза писателей, чувашей по национальности, а именно их рассказы, повести и романы, созданные в первые два десятилетия XXI в. В результате исследования сделан вывод о том, что в таких произведениях в разной форме проявляется национальная идентичность их авторов. В перспективе более детальное изучение творчества современных русскоязычных прозаиков позволит выявить особенности их индивидуальной поэтики, а также общие особенности проявления национальной идентичности в такого рода произведениях.

Ключевые слова: современная проза, русскоязычная проза чувашских писателей, чувашская литература, национальная идентичность, рассказ, повесть, роман

Для цитирования: Никифорова В. В. К проблеме русскоязычной прозы в контексте современной чувашской литературы (2000 — 2020) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 124 — 136

© Никифорова В. В., 2025

Scientific article

**THE PROBLEM OF RUSSIAN-LANGUAGE PROSE
IN THE CONTEXT OF MODERN CHUVASH LITERATURE (2000 — 2020)**

V. V. Nikiforova

Chuvash State Institute of Humanities,

Cheboksary, Russia

vera.nikiforova@yandex.ru

Abstract. The artistic phenomenon of “Russian-language literature” in Russian literary criticism has been little studied. The problem of the “Russian-language” nature of literature as a whole became relevant at the turn of the 20 and 21th centuries and is based on the opposition “Russian / Russian-language” or more broadly – “national / foreign-language”. The author of this article considers this phenomenon as part of national literature and justifies the usage of the term “modern Russian-language prose of Chuvash writers”, which implies the inclusion of ethno-national authors from other regions. For the first time the article analyzes the modern Russian-language prose of writers who are Chuvash by nationality, namely, their stories,

narratives and novels created in the first two decades of the 21st century. As a result of this study, the author concludes that such works in different forms reveal the national identity of their authors. In the future, a more detailed study of the work of modern Russian-language prose writers will reveal the features of their individual poetics, as well as the general features of the manifestation of national identity.

Keywords: modern prose, Russian-language prose of Chuvash writers, Chuvash literature, national identity, short story, narrative, novel

For citation: Nikiforova V. V. The problem of Russian-Language prose in the context of modern Chuvash Literature (2000 — 2020) // Modern humanities. 2025;1(3):124 — 136

Аслăлăх статии

ХАЛЬХИ ЧĂВАШ ЛИТЕРАТУРИ ХУТЛĂХĔНЧИ ВЫРĂС ЧĔЛХИЛЛĔ ПРОЗА ЫЙТĂВĔ ПИРКИ (2000 — 2020)

В. В. Никифорова

Чăваш патшалăх гуманитарнĕ аслăлăхĕсен институчĕ,

Шупашкар хули, Раççей

vera.nickiforova@yandex.ru

Аннотаци. «Вырăс чĔлхиллĔ литературăн» илемлĕх хай евĕрлĕхне Раççей литература пĕлĕвĕнче сахал тĕпченĕ. Литературăри «вырăс чĔлхилĕх» ыйтăвĕ тĕпреп илсен XX тата XXI ĕмĕрсен чиккинче сивĕчленет, «вырăс / вырăс чĔлхиллĕ», е анлăрах — «наци / ют чĔлхеллĕ» хирĕç тăрă сичне никĕсленет. Статья авторĕ çак феномена наци литературин пĕр пайĕ тесе шутлат, апа тĕпченĕ чухне «вырăс чĔлхиллĕ чăваш прози» терминпа усă курма сĕнет, çак ушкăна ытти регионта çуралса ўснĕ вырăсла сыракан чăваш прозаикĕсен пултарулăхне те кĕртет. Çак сыравçăсен XXI ĕмĕрĕн малтанхи икĕ вунă çуллăхĕнче хайланă калавĕсене, повеçĕсене тата романĕсене статьяра пĕрремĕш хут тишкернĕ. Материала тĕпченĕ хыççан çакан пек хайлавсенче авторĕсем чăваш пулни пĕлтерĕшлине палăртнă, вĕсен наци пĕрешкеллĕхĕ тĕрлĕ шайра палăрат тесе пĕтĕмлетнĕ. Малашлăхра вырăс чĔлхилĕ чăваш прозаикĕсен пултарулăхне тĕплĕнрех тĕпчени кашнин поэтикин хайне евĕрлĕхне, çакан йышши хайлавсенче наци пĕрешкеллĕхĕ еплерех сăнланнин палăртма май парĕ.

Тĕп сăмахсем: хальхи проза, вырăс чĔлхиллĕ чăваш прози, чăваш литературы, наци пĕрешкеллĕхĕ, калав, повесть, роман

Цитатăлама: Никифорова В. В. Хальхи чăваш литературы хутлăхĕнчи вырăс чĔлхиллĕ проза ыйтăвĕ пирки (2000 — 2020) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 124 — 136

Введение

В пространстве национальных литератур России существует немало количество произведений, созданных на русском языке, статус которых традиционно принято определять как «русскоязычная литература». Речь идет о творчестве писателей чувашского (или татарского, башкирского и т. д.) происхождения, которые частично или все свои произведения создают на русском языке. Изучение художественного феномена таких текстов вызывает немало трудностей. К какой из литератур — национальной или русской — их относить? Чему принадлежит первенство — языку или литературным традициям? Выражается ли в таких текстах национальная идентичность? Эти и другие вопросы являются весьма актуальными в современном литературоведении. Однозначно можно утверждать, что «“русскоязычный” художественный текст это всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальных культур» [4, с. 20].

В российском литературоведении подходы к изучению такого рода «пограничной литературы» в целом мало разработаны. Принципиальным признаком рус-

скоязычия, с точки зрения К. К. Султанова, к примеру, является единственностью языка творчества [10, с. 156]. При этом «русский язык, находясь в иной национально-культурной семиосфере, не может не вбирать в себя новые краски и смысловые интенции и, с другой стороны, русскоязычная национальная (казахская, азербайджанская, татарская, калмыцкая и др.) литература не может не обновлять горизонт миропонимания, находясь в сфере действия одного из мировых языков и существенно расширяя масштаб читательской аудитории. Обращение к речевым формам другого языка, сам факт свободного выбора языковой идентичности не отменяют проблематику самоидентификации, столь важную для каждой национальной литературы» [10, с. 154].

Проблема «русскоязычности» литературы в целом актуализировалась на рубеже XX и XXI вв. и связана с оппозицией «русская / русскоязычная», или шире — «национальная / иноязычная». Все эти вопросы относятся к наименее разработанной части компаративистики. Сегодня ощущается большее количество проблем с понятийным аппаратом: не хватает терминов для новых образований. Намечается два понимания явления: одни исследователи считают «русскоязычную литературу» практически синонимом «русской литературы», но создающейся не в России; другие русскоязычными произведениями называют поликультурные работы, написанные национальными авторами [8, с. 83].

Можно отметить отдельные работы литературоведов из других регионов, анализирующих локальную ситуацию. Творчество русскоязычных татарских писателей рассматривается в контексте феномена культурного пограничья. По мнению М. Ибрагимова, несмотря на то, что татарский язык не стал для них языком творчества, национальное присутствует в их произведениях в виде образов, тем, мотивов, культурных кодов [3, с. 317, 318]. В 2000 — 2020 гг. в истории русскоязычной литературы Татарстана, по наблюдениям И. А. Еникеева, происходит поиск нового литературного героя, не связанного с традициями русской классической и советской литератур [2, с. 490].

Цель данной работы — постановка проблемы, первоначальное приближение к теме, общая характеристика, обзор имеющегося фактического материала по чувашскому локусу первых двух десятилетий XXI в. Из-за ограниченности объема объектом внимания стали в основном книжные издания.

Материалы и методы

Материалом исследования являются созданные на русском языке произведения современных прозаиков, чувашей по происхождению. Это основные жанры художественной прозы — рассказы, повести и романы. В статье данный пласт впервые становится объектом отдельного изучения. В связи с чем основными методами исследования стали описательный и аналитический методы, которые позволяют описать и систематизировать обширный материал, выявлять наиболее яркие примеры текстов, охарактеризовать их особенности.

Результаты исследования и их обсуждение

Чувашское литературоведение сегодня делает первые шаги в определении художественно-эстетических особенностей русскоязычных произведений чувашских писателей начала XXI в. Много внимания в нем уделяется русскоязычной поэзии Г. Айги. Проза начала нового века на русском языке объектом исследования становилась нечасто. Можно назвать лишь несколько работ, к примеру, А. Ф. Мышкиной, Т. И. Зайцевой и др. [5]. Но в целом они затрагивают теоретические аспекты данной проблемы. Работы, в которых бы содержался обзор рус-

скоязычной прозы региона первых двух десятилетий XXI в., или же анализирующих творчество отдельных авторов обозначенного периода, на данный момент практически отсутствуют. «Развиваясь на стыке региональной русской и чувашской литератур, в художественном пограничье, она (русская и русскоязычная проза Чувашии. — В. Н.) долгое время оставалась как бы не совсем своей, а то и чужой и для русской, и для чувашской критики и литературоведения»¹. Наша статья отчасти восполняет существующий пробел.

Следует еще раз акцентировать внимание также на отсутствии однозначного термина, отражающего явление. Можно, к примеру, определить этот пласт вслед за Е. Владимировым и Б. Чиндыковым как «чувашьенские» писатели, которые бы дифференцировали *собственно чувашское от чувашского республиканского (чувашьенского)*². Но территориально-республиканский, географический принцип также будет не совсем точен. Не вписываются в данные рамки, например, чувашки по происхождению Н. Сорокин, который родился в Татарстане, но пишет о чувашской жизни на русском языке, или же Д. Гаврилова, уроженка Башкортостана, проживающая в Эстонии, но пишет также на русском. Несомненно, их творчество принадлежит чувашской культуре. На данном этапе мы считаем возможным остановиться на терминах «современная русскоязычная проза чувашских писателей» (подразумевает включение в него и творчество этнонациональных писателей из других регионов) и «русские писатели Чувашской Республики».

* * *

Самый распространенный жанр в современной прозе — *рассказ*. Среди авторов — немало запоминающихся личностей. Перу Павла Евлампьева принадлежит несколько книг, в том числе «Тодос» (2004), «Париж не стоит мессы» (2005), «Мелодия дождя» (2009), «Запахи сумеречного жасмина» (2012), «Рапсодия» (2013). И хотя периодически возникает некое ощущение горечи от прочитанного (отчасти — и от включенных в хороший текст сцен натурализма и сниженной лексики), в целом — это интересная городская проза.

Главный герой книги «Париж не стоит мессы» Кирилл — мужчина средних лет, интеллигент, который ходит на концерты и в театры. Шире — городской житель. Автор его обрисовал неплохо. Хотя «не любит Кирилл интеллигентов. Интеллигенция как была прослойкой, так и осталась» («Тодос-2»). Это книга «о времени и о себе». Своих героев писатель определяет как «люди, живущие в настоящем» («Грей»). Часто герой — это учитель (впоследствии — менеджер инвестиционной компании). Время действия — рубеж веков, когда у людей в прямом смысле не было денег на проживание. Не платили зарплату или платили очень мало, задерживали. Реальность (отсутствие денег и т. д.) преломляется сквозь призму души. Много внимания уделяется взаимоотношениям мужчины и женщины, человеческим отношениям вообще. В связи с этим часто раскрываются оттенки чувств. Автор весьма откровенен в своем стремлении. Вся проза — откровенный разговор с собеседником («Диалог» и др.). Рассказчик никого не идеализирует, в том числе и себя. Порой бывает весьма жестким. Но он все же не раскрывает настежь внутренний мир своего героя, и даже, наверное, выстраивает

¹ Чиндыков Б. Б. Несколько слов о русской и русскоязычной новеллистике Чувашии // Чувашский рассказ: в 2 т. Т. 2: Родные берега / сост. и авт. послесловия Б. Б. Чиндыков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 519.

² Там же. С. 511.

некую грань, куда нет доступа никому. По всей видимости, тут играет свою роль национальность автора.

Кажется, что Евлампьеву близок сартровский опыт постижения и осмысления жизни, его экзистенциальные воззрения. Герою рассказа «Стакан и алюминиевая ложка» надоело все: «работа, коллеги, жена, любимая дочь, слякоть на улице, унылые лица прохожих...». Невольно вспоминается роман «Тошнота» Ж.-П. Сартра. Но ощущения и чувства его героев все же, повторюсь, более закрыты, остается хрупкая защитная оболочка. По всей видимости, это связано все-таки с менталитетом: несмотря на то, что герой стал городским жителем, нет-нет да и проскальзывает его чувашская идентичность: дочь свою писатель назвал Илемпи. Изредка у автора вырываются такие фразы: «Я русский, точнее, чуваш, россиянин», «я чуваш по национальности».

Книга «Мелодия дождя» (2009)³, с прологом и послесловием, получилась цельной. В ней тоже присутствуют републикации ранее изданных произведений, но книга поделена на три части и логично выстроена. Произведения здесь разные. Немало про игру, точнее, про то, что «жизнь представляется игрой, где выигрышем является иллюзия свободы» (аннотация) («После дождя» и др.). Есть серьезное погружение в психику героя («Маньяк»), наблюдения над мужской натурой. Импонируют и вызывают интерес философские размышления и поиски смысла жизни в рассказах П. Евлампьева, поведение человека в кризисных, пограничных ситуациях («Полет», «Парабола» и др.).

Журналист Валерий Петровский проявил себя как прозаик в начале XXI в. Автор более 100 произведений на русском и английском языках, изданных в разных странах, чувашских республиканских журналах «ЛИК» и «КИЛ». Первая книга — сборник коротких рассказов и миниатюр «ИНТИМНОЕ»⁴. Лауреат немало количества конкурсов и премий, в том числе и зарубежных⁵. Дело, конечно же, не в премиях, точнее, не только в них. Творчество прозаика действительно представляет живое и оригинальное явление. Сам автор жанровую разновидность своих произведений определяет как флэш-фикшн [7]. «Флэш-фикшн — это микропроза, сверхкороткие рассказы, максимальная длина которых не превышает 1500 слов, но, как правило, они короче — 100, 50, а то и 6 слов» [11]. Возможно, в переводе на английский язык и в реалиях интернет-пространства это звучит правильно. Но, на наш взгляд, важнейшую роль здесь играют собственные национальные традиции — русские и чувашские. Недаром в интервью прозаиком упоминаются А. П. Чехов, И. С. Тургенев, М. Ю. Лермонтов. В чувашской традиции также присутствуют особые формы малой прозы — *кёске калав*, *тёрленчёк*, *калаçусем* (короткий рассказ), *кёске тёрленчёк* (миниатюра), которые в современной прозе приобретают все бóльшую популярность [6].

Произведения В. Петровского представляют собой короткие тексты с разнообразными сюжетами, в которых сконцентрированы и мысль, и чувство, оттенки чувств — где-то грустные, где-то — ироничные и лиричные... Они похожи на живописные зарисовки или этюды, которые всегда создают впечатление, наводят на размышления. «И она не показывается мне на глаза. Боится, что я спрошу ее о картине

³ Евлампьев П. Мелодия дождя. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 302 с.

⁴ Петровский Валерий. ИНТИМНОЕ. Чебоксары: Первая типография, 2007. 144 с.

⁵ Ванюшкина Л. В. Валерий Петровский. Мальчишеская проза // Ашмаринские чтения = Ашмарин вулавёсем: X Международная научно-практическая конференция (Чебоксары, 20 — 21 октября 2016 г.): сборник трудов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 71 — 73.

с ангелом. Не надо ей бояться. Я не буду спрашивать о заброшенных крыльях. У меня свои давно сложены в гараже», — в небольшом абзаце прочитываются несколько лет жизни героев («Футбол на Северном полюсе, или Куда улетают ангелы»)⁶. Тексты в книге «ИНТИМНОЕ» имеют двойные названия: «С чем сочетается сыр, или Татьянин день», «Тургеневская девушка, или Три чашки фамильного сервиза» и т. д. Это воспринимается как поиск гармонии, стремление сохранить равновесие с миром, который часто бывает очень суровым и жестоким.

В книге Виты Аленчиковой «Оглянись вокруг...» (2010)⁷ два цикла рассказов — «Записки ветеринара» и «Рассказы о вас и для вас». В первом цикле автором, по профессии ветеринарным врачом, представлены истории из жизни домашних животных и их хозяев. Это живые, где-то юмористические, где-то ироничные эпизоды, раскрывающие множество «случаев из практики» ветеринара. Прозаик разносторонне показывает не только людей, но и животных, их чувства и переживания. Во втором цикле палитра изображаемых чувств становится еще более насыщенной и сложной. Рассказчик передает нам сложное внутреннее состояние, когда будто открывается внутренний взор, возникает ощущение единения с природой («Утро на Волге»). Перед нами проходит жизнь 96-летней Арины, и мы прикасаемся к «чувству единения со всем потоком жизни и одновременно прощания, разъединения с ним» («Баба Яга»). До глубины души трогает трагическая история Джоли, собаки боксерской породы («Джоля»). Название книги приобретает символический план: оглянувшись вокруг, ты увидишь целый мир, и ты, оказывается, не центр вселенной...

Жизненные, почти документальные рассказы Альберта Айзмана (книга «Перламутровые волны»⁸, 2014, и др.) повествуют о военном детстве, жизни после войны. Короткие новеллы Петра Маркина привлекают своей лиричностью («С лесом в согласии», 2001; «Волчица», 2005; «Не опустеет колыбель», 2003, и др.)⁹. Писатель, выросший в семье лесника, как никто другой тонко чувствует природу, умеет красочно запечатлеть ее картины.

Во второй том сборника «Чувашский рассказ»¹⁰ включены «рассказы и новеллы русских и русскоязычных писателей Чувашии, а также написанные на русском языке произведения малой прозы писателей чувашского происхождения из других регионов России и стран бывшего СССР» (аннотация). Из прозаиков, пишущих в XXI в., в книгу включены рассказы Д. Сулина, Е. Басовой (которые потом ушли в детскую литературу), А. Растворцева, В. Аленчиковой, Л. Венедиктовой, А. Кряжинова, В. Петровского, Д. Гавриловой.

Рассказ Виты Аленчиковой «Ан ҫапӑр!» (2005) озаглавлен на чувашском языке, что в переводе означает «Не бейте!». Хороший пример психологического произведения. С одной стороны, ярко запечатлены типы людей (с точки зрения кондуктора Клавы), которые ездят в общественном транспорте, с другой — жизнь и судьба бывшего ветерана Афганистана, который сломался в мирное время, уже по прошествии многих лет после войны. В небольшом рассказе автор смог чутко передать его боль и страдания, и восприятие окружающими чужой жизни. Да, в трол-

⁶ Петровский Валерий. ИНТИМНОЕ... С. 53.

⁷ Аленчикова В. Оглянись вокруг... Чебоксары: Новое время, 2010. 288 с.

⁸ Айзман А. А. Перламутровые волны. Чебоксары: Аттил, 2014. 192 с.

⁹ Маркин П. Г. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. Чебоксары: Новое время, 2019. 464 с.

¹⁰ Чувашский рассказ: в 2 т. Т. 2: Родные берега / сост. и авт. послесловия Б. Б. Чиндыков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 551 с.

лейбусе его никто не унижал. И «сквозь пьяную шелуху в нем проступало что-то настоящее, сильное. В горьких его словах не чувствовалось самоуничтожения или ненависти, как и не чувствовалось злобы...»¹¹. Но как, оказывается, мы можем порой ошибаться, оценивая своими привычными мерками других людей...

В произведении Алексея Кряжинова «Земляки» (2012) также важен психологический момент, или психологическая коллизия. Чтобы помирить друзей — якута Прокопия и эвенка Василия, чуваш Алексей поет спорную песню на их мелодию на чувашском языке и становится их «земляком».

Рассказ Лады Венедиктовой «Просто глисты» (2007) написан теплыми юмористическими красками. Семейная жизнь большого начальника Ильи Митрофановича и студентки ветеринарного факультета, очень разных, но любящих друг друга личностей, отличается позитивным настроением ко всему, а произведение оставляет у читателя положительные эмоции после прочтения.

Повести П. Маркина в меру дидактичны, главные герои представляют собой хороший пример для подражания подрастающему поколению («Далекий потомок», 2002; «Звездный свет», 2004). Интерес вызывает произведение «Заказ» (2009)¹² Виктора Бритвина, известного художника. Она имеет авторское определение жанровой разновидности «повесть-фантазмагория, или Необычная история, в которой причудливо переплелись мистика и реальность». Действительно, чувствуется рука художника: описания осязаемые, красочные, стиль гармоничный. Произведение логично выстроено: оно начинается с размышления об Имени художника и заканчивается тем же. Мистика и реальность здесь «причудливо переплелись».

Повесть Алексея Кряжинова «Лето нашей надежды» (2009)¹³, как подчеркивает автор, «основана на реальных событиях». Она посвящена 65-летию Великой Победы и рассказывает о судьбе бабы Кати, которая во время войны прошла через невероятные трудности, но сохранила верность своей первой любви. Незадолго до войны она со своей коровой Песней отправилась на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. И смогла вернуться домой вместе с ней только в сентябре 1941 г. Оригинален сюжет повести «Могилы предков» (2014) А. Айзмана, в которой рассказывается о жизни бывших советских солдат, попавших в плен к немцам во время Великой Отечественной войны и не вернувшихся на Родину, и их потомков.

Повесть «Поленька, или Христова невеста» (2013)¹⁴ Дины Гавриловой читается на одном дыхании. В ней прослеживается сдержанная, под стать героине, интонация. Характеризуется автором как «психологическая семейная драма». Действительно, прозаику удалось глубоко проникнуть во внутренний мир своей героини, не повредив при этом его чистоту.

Герои повестей Дмитрия Михлеева «Ось земли», «Поле перейденное», «“Хиппи” Мафуд» и многих рассказов из книги «Ось земли» (2014)¹⁵ — жители чувашской деревни, находящейся в Татарстане. Данные произведения насквозь пронизаны чувашским духом. Это и множество чувашских лексических вкраплений в русский текст (изредка — татарских); описание обрядов, которые еще бытовали в детскую пору автора и отчасти сохранились сегодня; чувашские песни и молитвы,

¹¹ Аленчикова В. Ан çапăр! // Чувашский рассказ: в 2 т. Т. 2. С. 471.

¹² Бритвин В. Заказ // ЛИК. 2009. № 2. С. 93 — 129.

¹³ Кряжинов А. Лето нашей надежды // ЛИК. 2009. № 4. С. 8 — 64; ЛИК. 2010. № 1. С. 3 — 71.

¹⁴ Гаврилова Д. Поленька, или Христова невеста. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. 128 с.

¹⁵ Михеев Д. Н. Ось земли: повести и рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.

оставшиеся в памяти (жаль, сразу переведенные на русский язык). Герои Михлеева особенные: они идут своими «дорогами жизни» и ищут свою «картину мира».

В жанре романа представлены традиционные и новые жанровые разновидности, характерные для российской литературы в целом. Романы Р. Зотовой и Д. Гавриловой правомерно рассматривать как примеры социально-психологического произведения. «Лабиринты судеб» (2004)¹⁶ Раисы Зотовой — это произведение о большой любви, которая не отпускает героев в течении всей их жизни. Стиль автора импонирует своей необычностью: пишет о чувстве, но не напоказ, как будто пытается защитить его от чужих глаз. Дилогия Д. Гавриловой, состоящая из книг «Цвета холодных лет» (2015)¹⁷ и «Ты лучше всех» (2018)¹⁸ — история жизни Ели, глазами которой мы можем взглянуть в целом на историю страны с 1944 по 1969 г., а конкретнее — проследить жизнь чувашей в Башкирии на протяжении четверти века. На долю ее семьи выпадают коллективизация, репрессии, война, голод... Но в центре внимания все-таки не внешние события и обстоятельства, а взросление юной души. «Судьба страны через судьбы людей» — так понимается идея романа в аннотации ко второй книге. Отчетливо вырисовывается в нем национальный характер чувашки: сильной, скромной, терпеливой, трудолюбивой... Национальные метки часто напоминают о себе через чувашскую лексику, используемую в описании интерьера, быта, обрядов народа, портретов героев и их фраз на родном языке. Деление по главам (годам) несколько дробит текст. Но, с другой стороны, четкое хронологическое изложение событий позволяет проследить эволюцию героев, не сомневаясь в достоверности происходящего, повышает градус искренности и документальности. Даже несмотря на то, что к первой книге предпослана ремарка о вымышленности персонажей и случайности любых совпадений. В идеале напрашивается общее название произведения, объединяющее две части.

Роман ужасов Лады Венедиктовой «Заброшенные сады комбината» (2008) описывает жуткую историю, будто бы происходившую в Чебоксарах где-то в конце XX в. Хотя время здесь не течет по хронологии. Точкой пересечений всех событий является 1968 г., когда около Чебоксар затонул речной трамвайчик.

Сюжет произведения лихо закручен, сцены убийств вызывают сильные эмоции. И все это, оказывается, завертелось после того, как был утерян некий Талисман. Мать Полины и Павла, как выясняется позже, была хранительницей этого Талисмана, который предки чувашей вывезли из Индии. По воспоминаниям мужчины, это тяжелая, вроде бы золотая старинная вещица, и он даже играл с ней в детстве. Он уравновешивал баланс добра и зла. Но он был потерян их матерью, когда затонул трамвайчик, на котором она плыла, и начались беды. В конце концов герои находят Талисман, и все заканчивается вполне благополучно.

Получается, этот и другие элементы национальной (чувашской) идентичности и являются скрепами настоящего и будущего народа? Хотя «как и любая другая молодая девушка, она (Полина. — В. Н.) не ощущала своей национальности» (с. 35), но бывали моменты, что она жалела, что ни она, ни Павел не знают родного языка¹⁹. В целом, конечно, Полина «не считает себя чувашкой». Но как корни тянутся к земле, так и человек тянется к своим истокам, чувствует их. Писатель

¹⁶ Зотова Р. Г. Лабиринты судеб: роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 256 с.

¹⁷ Гаврилова Д. Цвета холодных лет. Роман. Санкт-Петербург: Реноме, 2015. 184 с.

¹⁸ Гаврилова Д. Ты лучше всех. Роман. Таллин: Aleksandra, 2018. 248 с.

¹⁹ Венедиктова Л. В. Заброшенные сады комбината: роман. Йошкар-Ола: Респект, 2008. 296 с.

Владимир Михайлович хорошо это аргументирует: «Если где-нибудь в Калужской области народится вдруг мулатик, он тоже не будет знать ни единого слова из языка, на котором говорит его отец. Но от этого он не перестанет быть черным»²⁰.

В структуре романа стержневыми моментами выступают выдержки из преданий, собранных А. А. Фукус, В. Д. Димитриевым, газет времен перестройки; «чувашские» сюжетные линии книг писателя Владимира Михайловича, проживающего в Финляндии; описания чувашского национального костюма, легенда о женщине-воине Вилчун (Мертвой душе), вкрапления в текст чувашских слов.

Ярким примером исторического произведения является роман-трилогия Николая Сорокина «Вечная Волга»²¹. Это произведение, основанное на документальных фактах, источниках из архивов и исторических событиях, истории своей семьи. В нем описывается жизнь поволжского крестьянства XX — начала XXI в., проживающего на территории Татарстана. Через судьбы представителей чувашских семей Соколовых, Запасовых, Качайкиных и др. раскрывается характер народа. Важное место в структуре романа занимают фольклорные тексты и этнографические описания: песни, молитвословия, пословицы, описания различных обрядов.

В первом томе («Насилие») показан период коллективизации и репрессий, во втором («Бессмертники Сталина») — Великая Отечественная война, в третьем («Нищая свобода») — постсоветская эпоха, период перестройки. В центре романа — образ Великой Волги, на которой живут русские, татары, чувашаи и другие представители разных национальностей. Она мудра, жива, энергична... Здесь напрашивается параллель с романом казанской писательницы Г. Яхиной «Дети мои» (2018), где образ Волги также пронизывает все произведение и приобретает символическое значение. По мнению В. Р. Аминовой, река выступает в романе «маркером идентичности поволжских немцев» [1]. Образ Волги у Н. Сорокина, пожалуй, имеет более широкое значение. Он объединяет все народы, живущие на ней.

Книга чувашского историка Сергея Щербакова «Грани миров: возвращение Чеменя» (2019)²² написана в формате историко-философского фэнтези. Данная разновидность романа позволяет автору свободно обращаться с разнородным материалом и разными временными пластами. События в романе разворачиваются параллельно в реальном и астральном измерениях, действуют реальные и мифологические персонажи, исторические личности. Структура произведения не нова. Новым является описываемый материал, чувашский. Сюжет концентрируется вокруг поисков старинного чувашского артефакта — сурбана (женское головное покрывало), на котором был вышит некий магический код, открывающий путь к камню Тенгри, древним знаниям.

Следует скорректировать статус данного произведения в контексте национальной литературы. Определение его критиками как «первого чувашского романа в жанре фэнтези» [12] является неправомерным по двум причинам. Во-первых, это не первое фэнтези в чувашской литературе — первый роман, точнее, его разновидность — этнофэнтези («Пихампар йытти» / «Господа Пигамбара пес») был создан В. Степановым на чувашском языке и опубликован еще в 1999 г. Впоследствии им же написан роман-фэнтези на русском «Звездная вальхалла» (Воспоминания пророка) (2000) и этнофэнтези на чувашском «Тенкри хёсё» («Сабля

²⁰ Венедиктова Л. В. Зброшенныя сады комбината. С. 232.

²¹ Сорокин Н. М. Вечная Волга: роман-трилогия. 4-е изд., перераб. Чебоксары: Новое время, 2021. 792 с.

²² Щербаков С. Грани миров: возвращение Чеменя. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 199 с.

Тенгри», 2014, 2015). Во-вторых, в строгом смысле слова, роман С. Щербакова — это русскоязычная проза чувашского региона.

Автор этой книги «родился в чувашской деревне, в детстве жил среди чувашской родни и чувашского окружения, развивался в чувашском пространстве. Но вырос в городе под влиянием русской и англо-американской культуры», он чувствует внутри себя чувашский культурный стержень и понимает суть чувашских внутренних переживаний, но смотрит на чувашей как бы со стороны [12]. «Книгу писал для чувашей, чтобы они уверенней вступали в диалог с большим миром, сохраняя и культивируя в себе этнокультурную идентичность. <...> Писал также для всех других национальностей, чтобы они знали: на Волге сохранился народ со значительными элементами древних пластов миропонимания, причем по-европейски образованный. Если преподнести эту информацию на понятном языке и в современной манере, уверен, иностранцы помогут чувашам войти в семью признанных наций России и мира», — так определяет свою читательскую аудиторию С. Щербаков [12].

Хочется отметить смелость автора в определении целей и путей дальнейшего развития целого народа. Но, в свою очередь, хочется спросить: имеем ли мы право принимать решение за целый народ? И почему древнему народу обязательно нужна какая-то сила извне, чтобы войти в мировое сообщество? Не нужно ли искать потенциал в себе? К тому же, по утверждению одного из героев, Чувашия — «регион очень стабильный, и его сложно расшатать. Поэтому и маны — духовной энергии — накопилось много. В их мирах, земных и потусторонних, смешалось много евразийских культур, сохранилась акаша утраченных цивилизаций»²³. Вполне правомерным и положительным моментом является, что историко-философское произведение ставит и вызывает эти и другие вопросы.

В романе также немало наблюдений относительно характера, психологии и менталитета чувашей. Все же пока в первой книге (в послесловии говорится о планах на продолжение) образ богатыря Чеменя не выстроился как цельный персонаж. Точнее, не ощущается его стержень. Судя по названию книги, он должен быть минимум в центре повествования, если не главным героем. Внешне он то кажется «обычным стариком», то предстает «в истинном — богатырском — облике», то «волшебник-йомзя». «По закону жанра», конечно, в данном случае, это не главное. Важнее, что заявленный герой не стал идейным стержнем историко-философского произведения. Здесь, пожалуй, следует согласиться с мнением В. П. Станьяла, который утверждает, что «в первой книге романа философии почти нет или, возможно, философской проблемы я не учуял» [9]. Будем надеяться на продолжение. Но в целом, написанный для аудитории 16+ и основанный на сложном историко-мифологическом материале роман С. Щербакова воспринимается без напряжения.

В контексте современной чувашской литературы классическим примером билингвальной прозы является творчество Николая Максимова. Он пишет на двух языках — чувашском и русском. Книги, написанные на одном языке, часто переводятся автором на другой. Относительно билингвальной литературы интересным представляется наблюдение Б. Б. Чиндыкова: «Писатель, живущий и творящий в билингвальной среде, находится в состоянии постоянного амбивалентного выбора, в которой, делая любой шаг, он что-то теряет, а что-то вы-

²³ Щербаков С. Грани миров: возвращение Чеменя. С. 50.

игрывает; а чего — больше, чего — меньше, наверное, может рассудить только время»²⁴. На наш взгляд, творчество Н. Максимова является исключением. Складывается впечатление, что прозаику в равной мере доступен художественный мир двух языков.

Жанр книги «Редиска монументчӑ» («Монумент Редиски»), 2004) определен Н. Максимовым как «пӑчӑкӑсӑ роман» (букв. «маленький роман» / «романчик»). Он написан на чувашском языке и сразу же переведен на русский. Несмотря на малый объем, произведение вызвало немало споров. Критик В. А. Абрамов на очередном собрании Союза писателей ЧР определил жанровую разновидность произведения как «роман-фантазмагория», или памфлет. Действительно, прозаик сатирическим взглядом оценивает события, произошедшие в республике за последние десятилетия. Точнее было бы определить жанр романа как «политический памфлет». В нем смело затрагиваются весьма важные вопросы сегодняшнего общества, что встречается нечасто в современной литературе и публицистике.

«В публичном пространстве чувашской литературы никогда не возникало вопроса о нежелательности русскоязычной чувашской литературы для развития собственно национальной культуры, хотя тенденция последних лет, когда в республике количество пишущих на русском значительно превышает количество пишущих на чувашском, не может не вызвать некоторую тревогу относительно будущности чувашской литературы», — пишет Б. Б. Чиндыков в послесловии к тому «Родные берега»²⁵. Отсутствие негативного отношения в республике к данному явлению, действительно, важный момент. Тезис о значительном превышении количества пишущих на русском языке небесспорен. Если только речь идет о новых авторах, входящих в чувашскую литературу сегодня — их не так много. На наш взгляд, молодых авторов, пишущих прозу на русском, тоже мало. При необходимости можно сделать формальные подсчеты. В любом случае важен, прежде всего, уровень публикуемых произведений.

Заключение

Современная русскоязычная проза чувашских писателей в основном развивается в традиционном русле. Самым распространенным жанром является рассказ. Он позволяет прозаикам выразить то, что волнует здесь и сейчас (П. Евлампьев, В. Петровский, В. Аленчикова и др.). Повесть — наименее продуктивный жанр (П. Маркин, В. Бритвин, Д. Гаврилова, Д. Михлеев и др.). Больше поисков наблюдается в жанре романа. Появились, в частности, такие его разновидности, как «историко-философское фэнтези» (С. Щербаков), «роман ужасов» (Л. Венедиктова). Очевидно, что многозначная реальность — сложный материал, который сегодня трудно раскрыть в рамках одномерной жанровой структуры.

Русскоязычные писатели регионов вносят в русскую культуру особенности своей национальной образности, менталитета. Одной из самых простейших форм «диалогового высказывания» (Н. Лейдерман) становится вкрапление иноязычного слова в русский текст (П. Евлампьев, Д. Михлеев, Н. Сорокин, Д. Гаврилова, В. Аленчикова и мн. др.).

В перспективе необходимо проанализировать творчество русских писателей Чувашской Республики, которые, несомненно, вносят свой вклад в развитие куль-

---

²⁴ Чиндыков Б. Б. Несколько слов о русской и русскоязычной новеллистике Чувашии // Чувашский рассказ: в 2 т. Т. 2. С. 515.

²⁵ Там же.

туры региона, но практически не исследованы в современном литературоведении. Сравнительный анализ этих двух пластов в национальной культуре, на наш взгляд, позволит четче определить особенности каждого из них.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминова В. Р., Набиуллина А. Н. Транскультурная литература: вопросы теории и методологии изучения // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 6 — 17.
2. Еникеев И. А. Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 482 — 492.
3. Ибрагимов М. И. Как писать истории национальных литератур? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 312 — 321.
4. Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература — перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 19 — 24.
5. Мышкина А. Ф., Зайцева Т. И., Емельянова Т. Н. Проблемы национальной эстетики и литературного творчества в художественном пространстве начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 364 — 367.
6. Никифорова В. В. Малые формы современной чувашской прозы // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 104 — 123.
7. Петровский В. Интервью журналу Poetry Sans Frontiers, Австралия // Проза. Ру: [сайт]. URL: <https://proza.ru/2014/04/07/990> (дата обращения: 10.12.2024).
8. Сорокина В. В. К вопросу о понятии «русскоязычной» литературы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 3. С. 83–95.
9. Станьял В. Чувашский мир: На грани ли миров находятся чуваша? // Чăваш халăх сайчĕ: [сайт]. URL: <https://ru.chuvash.org/news/4165.html> (дата обращения: 29.11.2024).
10. Султанов К. К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Интернет-журнал «Стефанос». 2016. № 3 (17). С. 154 — 162. Stephanos: [сайт]. URL: https://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2. (дата обращения: 30.11.2024).
11. Флеш-фикшн — лучше меньше да лучше. Записки литературного редактора // dzen.ru: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YnFkSvo4YHRaHZDz?ysclid=mcvkk1yz2u67779941> (дата обращения: 10.12.2024).
12. Щербаков С. «Игра престолов» по-чувашски ждет инвестиций от Netflix // Идель.Реалии [сайт]. URL: <https://www.idelreal.org/a/29910652.html>. 30 апреля 2019 г. (дата обращения: 29.11.2021).

REFERENCES

1. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Transcultural literature: issues of theory and methodology of study // National literatures at the present stage: scientific concepts and hypotheses. Kazan, 2019: 6 — 17. (In Russ.)
2. Enikeev I. A. The features of the formation and development of Russian—language literature of Tatarstan // Polylinguality and transcultural practices. 2024; 21(3): 482 — 492. (In Russ.)
3. Ibragimov M. I. How to write the histories of national literatures? // Polylinguality and transcultural practices. 2023; 20(2): 312 — 321. (In Russ.)
4. Leiderman N. L. Russian-language literature — a crossroads of cultures // Philological class. 2015; 3(41): 19 — 24. (In Russ.)
5. Myshkina A. F., Zaitseva T. I., Emelyanova T. N. Problems of national aesthetics and literary creativity in the artistic space of the early 21st century // Philological sciences. The issues of theory and practice. 2019; 12(2): 364 — 367. (In Russ.)
6. Nikiforova V. V. Small forms of modern Chuvash prose // Chuvash humanitarian Vestnik. 2022; 17: 104 — 123. (In Russ.)
7. Petrovsky V. The interview in Poetry Sans Frontiers magazine, Australia // Proza. Ru: [website]. URL: <https://proza.ru/2014/04/07/990> (reference date: 12/10/2024). (In Russ.)
8. Sorokina V. V. The concept of “Russian-language” literature // Vestnik of Moscow University. Series 9. Philology. 2022; 3: 83 — 95. (In Russ.)
9. Stanyal V. The Chuvash World: Are the Chuvash on the Brink of Worlds? // Chăvash Khalăkh Saychĕ: [website]. URL: <https://ru.chuvash.org/news/4165.html> (reference date: 29.11.2024). (In Russ.)
10. Sultanov K. K. Russian-language literature as a cultural phenomenon and the object of research // Stefanos. 2016. No. 3 (17). Pp. 154–162. Stephanos: [website]. URL: https://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2. (reference date: 30.11.2024). (In Russ.)

11. Flash fiction — less is more. The notes of a literary editor // dzen.ru: [website]. URL: <https://dzen.ru/a/YnFkSvo4YHRaHZDz?ysclid=mcvkk1yz2u67779941> (reference date: 10.12.2024).

12. Shcherbakov S. “Game of Thrones” in Chuvash awaits investments from Netflix // Idel. Realities [website]. URL: <https://www.idelreal.org/a/29910652.html>. April 30, 2019 (reference date: 29.11.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.07.2025;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 24.07.2025

Информация об авторе:

Никифорова Вера Витальевна, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nickiforova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 09.07.2025;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 24.07.2025

Information about the author:

Vera V. Nikiforova, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(building 1, 29, Moskovsky pr., Cheboksary, Russia, 428015),

Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nickiforova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 09.07.2025 ситнĕ;
рецензиленĕ хысçан 18.07.2025 ырланă; 24.07.2025 пичете йышăннă

Автор сиччен:

Никифорова Вера Витальевна, Чăваш патшалăх гуманитарни
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх аслă ёстетĕшĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nickiforova@yandex.ru

Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ суккине пĕлтерет.

Автор ал сьрăвĕн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 821.512.111.09«2011/2020»
ББК 83.3(2=635.1)64

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЛИРО-ЭПИКИН 2011 — 2020 ÇУЛСЕНЧИ АТАЛАНĂВĔ

И. В. Софронова

И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕ,
Шупашкар хули, Раççей
Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
muxtar2@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра 2011 — 2020 çулсенчи чăваш литературичи лиро-эпикăллă хайлавсене тишкернĕ. Тĕпчев ёçĕн никёсёненче — Г. Юмартăн, А. Мальшевăн, Ю. Санăн, С. Асаматăн, Г. Кёмёлĕн, Г. Матвеевăн, Н. Карлинăн тата ытти авторăн хайлавёсем. Паянхи чăваш лиро-эпики халичченхи поэзи традицийёсене малалла аталантарать. Çакă фольклор материалёпе усă курнинче, традицилле темăсене хускатнинче, лирикăллă тата эпикăллă поэмăсем, сăвăлла роман, балладăсем сырнинче палăрать. Чылай авторшăн халăхăн, несёлсен кун-çулне тĕпчесси, иртнипе хальхин сыхăнăвне кăртаттаси, халăх сăмахлăхĕн тага тăван чĕлхен пуянлăхёне хай евĕрлĕхне кăртаттаси курăмлă. Сăвăçсем илемлĕ хайлавăн тытăмне калу, шырав, тĕпчев, çул çўрев мелёсемпе йĕркелесçĕ.

Тĕп сăмахсем: лиро-эпика, поэма, баллада, паттăрлăх, фольклоризм, тишкеру, паянхи чăваш поэзийĕ

Цитатăлама: Софронова И. В. Чăваш лиро-эпикин 2011 — 2020 çулсенчи аталанăвĕ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 137 — 143

© Софронова И. В., 2025

Научная статья

РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ ЛИРО-ЭПИКИ 2011 — 2020 ГОДОВ

И. В. Софронова

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
muxtar2@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится обзор чувашских лиро-эпических произведений, созданных в 2011 — 2020 гг. В основе исследования — произведения Г. Юмарта, А. Мальшева, Ю. Сана, С. Азамат, Г. Кемел, Г. Матвеевой, Н. Карлина и других авторов. Современная лиро-эпика продолжает традиции, сформировавшиеся до сегодняшнего дня в чувашской поэзии. Это проявляется в использовании фольклорного материала, общепринятых тем, развитии особенностей лирических, эпических поэм, романа в стихах и баллады. Для многих авторов характерен интерес к исследованию истории народа, жизни предков, демонстрация связи прошлого и современности, богатства фольклора и своеобразия родного языка. Композиция художественного произведения строится на основе рассказа, поиска, исследования и путешествия.

Ключевые слова: лиро-эпика, поэма, баллада, патриотизм, фольклоризм, обзор, современная чувашская поэзия

Для цитирования: Софронова И. В. Развитие чувашской лиро-эпики 2011 — 2020 годов // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 137 — 143

Scientific article

DEVELOPMENT OF CHUVASH LYRIC-EPIC IN THE PERIOD OF 2011 — 2020

I. V. Sofronova

I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
muxtar2@yandex.ru

Abstract. The article overviews the Chuvash lyric-epic works in the period of 2011 — 2020. The study is based on the works of such authors as G. Yumart, A. Malyshev, Y. San, S. Azamat, G. Kemel, G. Matveeva, N. Karlin and the others. Modern lyric-epic continues the traditions having been formed up to present in Chuvash poetry. Folklore material, generally accepted themes, the development the peculiarities in lyric, epic poems and a novel in verse and ballads are the examples. Many authors are interested in studying the history of the people, the life of their ancestors, demonstrating the connection between the past and the present, the richness of folklore and the originality of the native language. The composition of fiction is based on a story, search, research and traveling.

Keywords: lyric-epic, poem, ballad, patriotism, folklorism, review, modern Chuvash poetry

For citation: Sofronova I. V. Development of Chuvash lyric-epic in the period of 2011 — 2020 // Modern humanities. 2025;1(3):137 — 143

Кўртём

Паянхи чăваш литературинче кулленхи пурнăҫа сăнлама, хумхантаракан ыйтусене сăнарлăн палăртма сăвăҫсем лиро-эпикăн тёрлёр жанрёре усă кураҫҫёр. XXI ёмёрён иккёмёш вунă ҫуллăхёнче вулакан патне лирикăллă поэма, эпикăллă поэма, баллада, сăвăлла роман тёрслехёсем ҫитрёр. Пултарулăх ёҫёнче професионал сăвăҫсемпе пёрле тёрлёр тăрăхра пурăнакан таврапёлўҫёсем те палăрчёр. Самана лăпкă пулнине кура лиро-эпикăллă хайлавра тăван тăрăхăн, халăхăн аваллăхне тёрчесси, тин кăна пулса иртнёр историллёр пулăмсене хак парасси, ёмёрхи ыйтусене хускатасси характерлă. Ҫавăн пекех сăвăҫсене халăх кун-ҫулёнчи синкерлёр тапхарёсем те хумхантараҫҫёр.

Пирён тёрпчев ёҫён тёллевёр — чăваш ҫыравҫисен 2011 — 2020 ҫҫ. пичетленсе тухнă лиро-эпикăллă хайлавёсене пётёмёшле тишкерсе тухасси, вёсен уйрăмлăхёсене, илемлёр шайне палăртасси, маларахри литературăри тёрслехсемпе танлаштарасси.

Тёрпчев материалёсем тата меслечёсем

Статьяра чăваш сăвăҫисен 2011 — 2020 ҫҫ. «Тăван Атăл» журналта, уйрăм кёнекен е хайлавсен пуххинче пичетленнёр лиро-эпикăллă хайлавсене пăхса тухнă. Сăнлав, тишкерў, танлаштару тёрпчев меслечёсемпе усă курнă. Тишкерў, сăнлав меслечёсем хайлавсен тытăмён хайевёрлехне, сăнарлăх системине, чёлхе уйрăмлăхёсене, жанр традицийёсене палăртма май параҫҫёр. Танлаштару мелёр сăвăҫсен хайлавёсенчи традицилёре асăрхама пулăшаты: фольклор материалёпе усă курни, ҫивёч ыйтусене хускатни, вёсене маларахри тапхăрсемпе танлаштарсан, ҫёнёлле кăтарса пама пултарни, хайлавра вырăс тата чăваш классикин витёмёр пурри. Калăпайшёрпе пысăк, кăсăк жанр пулнăран-тăр — иртнёр вунă ҫуллăхра лиро-эпикăллă хайлав ҫырма кăмаллакансем йышлах пулманни курăнаты.

Тёрпчев результатёсем, вёсене сўтсе явни

Вăхачёр сахал иртнёрен-ши, 2011 — 2020 ҫҫ. тухнă поэзи кёнекисене, ҫак тапхăрти поэмăсене пётёмёшле хак паракансем пулмарёр-ха. Ҫырнисен пуххин ум-

сәмахә е пёр-пёр хаҗатра е журналта пичетленнә кёнеке издательствин ёҗченёсем җырнаҗ рецензисемсёр пуҗне урәх хаклавсем җук. Вәхәт аливи тёр тухман хайлавсене туллин хак пама, тен, хальлөхе иртерех те. Ятарласа җак ыйтупа ёҗлемесен хәш-пёр ятсем илтөнмесёрех, литература историйёнче йёр хәвармасарах юлөҗ. Кёнеке тухна ятпа пөҗөк йышпа пухәнса калаҗса ларнисёр пуҗне ун пирки тек шавлаканө пулмасан та пултарать. Шайө төрлөрен пулсан та — паянхи чәваш поэзийө, җав шутра лиро-эпики те, пуранать тесе җирөппөн калаятпәр. «Чәваш литературы типсе, хәрса пыракан йывәҗ мар. Йөкелө пулсан туйрәләх шәтәт. Чәваш чөлхи — вәл хай поэзи. Җавнашкәл чөлхепе мөнле сәвә ан җырантәр?» [10]. Җав хушарах чәваш прози җөнө XXI ёмөрте еплерех аталанса пынине тишкерсе җырнаҗ статьясем җине-җинех пичетленеҗсө [5; 6].

Г. Юмарт чәвашән авалхи кун-җулөнче пәллә йөр хәварнаҗ җынсем җинчен поэмәсем җырасине малалла тәсәт [8, с. 125]. 2011 җ. «Тәван Атәл» журналта вәл «Модә патша», «Кул Гали», «Ылтән хөҗ» хайлавсем пичетлет. Вёсенче мухталә җынсен кун-җулне, вёсен пөлтөрөшне сәнласа парать. Вёсемпе паянхи чәваш хушшинче җыхәнү пуррине кәтартаҗ. Хайлава пәллә җын авалләх тата паттәрләх тупинчен пөтөмлетүллө шухәш каланә евөр е ун җинчен кәлуҗә каласа панә пек йөркеленө. «Улшәнү кёнеки» поэмәра лирика харкамҗи авалхи китаҗсен «Улшәнүсен кёнеки» хайлаван пөлтөрөшө җинчен шухәшләт. Унта чәваш төнче курәмне җывәх пәлләсем пуррине асәрхәт вәл: этем җут җанталәкпа пёр пулни, сар кайәк сәнарө тата ыттисем те.

Төрлө тәрәхра пуранәкан таврапөлүҗсөсем те сәмахләх пуянләхөпе усә курса халәхән авалләхө, җуралнаҗ ялөн кун-җулө, унти пәллә ырансем җинчен каласа парас туртәмлә. Урмек Ваҗли (В. М. Пузырев) Муркаш тәрәхөнчи Сар тон ятлә ыран пирки калакан халапсене пёр җөре пуҗтарса «Сартон» (2016) трагедиллө новелла хайлат. С. Кунар (С. А. Иванов) «Этем кун-җулө» (2014) сәвәлла романра XX ёмөр пуҗламәшөнче Сөнтөрвәрри тәрәхөнче пулса иртнө историллө пуләмсене сәнлат. А. Малышев, Тәхәрәял чәвашө, калас сәмахө нумай пулнине кура, вәрәм сәвәсем е поэмәсем җырат. Вёсене «Пуҗ сырман шухәшсем» (2020) кёнеке пуҗтарса пичетленө. Хайлавсенче тәван тәрәхән историйө, тутар-монголсен вәхәчө, улпутсем хуҗаланни, патша хресченёсем пулни, йәла-йөрке пуянләхө тата ытти те сәнарланна. Хайөн шәпи җинчен те каласа парать автор: малтанхи савнийө урәххине качча тухни, Җөпөр вәрманө тәрәх төлей шыраса җүрени, төнчене сәвәҗ пулса килнишөн явапләха туйни. Лирика харкамҗине ытларах авалләх ыйтәвө хумхантарать. «Арман» элегире вәл аслашшө лартса хәварнаҗ җил арманө пирки сәмах пуҗарать. «Авалхи тухьсен хүхлевө» поэмәра Такәрвар ялөн кун-җулө төпре. Пайпулат тәрәхне хаяр тәшман килет. Унпа ар паттәрсем, хөр паттәрсем, ватти-вөтти тата ыранти ыр-хаярсем көрешөҗсө. Тәшман халө те чәваша пөтерме әнтәлат. Анчах вәл авалхи пек хөҗпе тапанса килмест, интернет урлә, пирөн пурнаҗа җәмәлләхсем көртсе тәван чөлхене пөтерме тәрәшәт. Сәвәҗ авалхи халапа паянхи пурнаҗса җыхәнтарать, чөлхене упрама кирлине асәрхәттарать.

Чәвашән авалләхө С. Асамата та хумхантарать. Вәл 2020 җ. «Чән сәмахән суйи җук...» автобиографиллө, историпе публицистикәллә, халаплә-юмахлә поэма пичетлесе кәларать. Нумай җул хушши чәвашән авалләхө, пөлтөрөшө, пуласләхө пирки төпчесе, шухәшласа җырнаҗ ёҗне вулакан умне кәларать. 2006 җ. пичетленнө уйрәм сыпәксене җулталәк вөҗөнчи тишкерүре Ю. Айташ тиркөвлөрех хак панәччө. Вёсенче ёнентерүлөх җителөксёр пулнине кәтартаҗччө [1]. Сәвәҗ хайлавра «Кам әпө, әҗстан шәтса тухнаҗ җөмье шайөнче, тәван халәх, төнче шайөнче?» [2, с. 5]

ыйтáва татса пама тáрáшaть. «Чáвaш хaлáхэн шáпи, чéлхи, тэнé, несéлэ, áрáвэ, тáхáмэ, тaврaшэ, рачé, йáхэ, Ахар авалтан пусланса паяна сити тáсáлaкан кун-сулé сáнчен шухáшлaса кáсáклaнни сáк хайлава сýртарчé» [2, с. 5], — сýрaть сáвáс. Поэмáра тёрлэ áсчaх шухáшэсене шута илнэ, хáйне май áнлaнтaрсa пaнá. Тép сáнарсем те пур кунта: Халапсá-автор, Шýтсэ-комик Чудик, Синкерсэ-Трагик — Чудак, сыравсáсем, áсчaхсем, пaллá юрáссем, улах хáнисем, Асáм, Авaллáх. Уйрáм сыпáксене вэсен ячэпе йёркеленэ, теприсенче калусá хáй шухáшне мала кáларать. Хайлавра макарон чéлхипе усá курни паянхи чéлхе тáрáмэнчен, тасамарлáхэнчен тáрáхлaс тенипе сýхáннá-тáр. Автор пирэн ситменлэхсене айкинчен кáртaть. Тытáмэпе хáйне евёрлэ хайлавра С. Асамат тaвлaштaрaкан, пуса ёслеттерсе яракан шухáшсем сахал мар калать.

Паттáрлáх темине хускaтaкан, йáхри, тaврари мухтaвлá пёр-пёр сын сáнчен каласа паракан поэмáсем сэнэ тапхáргa та пур. Вэсенче ХХ ёмёрти лиро-эпика традицийэсем тэпре. Л. Федоровáн «Днепр паттáрэ» (2014), «Чул чечек» (2014) поэмисем Тáван сэр-шывáн Аслá вáрсипе сýхáннá. Г. Кёмёлэн «Шáпа» (2015) поэминче кукашшэн синкерлэ шáпи тэпре. Хайлава уйрáм сыпáксем сине пайланá. Калу пуслaмáшэнче тэп сáнар вут сýрнине сáнланá. Вáл урам тáрáх пыракан ёрэхсе кáйнá лашана тытса чарать, лав сáнчисене вилёмрен хáтарать. Сакáнта ёс-пус тэвэленме тытáнaть те. Хáюллá каччáна вырáс офицерэ патша сáрне илсе каять. Офицера ситнэ сáмрáк 1917 с. пáлхав хыссáн яла тaврáнaть, килти юхáннá хусáлáха ура сине тáратать. Колхозсем йёркелеме пусласан ял ертýсисем унáн пурлáхне туртса илэсэсэ, хáйне Магнитогорска áсaтaсэсэ. Завод хáпартнá сэрте тáрáшaкан Иван вáрсá пуслансан хáй ирэкэпе фронта каять, штрафбaтра сáпáсa паттáрла пусне хурать. Автор Иванáн аптраманлáхне, хáюлáхне, сирэплэхне палáртма тáрáшaть. Паттáрлáх тымарэ áсган аталанса тухнине тэпчет.

Г. Матвеева «Киле килчэ салтак вáрсáран» (2009), «Чáвaш» (2015) поэмисенче вáрсá хáварнá сурансем паянхи кун та манáса тухманнине сáнлaть. «Чáвaш» поэмáра вáрсá вáхáтэнче Польша территорийэнче тылра тáшманпа керешнэ партизансен отрячэ пирки сáмах пырaть. Сáк отряда Чáвaш ятлá командир ертсе пынá. Унáн чáн ячэ — Яков Николаевич Николаев. Паттáрáн арáмэн те, Наштукáн, чылай йывáрлáх витэр тухма тивет. Вáл алáри ачапа Белоруссирен тáван ялне тaврáнма пултaрaть. Упáшки хыпарсáр сýхалнине сынсем шанмасáр йышáнасэсэ. Сáк сáлтaвшáн сáмрáк хёрарáмáн пурнáсэченче тата та йывáрлáхсем хушáнасэсэ. Автор чáтáмлá та тýсэмлэ хёрарáм сáнарэсене ёнентерýллэ кáртaть. Вáрсáра тата вáрсá пула пус хунисен ячэсене асра тытмаллине асутaрaть.

Н. Ишентей иртнэ вунá сýллáхра поэмáн сэнэ тэсэсене шутолaса кáларассипе палáрнáччэ [7]. «60 минутлáх шáплáх» (2011) хайлавáн жанрне вáл халáх поэми тесе палáртaть. Ку публицистикáллá, политикáллá хавхаллá хайлав. Калусá «Тэнчере мэн вáйлá?» йыту сине президент, банкир, депутат хурав шырани сáнчен каласа парaть. Вэсем сáмах áстинчен, цифра хусáнчен, сэр ёсченэнчен, áслáлáх сыннинчен, саккун сыраканран йытáсэсэ. Чайлдфри идейсене тытaкан хёрарáм чáнлáх манра тет, ача пахчинчи ачасем вара чáнлáх пирэнте тэсэсэ. Пробиркáри ачан монологэ пур. Вáл хáй тымарсáр, чунсáр пулнишэн пáшáрхaнaть. Хайлаври калáва сýл сýрев мелэпе йёркеленэ. Анчaх тэп сáнарсем хáйсене хумхaнтaрaкан йыту пирки сынсем мэн шухáшланине пёлме ялсем, хулaсем тáрáх сýремэсэсэ, паянхи интернет технологийэпе усá курасэсэ. Телекэпер урлá вэсем тёрлэ вырáнта пурáнакан сынсемпе курса каласáсэсэ. Урама усáлма тухсан хёрпе каччá чечек лартнине курасэсэ. Чáнлáх юрaтура иккен, пурнáс ун сáнче тытáнса тáрать.

Поэмара автор асталӑхӗ кашни сӑнарӑн пуплевне уйрӑм виҫе, ҫемӗ, хӑйне евӗрлӗ чӗлхепе йӗркеленинче те палӑрат. Чӑнлӑх шыракан президент, банкир, депутат ячӗсене кашни сыпӑк, ӗҫ-пуҫ хыҫҫӑн тепрер хут калани А. Некрасовӑн «Кому на Руси жить хорошо?» хайлавне аса илтерет.

Ҫармӑс прозин паянхи сӑн-сӑпатне хакланӑ май Т. Н. Беляева авторсем ытларах истори темине хускатнине асӑрхат. Аваллӑх пирки ҫырма чылай ҫамӑлтарах, кунта шухӑша ирӗке яма пулат. 1930-мӗш ҫҫ. репресси, вӑрҫӑ терт-нуши, 1990-мӗш ҫҫ. пӑтӑрмахлӑхӗ, паянхи кун ыйтӑвӗсем ҫинчен хайлама вара кӑткӑсрах, мӗншӗн тесен шухӑша ирӗке яма ҫук [3, с. 36 — 41]. Ю. Сан сӑваҫ ҫак йывӑрлӑхсенчен хӑрамасть. «Нацмэн» (2018) сӑвӑлла романти вӑл чӑваш пурнӑҫӗн хӑй евӗрлӗхне иртнӗ ӗмӗрӗн 90-мӗш ҫҫ. пуҫласа 2010 ҫ. таран сӑнласа кӑтартат. Хайлава онегин ҫаврипе ҫырни хисепе тивӗслӗ. Романӑн хӑйне евӗрлӗ пролог пур. Калуҫӑ тӑван ялне кайса килет, ял ҫынни кунта мӗнпе сывланине, мӗнле хуйхӑ-савӑнӑҫпа пурӑннине паллаканран ыйтса пӗлет. Йынкка Ҫтапанчӗн калаҫӑвӗнче иртӗхсе пурӑннӑ ҫынсене явап тытмалли вӑхӑт та ҫитет текен шухӑш палӑрат. Тӗп сюжет йӗрӗ Макара платникӑн Микул ятлӑ ывӑлӗпе ҫыхӑннӑ. Десантник пулма, кайран университета вӗренмешкӗн кӗме ӗмӗтленекен ҫамрӑк амӑшӗн ыра ятне хӗтӗлесепе пуҫтах ачана вӗлерет, тӗрме ҫынни пулса тӑрат. Хайлавӑн чылай пайӗ Микулӑн тӗрмери пурнӑҫне сӑнланипе ҫыхӑннӑ. Мӗн пур йывӑрлӑха ҫӑтса ирттерет ҫамрӑк, ирӗке тухат, савнӑ ҫыннине чунсӑр упӑшкинчен туртса илме пултарат. Анчах та суйлавҫӑсен таса мар ӗҫӗсене курнӑ кӗнтелене аварие лексе вилмелле тӑваҫҫӗ.

Хайлав виҫӗ пайран тӑрат: малтанах — Микулӑн тертлӗ пурнӑҫӗ, иккӗмӗш сыпӑкра — унӑн савнӑ хӗрӗн Анукӑн шӑпи. Виҫӗмӗш пайра вӗсен ҫулӗсем пӗрлешӗҫҫӗ, анчах та нумайлӑха мар. Романри калава публицистикӑллӑ, политикӑллӑ ҫаврӑмсемпе ҫӑралатнӑ. Калуҫӑ пуҫлӑхсене, наци конгресӗнче ларакансене вӑрҫат, вӗсем пирки хӑй мӗн шухӑшланине уҫҫӑн калат. Хайлава чӑваш ялӗн пуласлӑхӗ, аваллӑхӗ, пӑлхар тата хун тымарӗсем ҫинчен шута ӱкни те пур. Иртнӗ ӗмӗрӗн 90-мӗш ҫҫ. пӑтӑрмахлӑхӗ ҫамрӑксен шӑпине хуҫнине те кӑтартнӑ. Автор чӑваш литературинче сайра тӗл пулакан «тӗрме ҫынни» темӑна аталантарат.

Ю. Санӑн геройӗсене икӗ ушкӑна пайлама пулат: Микулпа унӑн майлисем. Вӗсем ыра, анчах лайӑх мар ҫынсенчен пӗр вӗҫӗм нуша тӗҫеҫҫӗ; Микулана хирӗҫсисем — усал, хӑйсемшӗн ҫеҫ тӑрӑшакан, пурлӑха сума сӑвакан, чунсӑр, чӑвашлӑха маннӑ, ӑна курайман ҫынсем. Усал чунлӑ сӑнарсене, пролога систерсе каланӑ пекех, чыссӑр вилӗм, шӑпа тавӑрни кӗтет. Уйрӑм сӑнарсен прототипӗсем пурри те сисӗнет (Турцири университета вӗренме кӗме сӗнекен сухаллӑ ҫын). Хайлаври хӗрӑрӑм сӑнарӗсем те ӗненерӗллӗ, хисепе тивӗслӗ. Вӗсем йывӑрлӑха, уйрӑлава ҫирӗппӗн ҫӑтса ирттереҫҫӗ.

Автор хайлава ырӑсла та хӑех куҫарнӑ. Кунта хускатнӑ ыйтусене «Нацмэн» калавра малалла тӑснӑ. Сӑвӑлла роман паянхи кун пулса иртекен ӗҫ-пуҫа хак пама тӑрӑшнипе пӗлтерӗшлӗ.

Н. Карлин ҫырни «Селиме» (2016) балладӑри сюжет халӑх сӑмахлӑхӗнчи вӑйпа качча панӑ хӗр мотива ҫывӑх. Ёҫченлӗхпе, хитре юрланипе палӑрса тӑракан хӗре ялти арман хуҫи ашшӗпе амӑшӗн парӑмӗшӗн качча илесшӗн. Вӗсен туйне пӑсас тесе Иштукан, тӑлӑх тарҫӑ, пуянӑн арманне вут тивертет. Хӑй Ҫӗпӗре ӑсанат. Шанчӑка ҫухатнӑ Селиме сӗрӗм тивнипе вилет. Виличчен телейсӗр шӑпи ҫинчен юрӑ юрласа хӑварат. Автор «социаллӑ пурнӑҫ баллади» [4] жанр традицийӗсене тытса пырат. Малтанах Селимен пурнӑҫӗ савӑк, вӑл мӗн пур ӗҫе юрласа пур-

наҫлать, Иштуканпа шӑпине ҫыхӑнтарма ӗмӗтленет. Хӗр пурнӑҫран хӑй ирӗкӗпе уйрӑлас тени халӑх сӑмахлӑхӗнчи сюжетлӑ юрӑсен традицийӗсене ҫывӑх.

Пӗтӗмлетӗ

2011 — 2020 ҫҫ. ҫаваш лиро-эпики жанр тӗсӗсем, хускатакан ыйтусем тӗлӗшӗнчен нумай енлӗ пулнипе палӑрса тӑрать. Ҫыравҫасем литературӑра ХХ ӗмӗрте ҫирӗпленнӗ поэзи традицийӗсене малалла аталантарасҫӗ, вӗсем урлӑ паянхи куна хаклама тӑрашасҫӗ. Лиро-эпикӑллӑ хайлавра халӑх сӑмахлӑхӗпе усӑ куракансем, тӑван тӑрӑхӑн, халӑхӑн аваллӑхне сӑнлакансем шутӗнче Г. Юмарта, С. Асамата, А. Малышева асӑнмалла. Сӑваҫсем иртнипе паянхи тачӑ ҫыхӑнура пулнине кӑтартаҫҫӗ. Вӑрҫӑри паттӑрлӑха мухтасси юбилейсем ирттернипе, асаттесен ячӗсене вилӗмсӗрлетессипе ҫыхӑнӑ. Йывӑр вӑхӑтра ҫынна паттӑрла ӗҫ тума мӗн хавхалантарнине Л. Федорова, Г. Кӗмӗл, Г. Матвеева шыраҫҫӗ. Вӗсем тӗп сӑнаран кун-ҫулӗнчи пӗлтерӗшлӗ самантсене, вӑрҫӑ вӑхӑтӗнчи паттӑрлӑхне сӑнлаҫҫӗ. Ҫаваш лиро-эпикине ҫӗнӗлӗх кӗртес енӗпе Н. Ишентей палӑрать. Вӑл «паянхи поэма» ҫӗнӗ жанр тӗсне алла илет, унӑн калӑвне ҫул ҫӳрев мелӗпе йӗркелет. Обществӑри социаллӑ тӗрлӗ сий мӗнпе пурӑннине кӑтартать. Н. Карлинпа Ю. Сан лиро-эпикӑн классикӑллӑ тӗсӗсене аталантарасҫӗ. Н. Карлин социаллӑ балладӑра вӑйпа качча панӑ хӗр мотивӑн ҫӗнӗ тӗслӗхне каласа кӑтартать. Ю. Сан сӑвӑлла роман традицийӗсене алла илет, хайлава онегин ҫаврипе ҫырать. Иртнӗ ӗмӗрӗн 90-мӗш ҫҫ. пулса иртнӗ ӗҫсене хак парать, Унӑн романтикӑллӑ сӑнарӗ пурнӑҫри тӗрӗсмарлӑхсене хирӗҫ тӑрать. Автор тӑван чӗлхен иртни тата пуласлӑхӗ, чун тасалӑхӗ тата ҫирӗплӗхӗ, чыс тата тивӗҫ ыйтусене хускатать; публицистикӑллӑ тата политикӑллӑ хавхасене калӑва кӗртет.

ҪӒЛКУҪСЕН СПИСОКӒ / СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айташ Ю. Пурӑнат поэзи, пурӑнат [Жива поэзия, жива] // Тӑван Атӑл. 2007. 7 №. С. 117 — 121.
2. Асамат С. Чӑн сӑмахӑн суйи ҫук... Автобиографиллӗ, историпе публицистикӑллӑ, халаплӑ-юмахлӑ поэма [В слове правды кривды нет... Автобиографическая, историко-публицистическая, былинно-сказочная поэма]. Шупашкар: Ҫӗнӗ вӑхӑт, 2020. 616 с.
3. Беляева Т. Н., Кудрявцева Р. А., Шкалина Г. Е., Гусева Н. В. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. 182 с.
4. Игнатьева Е. А. Чувашская эпическая поэзия: проблемы формирования и развития жанров: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 202 с.
5. Никифорова В. В. Чувашская повесть начала XX века // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 135 — 151.
6. Никифорова В. В. Чӑваш прозин 2016 — 2020 ҫулсенчи аталанӑвӗ [Развитие чувашской прозы 2016 — 2020 годов] // Чӑваш халӑх историйӗпе культурин ҫивӗч ыйтӑвӗсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 7 / сост. и науч. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 168 — 193.
7. Софронова И. В. Особенности лиро-эпики Н. Ишентея // Духовные основы отношений человек — природа: материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием (г. Чебоксары, 25 января 2023 г.). Вып. 4 / ответственные редакторы Р. В. Михайлова, Е. В. Агаева. Чебоксары: ЧГСХА, 2023. С. 291 — 294.
8. Софронова И. В. ХХ ӗмӗр вӗҫӗнчи ҫаваш поэзийӗ (1991 — 2000 ҫулсем) [Чувашская поэзия конца XX века (1991 — 2000 годы)] // Чӑваш халӑх историйӗпе культурин ҫивӗч ыйтӑвӗсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 7 / сост. и науч. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 114 — 138.
9. Энтепе А. Манра тӗпе пурӑнат [Во мне живет небо] // Тӑван Атӑл. 2020. 9 №. С. 60 — 63.

REFERENCES

1. Aytash Y. Purānat poetry, purānat [Poetry is alive, alive] // Tāvan Atāl. 2007;7:117 — 121. (In Chuvash)
2. Asamat S. Chān sāmakhān suyī ҫuk... Avtobiografillĕ, istoripe publicistikällä, halaplä-yumahlä poema [There is no falsehood in the word of truth... Autobiographical, historical-journalistic, epic-fairy-tale poem]. Shupashkar;2020:616. (In Chuvash)

3. Belyaeva T. N., Kudryavtseva R. A., Shkalina G. E., Guseva N. V. Modern Mari lyrics: artistic models of the world and the poetics of creative individuality: collective monograph. Yoshkar-Ola;2022:182. (In Russ.)

4. Ignatyeva E. A. Chuvash epic poetry: problems of formation and development of genres: monograph. Cheboksary;2005:202. (In Russ.)

5. Nikiforova V. V. Chuvash narrative of the early 20th century // Chuvash humanitarian Vestnik. 2023;18:135 — 151. (In Russ.)

6. Nikiforova B. B. Chăvash prozin 2016 — 2020 çulsenchi atalanăvê [Development of Chuvash prose in the period of 2016-2020] // Chăvash halăkh istoriiepe kulturin çivêch ytăvêsem: article sen pukhhi = Current issues of history and culture Chuvash people: the collection of articles. Vol. 7 / comp. and scientific ed. V. V. Nikiforova. Cheboksary;2024:168 — 193. (In Chuvash)

7. Sofronova I. V. The lyric-epic features of N. Ishentey // Spiritual foundations of the relationship between man and nature: materials of the All-Russian (National) scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, January 25, 2023). Issue 4 / editors-in-chief R. V. Mikhailova, E. V. Agaeva. Cheboksary;2023:291 — 294. (In Russ.)

8. Sofronova I. V. 20 êmêr vëçênchi chăvash poetryë (1991 — 2000 çulsem) [Chuvash poetry of the late XX century (1991 — 2000)] // Chăvash halăkh historyepe kulturin çivêch yutăvêsem: articlesen pukhhi = Current issues in the history and culture of the Chuvash people: the collection of articles. Vol. 7. / comp. and scientific Ed. V.V. Nikiforova. Cheboksary;2024:114 — 138. (In Chuvash)

9. Entepe A. Manra tope purănat [The sky lives in me] // Tăvan Atăl. 2020;9:60 — 63. (In Chuvash)

Статья редакции 10.06.2025 çитнê;
рецензиленê хыççăн 15.09.2025 ырланă; 22.09.2025 пичеге йышăннă

Автор çинчен:

Софронова Ирина Владимировна, И. Н. Ульянов ячêллê
Чăваш патшалăх университетчêн доцентê
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 15),
Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхêсен институтчêн аслăлăх аслă êстетêшê
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи аслăлăхêсен кандидачê,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7695-4968>, muxtar2@yandex.ru
*Пайталăх конфликтчê: автор пайталăх конфликтчê çуккине пêлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.*

Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 22.09.2025

Информация об авторе:

Софронова Ирина Владимировна, доцент Чувашия государственного университета им. И. Н. Ульянова
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15);
старший научный сотрудник Чувашия государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7695-4968>, muxtar2@yandex.ru
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 10.06.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 22.09.2025

Information about the author:

Irina V. Sofronova, associate professor at I. N. Ulyanov Chuvash State University
(15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Russia, 428015); senior researcher
at Chuvash State Institute of Humanities
(building 1, Moscow Avenue, 29, Cheboksary, Russia, 428015),
Candidate of Philology Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7695-4968>, muxtar2@yandex.ru
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

**ВИДЫ ИСКУССТВА (МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО) /
ARTS (MUSICAL ARTS) / ЎНЕР ТЁСЁСЕМ (МУЗЫКА ЎНЕРЁ)**

УДК 780.6(470)

ББК 85.315.6(2)

Научная статья

**МАСТЕР П. Е. ВОЛКОВ И «ЗНАМЕНИТЫЕ ГУСЛИ»
ШЕРЕМЕТЕВСКОГО ДВОРЦА**

М. Г. Кондратьев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

Mikh-kondratev@yandex.ru

Аннотация. Творчество чувашского мастера шлемовидных гуслей П. Е. Волкова получило известность в обстановке угасания многовековых народных традиций в конце XIX в. Успехи П. Е. Волкова неоднократно отмечались в печати современниками. Статья посвящена перипетиям изучения истории одного из его инструментов. В новейшее время московским музыковедом М. Ф. Леоновой была высказана гипотеза, что гусли П. Е. Волкова, отмеченные медалью выставки 1902 г., были использованы в качестве символа национальной русской культуры на юбилейных чествованиях композитора М. И. Глинки. Данное предположение было повторено автором в статьях 2023 г. Появление этой гипотезы побудило Санкт-Петербургского инструментоведа В. В. Кошелева провести атрибуцию обсуждаемого инструмента, находящегося в фондах Шереметевского дворца — Музея музыки. Им было установлено имя мастера, использовавшего в качестве прототипа гусли П. Е. Волкова для создания символического инструмента, посвященного М. И. Глинке. Воздавая должное результатам современной атрибуции, автор настоящей статьи считает, что изготовление инструмента Санкт-Петербургским мастером не отменяет определения типа инструмента как чувашского *кёсле*.

Ключевые слова: шлемовидные гусли, П. Е. Волков, гипотеза М. Ф. Леоновой, атрибуция В. В. Кошелева, тип инструмента, чувашский *кёсле*

Для цитирования: Кондратьев М. Г. Мастер П. Е. Волков и «знаменитые гусли» Шереметевского дворца // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 144 — 154

© Кондратьев М. Г., 2025

Scientific article

**THE MASTER P. E. VOLKOV AND “THE FAMOUS GUSLI”
OF THE SHEREMETEV PALACE**

M. G. Kondratiev

Chuvash State Institute of Humanities,

г. Cheboksary, Russia

Mikh-kondratev@yandex.ru

Abstract. The work of the helmet-shaped gusli by the Chuvash master P. E. Volkov became famous in the context of centuries-old folk traditions' extinction at the end of 19th century. His contemporaries repeatedly noted about his success in press. The article is devoted to the ups and downs of one of his instrument's history. According to the Moscow musicologist M. F. Leonova P. E. the Volkov's gusli awarded a medal at the 1902 exhibition and were used as a symbol of

national Russian culture at the anniversary celebrations of the composer M. I. Glinka. This assumption was repeated by the author in the articles of 2023. This hypothesis prompted the St. Petersburg instrumentologist V. V. Koshelev to carry out an attribution of this instrument which is in the collections of the Sheremetyev Palace Museum of Music. He established the name of the master used P. E. Volkov's gusli as a prototype to create a symbolic instrument dedicated to M. I. Glinka. Paying tribute to the results of modern attribution, the author of this article considers that the manufacture of the instrument by a St. Petersburg craftsman does not negate the definition of the instrument type as a Chuvash kёsle.

Keywords: the helmet-shaped gusli, P. E. Volkov, the hypothesis of M.F. Leonov, the attribution of V. V. Koshelev, the type of instrument, the Chuvash kёsle

For citation: Kondratiev M. G. The master P. E. Volkov and “the Famous Gusli” of the Sheremetyev Palace // Modern humanities. 2025;1(3):144 — 154

Аслăлăх статийи

П. Е. ВОЛКОВ ǺСТА ТАТА ШЕРЕМЕТЕВ КЕРМЕНǺН «ЧАПЛА КǺСЛИ»

М. Г. Кондратьев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхǺсен институтǺ,

Шупашкар, Раççей

Mikh-kondratev@yandex.ru

Аннотаци. Чăваш шлем евǺр кёсле астин П. Е. Волкован пултарулăхǺ XIX ёмǺр вёсǺнче халăхан нумай ёмǺрлǺ йăли-йǺрки сўнсе пынă лару-тăрура палăрнă. П. Е. Волкован ситёнǺвёсем синчен унăн саманташǺсем пичетре темисе хутчен те сырнă. Статьяна унăн пǺр инструменчен историне тǺпчес ыйтăва халалланă. 1902 ç. куравсен медалǺпе палăрнă П. Е. Волкован кёсли пирки сǺнǺ вăхăтра Мускав музыковечǺ М. Ф. Леонова сăп-ларах шухăш каланă: унпа М. И. Глинка композиторан юбилей чыславǺнче вырăс наци культурин символǺ вырăнне усă курнă-мǺн. Сăк тǺшмǺртǺ-шухăша автор 2023 ç. статья-сенче те аса илнǺ. Ку гипотеза Санкт-Петербургри инструмент тǺпчевсине В. В. Кошелева Шереметев керменǺн — Музыка музейǺн — фондǺнче упранакан инструмент сўл-йǺрне тǺпчеме хистенǺ. Вăл П. Е. Волков кёслипе прототип вырăнне усă курса М. И. Глинканă халалланă символ инструмент асталанă сын ятне тупса палăртнă. Сăк статья авторǺ хальхи атрибуци кăтартавǺсене тивёслипе хаклать, сăв вăхăтрах Санкт-Петербург асти туса хатǺрленǺ инструмента чăваш кёслин тулли евǺрǺ тесе шутлать.

ТǺп сăмахсем: шлем евǺр кёсле, П. Е. Волков, М. Ф. Леонова гипотези, В. В. Кошелев атрибуцийǺ, инструмент тǺсǺ, чăваш кёсли

Цитатăлама: М. Г. Кондратьев. П. Е. Волков аста тата Шереметев керменǺн «чапла кёсли» // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 144 — 154

Введение

Гусли шлемовидного типа¹ в музыкальной этнографии XVIII — XIX вв. не раз упоминались в связи с Поволжьем, а выражение «чувашские гусли», как указывают историки, стало привычным термином, который «вошел в обиход, и многие музыканты шлемовидные гусли называли “чувашскими”» [2, с. 113]. В обстановке угасания многовековых народных традиций А. С. Фаминцын отмечал, что в руках русского народа гусли представляют уже «весьма редкое, исключительное явление» [21, с. 75]. В своей монографии гусли-псалтериум он иллюстрировал чувашским и марийским образцами. Именно тогда получил известность мастер

¹ В инструментоведении различаются три типа гуслей: *крыловидные*, они же *звончатые*, *шлемовидные*, они же *псалтиревидные* (к ним относятся гусли народов Поволжья, в том числе чувашский *кёсле*), *прямоугольные*, они же *столообразные*.

шлемовидных гуслей П. Е. Волков (1869 — 1913) из д. Синьял-Ориноно Козьмодемьянского у. Казанской губ. (ныне Моргаушского муниципального округа Чувашской Республики). Он оказался единственным, о ком не раз упоминали в печати специалисты и кого при жизни отмечали наградами общероссийского масштаба. При этом необходимо отметить, что ни этническое происхождение мастера, ни конкретная этнокультурная принадлежность его инструментов не обсуждались, ибо музыковеды *a priori* исходили из принятого в музыкальной этнографии того времени упрощенного представления, что вообще любые гусли — «чисто славянский народный музыкальный инструмент» [23, с. 142 — 143].

Результаты исследования и их обсуждение

Впервые образец творчества П. Е. Волкова обратил на себя внимание в 1896 г. на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. Название выставки указывало, что ее экспозиции не имели этнографического характера. Поэтому в аннотациях, кроме имени и места проживания экспонента, никаких сведений не приводилось. Среди 46 музыкальных инструментов — в их числе: 1 фисгармония, 1 пианино, 1 скрипка (между прочим, мастера Григория Петрова из Чебоксарского уезда), 2 виолончели и целых 40 гармоник — не затерялись и гусли — аутентичный народный инструмент. В справочном издании сообщалось о его изготовителе: «Волков, Павел Егорович, Казанская губ., Козьмодемьянский у., Акрамовская вол., д. Синьял-Орино» [1, с. 95] (текст первоисточника сохранен; должно быть *Акрамовская вол., д. Синьял-Орино*. — М. К.). Ошибки в написании ойконимов, экзотических на слух составителей «Альбома участников Всероссийской выставки», были неудивительны — в Нижнем Новгороде поправить их было некому.

Образец редкого инструмента комментировался известными специалистами. В книге «Музыка на XVI Всероссийской выставке» музыкального критика И. В. Липаева глава «Кустарные изделия инструментов» начиналась с рассуждения: «Лучшим мерилom того, насколько русский народ нуждается в музыкальных инструментах, и в каких именно, служит показателем Кустарный, XI Отдел выставки. <...> Перейдем к *Гуслям*, инструменту, уцелевшему теперь только в глухих местностях России, по преимуществу в лесных ее районах. Гусли экспонирует крестьянин П. Волков из деревни Синьял-Орино (так в тексте. — М. К.) Казанской губернии. Корпус этих гуслей выделан из сосновых тонких дощечек, очень чисто и даже изящно. По бокам идут колки, числом 33, натягивающие струны. При дотрогивании они издают очень приятные, ласкающие слух звуки. Как жаль, что нельзя добыть сведений, в каком количестве расходуется этот инструмент» [13, с. 57 — 58].

Уделил внимание инструменту и издатель «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзен. В отчете о выставке он написал: «Мне встретились образцы народных музыкальных инструментов лишь в трех отделах: *русские* (курсив здесь и далее в цитируемой статье принадлежит ее автору. — М. К.) — в отделе кустарном, *северных инородцев* — в сибирском отделе и *восточные* — в средне-азиатском... Из *русских* народных музыкальных инструментов (оставляя в стороне изделия гармонных дел мастеров) мне встретились два интересных экспоната — 1) *гусли* и 2) *деревянный барабан*, работы Волкова (Павла Егорова), крестьянина деревни Синьял Оринина (так в тексте. — М. К.) (татарская?), Акрамовской волости, Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Первый из экспонатов представляет прекрасный образец (деревянных) народных *гуслей*, весьма тща-

тельной работы. Форма их полукруглая, как и у инородческих гуслей. Имеют 31 струну. Из коих две нижние (басовые) металлические, остальные — жильные» [22, с. 1009]. Совершенно очевидно — Н. Ф. Финдейзен не считает инструмент «инородческим», а его создателя «инородцем».

В книге историка А. И. Иванова-Ехвета воспроизводится найденный им в архиве черновик письма Н. Ф. Финдейзена 1896 г. Он свидетельствует о серьезности интереса к редкому инструменту:

«Павлу Егоровичу Волкову (мастеру инструментов).

Павел Егорович!

На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде я видел выставленные в кустарном отделе Ваши работы: 1) гусли — ц. 2 р. 25, 2) деревянный барабан — ц. 3 р.

Прошу Вас сообщить мне немедленно, есть ли у Вас теперь готовые эти инструменты и можете ли Вы мне выслать в Петербург одни гусли и один барабан? Я очень желал бы купить эти инструменты. Если вы согласны, то напишите — сколько мне выслать Вам денег за них. Также я хотел бы иметь сведения о Вас: когда Вы родились, где научились своему мастерству, играете ли сами, много ли у Вас идет в продажу гуслей и барабанов? На ответ прилагаю конверт» [6, с. 290].

Волков, разумеется, откликнулся на просьбу петербургского ценителя и доставил ему инструменты. О цене гуслей 2 руб. 25 коп. Финдейзен упомянул и в цитируемой статье.

Внимание столичных музыковедов XIX в. к псалтиревидным гусям понятен: образованной российской публике впервые за несколько десятилетий был явлен свежий и весьма совершенный образец музыкального инструмента, который, по общепринятому представлению, в народном быту давно исчез. Поэтому заинтересованно обсуждается место происхождения инструмента. Липаев говорит о «глухих местностях России, по преимуществу в лесных ее районах», а Финдейзен задается вопросом — деревня Казанской губернии, имеющая непривычное для русского уха название, не татарская ли? Коллекционер музыкальных инструментов, он, естественно, знает о существовании «инородческих» гуслей, но экспонат Волкова к таковым не относит. Основываясь на православном имени мастера — жителя Казанской губернии, Финдейзен не может считать его и магометанином (татаринном), но и не предполагает, что он «инородец». Сам же крестьянин Волков, несомненно обрадованный успехом в глазах важных столичных господ, вряд ли обсуждал с ними свое происхождение. А сами музыковеды не считали нужным выяснять детали, ставшие актуальными гораздо позже в другой социально-исторической обстановке.

В фондах Санкт-Петербургского музея археологии и этнографии (Кунсткамера) имеются двое шлемовидных гуслей из коллекции Н. Ф. Финдейзена, переданные после его кончины (в 1929 г.) в МАЭ его вдовой [10, с. 121]. С этим обстоятельством, видимо, связаны некоторые неточности в данных музейных этикеток (например, время создания «до 1929 г.», место создания «Марий Эл», автор «неизвестен»). Анализ информации об инструменте под номером МАЭ № 3972-30 [15], датированном XIX в., приводит к выводу, что этот инструмент приобретен Н. Ф. Финдейзеном в 1896 г. Определен инструмент как чувашский, по-видимому, не вдовой, а музейными специалистами советского времени:

Категории описания	Данные музея об экспонате	Примечания 2025 г. (М. К.)
Музейный номер	МАЭ № 3972-30	
Наименование, название	Гусли чувашские	Определено экспертами МАЭ по типу инструмента
Этническая принадлежность	Чуваши	Определена экспертами МАЭ по месту происхождения мастера
Место создания	Россия, Марий Эл, Козьмодемьянский р-н (Казанская губ. Козьмодемьянский у., Акрамовская волость)	Место создания — д. Синьял Оринино, — ошибочно отнесено к современной Республике Марий Эл
Географическая локализация места создания	Среднее Поволжье	
Время создания	До 1929 г.	То есть в личной коллекции даты не было, инструмент поступил в музей после кончины собирателя
Автор	Неизвестен	То есть в архиве Н. С. Финдейзена имя мастера не зафиксировано
Собиратель	Частное лицо, Финдейзен Николай Федорович (1868 — 1928)	
Материал	Дерево, металл, пластмасса, кишки животного	
Размер	Длина — 120,0; ширина — 55,5; высота — 17,0	
Аннотация	Гусли принадлежали крестьянину Казанской губернии Козьмодемьянского уезда, Акрамовской волости, д. Синьял Оринино, Павлу Егоровичу Волкову	То есть данные о Волкове сохранились только как о владельце выставочного инструмента

П. Е. Волков продолжал работать и совершенствовать свое искусство вплоть до 1913 г. Одной из вершин признания его мастерства стало участие во Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1902 г. в Санкт-Петербурге. 20 апреля 1902 г. выставочный комитет, утверждая списки наград, с формулировкой «За дешевые гусли большой звучности» удостоил П. Е. Волкова бронзовой медали [20, с. 42]. Здесь он вновь встретился с уже знакомым ему покупателем. В опубликованном дневнике Н. Ф. Финдейзена имеется запись от 15 марта 1902 г.: «В пятницу 15-го был на Кустарной выставке. Купил гусли для музея (за 4 р.)» [24, с. 98].

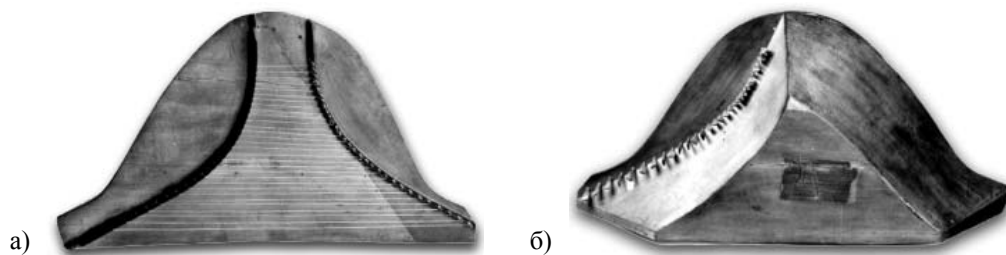
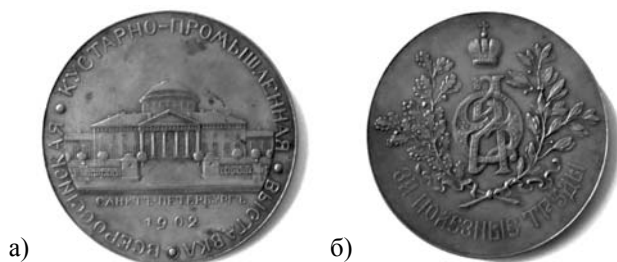

Рис. 1. Кёсле П. Е. Волкова, датируемый XIX в. (т. е. 1896 г.).
Фото с сайта Санкт-Петербургского музея антропологии и этнографии [15].
Музейный номер МАЭ № 3972-30

Так в коллекции Н. Ф. Финдейзена появились еще одни шлемовидные гусли, принадлежавшие, согласно упомянутому каталогу, П. Е. Волкову, находящиеся в МАЭ под № 3972-31. На этикетке, приклеенной к инструменту, имеется дата

Рис. 2. Аверс медали
П. Е. Волкова с надписью:
«Всероссийская кустарно-
промышленная выставка.
Санкт-Петербург. 1902» (а);
реверс медали с надписью:
«За полезные труды» (б).
Научный архив ЧГИГН

«6 апреля 1902 г.» и обозначена цена «2 руб.» [10, с. 123]. В музейных данных обнаруживается еще одно расхождение с данными самого Н. Ф. Финдейзена, купившего инструмент 15 марта за 4 руб.

В 2001 г. в журнале «Музыкальная жизнь» вышла статья московского музыковеда М. Ф. Леоновой, в которой сообщалось, что П. Е. Волков за гусли с «механическими колками» удостоился бронзовой медали и на Казанской международной выставке в 1909 г. [12, с. 37]. Собрав факты о творчестве мастера Волкова, М. Ф. Леонова выдвинула гипотезу, что его инструмент с выставки 1902 г. был использован в 1907 г. в качестве символа национальной русской культуры на юбилейных чествованиях основоположника русской композиторской школы М. И. Глинки. В его знаменитой опере «Руслан и Людмила» гусли стали атрибутом легендарного песнопевца Бояна из «Слова о полку Игореве». Для этого, по мнению М. Ф. Леоновой, инструмент П. Е. Волкова неизвестным ей петербургским мастером был богато инкрустирован и украшен рисунком из альбома В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» [12, с. 37]. В результате инструмент приобрел торжественный вид, соответствующий задаче стать символом русского искусства, и вошел в экспозицию в здании, где впервые ставились оперы М. И. Глинки, позднее ставшем Петербургской консерваторией.

Сегодня эти гусли находятся в фондах Санкт-Петербургского Шереметевского дворца — Музея музыки, и их фотографии доступны на многих сайтах интернета, посвященных гуслиям.

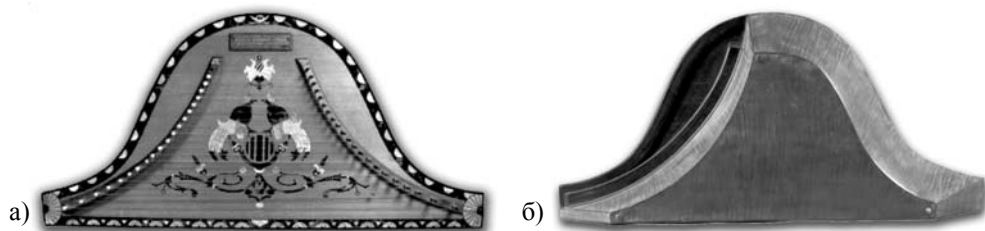

Рис. 3. «Гусли Бояна». Фото с сайта «Гусли псалтиревидные — Норман И. М.» [5]

Если исключить внешнее оформление, акцентируемое в современных описаниях «гуслей Бояна»², то противоречия с гипотезой М. Ф. Леоновой не возникает. Инструмент во всех деталях — по геометрии и размерам верхней и нижней дек, сложно изогнутым обечайкам, стыковочным брускам, соединяющим обечайки

² «В край деки, дна и ребер обечаек инкрустирована полоса почерненного дерева. По краям и в центральной части деки инкрустации из перламутра, черепахового панциря и черного дерева в виде геометрического и растительного орнамента и двух павлинов. Струнодержатель и вирбельбанк из белого металла; 20 костяных штифтов; 21 железный колок с 4-гранной головкой. Дно и обечайки из волнистого клена; лак красный. 20 струн (из них две с канителью, остальные кишечные без канители) [5].

с трапециевидной плоской передней стенкой, по уникальной конусоподобной форме и глубине объемистого корпуса, расположению колков и форме струноносителей, количеству струн и т. п. — представляет собой самый что ни на есть типичный *кёсле*. Аналогичные по типу шлемовидные инструменты, бытующие у крещеных татар, нагайбаков, удмуртов в тех или иных деталях имеют достаточно заметные отличия. В частности, их корпус часто лишен конусности. По словам исследователя нагайбакских гуслей, такой инструмент имеет «полуцилиндрическую форму корпуса. <...> У чувашских инструментов все обечайки соединялись с деками под острыми и тупыми углами, что отличает их от нагайбакских» [7, с. 48 — 49]. Особенно далеко отошли от конструкции *кёсле* марийские мастера, в конце XIX в. нередко повторявшие чувашские образцы.

Изучая особенности чувашского псалтериума, с естественным интересом я познакомился с публикацией М. Ф. Леоновой в журнале «Музыкальная жизнь» и, ссылаясь на нее, повторил ее предположения в своих статьях «Мастер Павел Волков в истории псалтиревидных гуслей» и «Чувашский *кёсле* в истории псалтиревидных гуслей России» [3; 19]. Даже обнаружив в современном Государственном каталоге музейных фондов Российской Федерации информацию, что создателем этого инструмента был другой мастер [4]³, не счел нужным отказываться от гипотезы М. Ф. Леоновой, полагая, что на фоне целого роя выявленных неточностей в публикациях об инструментах П. Е. Волкова эта информация лишь продолжает цепь недоразумений и является следствием описанной у М. Ф. Леоновой перedelки внешности инструмента в 1907 г. К сожалению, мне не были известны результаты атрибуции, выполненной хранителем коллекции музыкальных инструментов Шереметевского дворца — Музея музыки В. В. Кошелевым. Они опубликованы в одном из томов Научного каталога «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства» [18]. Он пришел к выводу об ошибочности предположения М. Ф. Леоновой, ибо «на внутренней стороне деки ... было обнаружено клеймо Санкт-Петербургского гусельного мастера И. М. Нормана» [8, с. 100]. В другом месте он же пишет о рукописном протографе: «В 2014 г. на верхней части внутренней поверхности деки “Гуслей Глинки” мы обнаружили надпись, нанесенную от руки карандашом: Работа J. M. Норманъ / 31 янв. 1907 г.» [8, с. 107]. То есть говорить о клейме в прямом значении слова, наверное, не стоило, но в принципе это дела не меняет. Корпус инструмента был вскрыт только в 2014 г., и Леонова не могла этого знать.

Мимо внимания В. В. Кошелева не прошли и мои публикации 2023 г. Он продолжил свои изыскания и выступил в 2024 г. на II научно-практической конференции «От “СЛОВИШИ” до электрогуслей» в Великом Новгороде, затем подробнейшим образом изложил результаты своих исследований в статье «“Гусли Глинки”: из истории изучения музейного предмета». В ней раскрыты многие детали из истории «гуслей Бояна» (называемые им «гуслями Глинки»).

Тем не менее, критически анализируя тексты — как мои, так и Леоновой, В. В. Кошелев и сам допускает неточности. Например, его утверждение, что «М. Ф. Леонова (1913 — ?) высказала мнение о том, что в 1902 г. “Гусли Глинки”

³ В Госкаталоге сообщается: Норман И. М. Гусли псалтиревидные. Период создания: 1907. Материал, техника: дерево, металл, перламутр, панцирь черепахи, инкрустация, лак. Размер: 960×463×100 мм. Место создания: Россия. Санкт-Петербург. Номер в Госкаталоге: 4634021. Номер по КП (ГИК): СПбГМТМИ ГИК 16516/1323. Инвентарный номер: X 487. Местонахождение: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства».

изготовил чувашский мастер П. Е. Волков (1869 — 1913)» [8, с. 100], существенно меняет угол зрения на проблему. О том, что Волков — чувашский мастер, М. Ф. Леонова, как и ее предшественники, не говорила даже в виде предположения. При этом ее нельзя упрекнуть в игнорировании этнокультурной природы музыки и национальности музыкантов на выставке 1902 г. Например, она рассказывает о выставочных концертах, «на которых выступали русские и украинские хоры, ансамбль рожечников под руководством Кондратьева, балалаечники, солисты, игравшие на изготовленных ими инструментах. В газетах отмечены чуваш Чебоксарского уезда, деревни Разметовой (совр. Уразметево. — М. К.) Григорий Петров, исполнявший на скрипке собственного изделия чувашские мелодии, цимбалист Лепянский, кобзарь Кравченко из Полтавы» [12, с. 36]. О П. Е. Волкове же Леонова сообщает, что его имя упоминалось в лекциях о славяно-русском песнетворчестве, проводившихся в 1914 — 1915 гг. в Императорском Археологическом институте. По ее сведениям, П. Е. Волков «был единственным кустарем, делавшим гусли, называемые волжскими или чувашскими» [12, с. 37]. Определение типа инструмента здесь никак не комментируется, но в своей книге об истории гусельного искусства под «волжскими» она подразумевает русские шлемовидные гусли [11, с. 79, 83]. Наряду с этим отмечает, что у себя в деревне Волков делает и гусли «другого устройства» — черемисские [12, с. 37]. То есть информация о волжских «инородцах», в данном случае марийцах, не проходит мимо ее внимания, но выставочные инструменты Волкова к ним отношения не имеют.

Между тем уже в 1920-е гг. достаточно было выйти за пределы уютного и комфортного для исследователей мира всероссийских выставок и столичных музеев, чтобы развеять недоразумение. Например, в трудах этнографа Н. В. Никольского содержались конкретные сведения о гусельном промысле: «Производство музыкальных инструментов: гуслей, скрипок, балалаек в дореволюционное время было развито в д. Синь-йал, в Ориине, Козьмодем[ьянского] у. Занималось 15 — 20 хозяйств. Когда спрос среди чуваш уменьшился, заниматься этим трудом стало только 3 хозяйства. Гусли крестьянина Волкова фигурировали на Нижегородской, Казанской и Петроградской выставках. Волков получил бронзовую медаль и свидетельство.

Волков готовил гусли в большом количестве для магазинов Мюллер и Циммерман в Нижнем Новгороде. Работал Волков круглый год. Годовой доход его в довоенное время составлял для крестьянина очень почетную цифру — 960 руб. Цены на гусли у Волкова стояли такие: “гусли с простыми, деревянными колками от 1 р. 50 к. до 2 р.; гусли с железными колками от 4 р. до 7 р.; гусли большие — 8-четвертные 10—12 р.”» [16, с. 116].

Но к трудам по этнографии чувашей и их соседей исследователи не обращались. Имя выдающегося мастера П. Е. Волкова в советские годы было предано забвению. Это понятно из слов В. М. Кривоносова, изучавшего чувашские музыкальные инструменты в конце 1930-х гг. Владимир Михайлович, явно оппонировавший мнениям предшественников, пишет: «Синьяр-Ориино (еще один «столичный» вариант названия родной деревни мастера. — М. К.) состоит из сплошного чувашского населения. В ней известны были в течение последних 15—20 лет (а может быть, и раньше) два брата Волковы (имена их не установил), которые известны были и за пределами деревни (также и в г. Чебоксары) в качестве гусельных мастеров. Один из братьев Волковых был жив еще в 1935 г. и занимался еще производством гуслей. Все это дает основание предполагать, что экспонированные в 1896 г. гусли и барабан принадлежали к чувашским музыкальным инструментам и считать их русскими инструментами оснований не имеется» [9, с. 259]. Лишь

недавно орининские краеведы собрали материал для объемистой книги «Оринино: дорогие сердцу имена и образы. Сборник очерков и воспоминаний», где восстановлена родословная мастера, начиная с XVIII в. [17, с. 213]. Соответственно, крестьянин Павел Егорович Волков — потомственный продолжатель многовековой национальной традиции, выделившийся из множества сельских мастеров незаурядными способностями и качеством своих инструментов.

Благодаря разысканиям В. В. Кошелева выяснено настоящее имя изготовителя «знаменитых гуслей». Иное дело — его суждения по поводу типа инструмента. Интерпретируя мой текст, В. В. Кошелев не выходит за пределы распространенной в отечественном инструментоведении концепции «чисто славянской» (по Н. Ф. Финдейзену) природы любых гуслей, считая ошибочным утверждение: «М. Г. Кондратьев... разделяет выводы, сделанные М. Ф. Леоновой..., сочтя при этом “Гусли Глинки” чувашским “кёсле” (“кёсле”))» [8, с. 100].

Между тем признание изготовителем инструмента И. М. Нормана не отменяет определения типа инструмента и вполне согласуется с честными указаниями А. С. Фаминцына на чувашские гусли в качестве «драгоценного» образца псалтиревидного инструмента [21, с. 103 — 104]. Кстати, сам В. В. Кошелев называет гусли И. М. Нормана «однотипными» с *кёсле* П. Е. Волкова [8, с. 98].

Иван Мартинович Норман вошел в историю как создатель оркестровой семьи звончатых гуслей по проекту Н. И. Привалова [14, с. 210]. Получив заказ сделать другой инструмент — гусли-псалтериум, он вынужден был искать достойный образец для воспроизведения. Этот редчайший для северной столицы России инструмент имелся в коллекции Н. Ф. Финдейзена. Упомянутую М. Ф. Леоновой встречу изготовителя «гуслей Бояна» с Н. Ф. Финдейзеном В. В. Кошелев считает возможной, допуская, что этим мастером был И. М. Норман [8, с. 117].

Заключение

Обращение к гуслиам П. Е. Волкова как к образцу со стороны организаторов мероприятия в честь М. И. Глинки не было ошибкой, ибо в те времена шлемовидные инструменты в выставочных материалах безальтернативно проходили по категории «русские гусли». Тем не менее инструмент, аккуратнейшим образом воспроизводящий устройство народного прототипа, был и остается чувашским *кёсле*. Поэтому неточен еще один из тезисов, приписываемых Леоновой ее оппонентом: «...было решено кёсле (так в тексте. — М. К.), “превратить”... в русские гусли» [8, с. 96]. Ибо о подобном *превращении* никто даже не помышлял; предполагалось, что высоко оцененный специалистами инструмент П. Е. Волкова, украшенный инкрустациями, имел право предстать в образе символа древнеславянской культуры. Реально же инструмент чувашского мастера из деревни с загадочным названием Синьял-Оринино послужил образцом для создания в столице России «праздничного» варианта *кёсле*, по стечению обстоятельств получившего название «гусли Бояна».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альбом участников Всероссийской Промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. 1896 г. Санкт-Петербург, [1896]. 468 с.
2. Бусыгин Е. П., Яковлев В. И. Гусли у поволжских народов // Советская этнография. 1985. № 2. С. 109 — 116.
3. Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11. № 4. С. 97 — 104.
4. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://gokatalog.ru/portal/> (дата обращения: 09.08.2024).
5. Гусли псалтиревидные — Норман И. М. [сайт]. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/gusli-psaltirevidnye> (дата обращения 09.08.2024).

6. Иванов-Ехвет А. И. Музы ищут приют. К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с.
7. Кошелев В. В. Нагайбакские гусли. Опыт комплексного исследования // Искусство Татарстана: пути становления. Казань, 1985. С. 39 — 53.
8. Кошелев В. «Гусли Глинки»: из истории изучения музейного предмета // Opera musicologica. 2025. Т. 17. № 1. С. 96 — 128.
9. Кривонос В. М. Краткое описание чувашских музыкальных инструментов и заметки об инструментальной музыке чувашей // Музыкальная фольклористика. Москва, 1986. Вып. 3. С. 258 — 278.
10. Лаврентьева Л. С., Салмин А. К. Коллекции МАЭ РАН: Чуваши (опыт каталога) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. LIV. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 109 — 135.
11. Леонова М. Ф. Поборники гуслей. Москва: Советская Россия, 1990. 128 с.
12. Леонова М. Знаменитые гусли // Музыкальная жизнь. 2001. № 2. С. 35 — 37.
13. Липаев И. Музыка на XVI Всероссийской Выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Санкт-Петербург, 1896. 86 с.
14. Ломтев Д. Г. Русские народные музыкальные инструменты в ассортименте фирмы «Юлий Генрих Циммерман» // Временник Zubовского института. 2021. Вып. 3. С. 207 — 216.
15. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук [сайт]. URL: <https://www.kunstkamera.ru/?ysclid=mffdzne8et577243950> (дата обращения: 02.06.2024).
16. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары, 1929. 226 с.
17. Оринино: дорогие сердцу имена и образы: сборник очерков и воспоминаний / авт.-сост. М. Г. Матросова, Р. В. Иванова. Чебоксары: Новое время, 2007. 456 с.
18. Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. Коллекция музыкальных инструментов: научный каталог / авт.-сост. В. В. Кошелев, Т. И. Хордофоны щипковые: Струнные щипковые музыкальные инструменты. Санкт-Петербург: СПбГМТиМИ, 2014. 312 с.
19. Сохранение национальных традиций в народно-инструментальном искусстве: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Москва: ПРОБЕЛ-2000, 2023. С. 15 — 26.
20. Участие Казанской губернии на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге в 1902 году. Отчет В. Н. Косолапова. Казань, 1902. 55 с.
21. Фаминцын А. С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. Санкт-Петербург, 1890. 135 с.
22. Финдейзен Н. Со Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде // Русская музыкальная газета. 1896. Санкт-Петербург. Т. III. С. 1009 — 1019.
23. Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России. С древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. Вып. II. С древнейших времен до начала XVIII века. Москва; Ленинград: Музсектор Госиздата, 1928. С. 105 — 236, IX — XVIII.
24. Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1902 — 1909. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 2010. 392 с.

REFERENCES

1. The album of participants of the All-Russian Industrial and Art Exhibition in Nizhny Novgorod. 1896. Saint Petersburg, [1896]: 468. (In Russ.)
2. Busygin E. P., Yakovlev V. I. The Gusli among the Volga peoples // Soviet ethnography, 1985;2:109 — 116. (In Russ.)
3. Journal of Musical Science. 2023;11(4):97 — 104. (In Russ.)
4. The state catalog of the Museum Fund of the Russian Federation [website]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (date of contact 09.08.2024). (In Russ.)
5. Gusli psaltirevidniye — Norman IM [website]. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/gusli-psaltirevidnye> (date of contact 09.08.2024). (In Russ.)
6. Ivanov-Yekhvet A. I. Muses are looking for shelter. The history of pre-revolutionary Russian-Chuvash cultural relations. Music. Theatre. Cheboksary: Chuvash. Publishing House, 1987:351. (In Russ.)
7. Koshelev V. V. Nagaybak gusli. Experience of complex research // Art of Tatarstan: ways of becoming. Kazan, 1985:39 — 53. (In Russ.)
8. Koshelev V. “Gusli Glinka”: the history of the study of a museum subject // Opera musicologica. 2025;17(1):96 — 128. (In Russ.)
9. Krivonosov V. M. A brief description of the Chuvash musical instruments and notes on the instrumental music of the Chuvash//Musical folklore. Moscow, 1986;3:258 — 278. (In Russ.)
10. Lavrentieva L. S., Salmin A. K. The collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography: Chuvash (catalog experience) // the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. No LIV. Saint Petersburg: Science, 2008:109 — 135. (In Russ.)
11. Leonova M. F. Goose champions. Moscow: Soviet Russia, 1990:128. (In Russ.)

12. Leonova M. Famous gusli // Musical life. 2001;2:35 — 37. (In Russ.)
13. Lipaev I. Music at XVI-All-Russian Exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Saint Petersburg, 1896:86. (In Russ.)
14. Lomtev D. G. Russian folk musical instruments in the assortment of the company “Julius Heinrich Zimmerman” // Temporary Zubovsky Institute. 2021. Issue 3:207 — 216. (In Russ.)
15. The Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great of the Russian Academy of Sciences [website]. <https://www.kunstkamera.ru/?ysclid=mffidzne8et577243950> (date of contact 02.06.2024). (In Russ.)
16. Nikolsky N. V. A short course in ethnography of Chuvash. Issue 1. Cheboksary, 1929:226. (In Russ.)
17. Orinino: dear to the heart names and images. Sat. essays and memoirs. Authors-compilers: M. G. Matrosova, R. V. Ivanova. Cheboksary, 2007:456. (In Russ.)
18. Saint Petersburg State Museum of Theater and Music. Musical instrument collection. Scientific catalog/aut.-com. V. V. Koshelev. Volume I. Plucked chordophones: Stringed musical instruments. Saint Petersburg: SPbGMI, 2014:312. (In Russ.)
19. Preservation of national traditions in folk instrumental art: problems and prospects. Materials of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: PROBYeL-2000, 2023:15 — 26. (In Russ.)
20. The participation of the Kazan province at the All-Russian handicraft and industrial exhibition in St. Petersburg in 1902. Report by V. N. Kosolapov. Kazan, 1902:55. (In Russ.)
21. The Famintsyn A. S. Gusli. Russian folk musical instrument. Saint Petersburg, 1890:135. (In Russ.)
22. Findeisen N. From the All-Russian Exhibition in Nizhny Novgorod // Russian Musical Newspaper. 1896. Saint Petersburg. Vol. III:1009 — 1019. (In Russ.)
23. Findeisen N. F. The essays on the history of music in Russia. Ancient times to the end of the 18th century. Vol. 1. No. II. From ancient times to the beginning of the XVIII century. Moscow; Leningrad: Music sector of the State Publishing House, 1928:105 — 236, IX — XVIII. (In Russ.)
24. Findeisen N. F. Diaries. 1902—1909. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 2010:392. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.09.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 12.09.2025

Информация об авторе:

Кондратьев Михаил Григорьевич, главный научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
доктор искусствоведения, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0394-3170>, Mikh-kondratev@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 08.09.2025;
approved after reviewing 10. 09. 2025; accepted for publication 12.07.2025

Information about the author:

Mikhail G. Kondratiev, chief researcher Chuvash State Institute of Humanities
(bldg. 1, 29, Moskovsky pr., Cheboksary, Russia 428015),

Doctor of arts, professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0394-3170>, Mikh-kondratev@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 08.09.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӑн 10.09.2025 ырланӑ; 12.09.2025 пичете йышӑнӑ

Автор сиччен:

Кондратьев Михаил Григорьевич, Чӑваш патшалӑх
гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх тӗп ӗстешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
искусствоведени ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0394-3170>, Mikh-kondratev@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал сӑрайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 7.067+75+930.85
ББК 85.143+85.8

Научная статья

ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЖИВОПИСИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. А. Малинина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
m-anila@mail.ru

Аннотация. История изобразительного искусства Чувашии в своем развитии находила отражение в научных и научно-популярных публикациях специалистов, справочной литературе, а также в особом литературном жанре — мемуарах участников происходящих событий. В этом объеме живописи как наиболее развитому в республике виду искусства отведен более широкий пласт опубликованных материалов, который рассматривается в данной статье. Его обзор формируется по типу изданий и по хронологии: от первых публикаций, появление которых связано с участием первых чувашских художников в выставках, до современных, созданных квалифицированными специалистами.

Ключевые слова: художники Чувашии, чувашская живопись, публикации искусствоведов, чувашское искусство, мемуары художников, каталог выставки

Для цитирования: Малинина А. А. История чувашской живописи в искусствоведческой литературе // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 155 — 168

© Малинина А. А., 2025

Scientific article

THE HISTORY OF CHUVASH PAINTING IN ART CRITICISM

A. A. Malinina

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
m-anila@mail.ru

Abstract. The history of fine arts in the Chuvash Republic has been reflected in scientific and popular science publications by specialists, reference literature, and a special literary genre – the memoirs of participants in the events. The article considers the broader range of published materials devoted to painting as the most developed form of art in the republic. The review is organized by type of publication and chronology, from the first publications appeared with the participation of the first Chuvash artists in exhibitions to modern publications created by qualified specialists.

Keywords: Chuvash artists, Chuvash painting, art critics' publications, Chuvash art, artists' memoirs, exhibition catalog

For citation: Malinina A. A. The history of Chuvash painting in art criticism // Modern humanities. 2025;1(3):155 — 168

Аслăлăх статии

ЧĂВАШ ЖИВОПИЩĔН ИСТОРИЙĔ ЎНЕР ТĔПЧЕВ ЛИТЕРАТУРИНЧЕ

А. А. Малинина

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
m-anila@mail.ru

Аннотаци. Чăваш Республикин сăнарлă ўнер историйĔ хайĕн аталанăвĕнче тĕрлĕ енлĕн ыраннă: специалистсен аслăлăх, популяр аслăлăх статии-кĕнекинче, справоч-

никсенче, саван пекех литературан ятарла жанрэнче — ўнер ёсне хутшанна сынсен мемуарёсенче. Статъяра республикара чи аталанна ўнере — живописе — тишкерсе сырна материалсене пахса тухна. Тёпчеве каларамсен тёсне кура тата хронологипе йёркеленё: малтанхи публикацисенчен пусласа (вёсем тухни чавашсен пёрремёш ўнерёсем куравсене хутшаннипе сыханна) паянхи кун квалификацилле специалистсем сырна ёссем таран.

Тён сáмахсем: Чаваш Ен ўнерёсем, чаваш живописё, ўнер тёпчевёсен ёсёсем, чаваш ўнерё, художниксен мемуарёсем, курав каталогё

Цитатáлама: Малинина А. А. Чаваш живописён историйё ўнер тёпчев литературинче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 155 — 168

Введение

Период становления профессионального изобразительного искусства в Чувашии исторически совпал с периодом образования автономии. Его начальным этапом можно считать организацию в сентябре 1920 г. секции ИЗО при Отделе народного образования Чувашской автономной области [47, с. 328] и учреждением в феврале 1926 г. Чебоксарского отделения Ассоциации художников революционной России (АХРР). В процессе своего формирования и развития изобразительное искусство республики наиболее плодотворно проявило себя в живописи.

Источником настоящего исследования явилась совокупность литературы, дающая широкую картину развития чувашской живописи. Это информативные, обзорные публикации, анонсы, анализ и оценка выставок в периодической печати, а также более глубокие и профессиональные исследования и монографии. Весь объем написанного и опубликованного требует, на наш взгляд, рассмотрения по хронологии их выхода в свет. Становление и развитие этого вида искусства в республике обусловило проявление к нему интереса специалистов и последовательно формировало публикации по темам. Таким образом, совершенно четко прослеживается и процесс развития чувашского искусствоведения.

Материалы и методы

Материалом исследования стали публикации, отражающие состояние чувашской живописи на протяжении всего периода ее развития. Среди них монографии и обзорные статьи искусствоведов, а также справочная и мемуарная литература. В ходе работы использовались качественные методы исследования, такие как анализ текстов и контент-анализ произведений живописцев, репродуцируемых в альбомах, каталогах, который позволил систематизировать различные виды контента с целью выявления закономерностей, тенденций и особенностей. Качественный метод позволил понять причины появления публикации, ее стиль, дать характеристику и интерпретировать информацию. Классификация как фундаментальный метод познания позволила структурировать информацию на основе определенных признаков. Анализ всего объема публикаций был рассмотрен с учетом социокультурного контекста методом историко-культурного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

В региональной историографии обозначены самые значительные факты и сведения об истории развития живописи в Чувашской Республике. Авторы не ставили перед собой задачу анализировать причины и условия зарождения профессионального изобразительного искусства и его эволюции. Давалась лишь положительная характеристика деятельности отдельных художников, обогативших культурную жизнь республики. Первой известной публикацией стала небольшая статья Н. Латвиненко о художнике Моисее Спиридоновиче Спиридонове в № 10 журнала «Сунтал» в 1927 г. [17]. Более полной и объективной представляется

статья выдающегося деятеля чувашской культуры Ф. П. Павлова «На выставке картин», опубликованная в № 11 «Сунтала» за 1927 г., где он в попытке объективной оценки «первой выставки чувашских художников» подробно рассматривает произведения каждого художника, представленные в экспозиции, называя их сильные и слабые, с его точки зрения, качества. Ф. П. Павлов убежден, что «отображение жизни чувашского трудового народа» в произведении является важнейшим качеством для «нашего» художника [24, с. 140].

Публикации квалифицированных специалистов стали выходить со второй половины XX в. В республике в 1960-е гг. появились свои искусствоведы. Первыми были А. Г. Григорьев, Н. А. Ургалкина и А. А. Трофимов. С этого времени история развития чувашской живописи стала находить свое отражение прежде всего в научных трудах: в их числе монографии, а также обзорные труды по общим вопросам художественного творчества. В 1967 г. выходит книга А. Г. Григорьева «Сто тысяч красок», в которой рассматривается изобразительное искусство советской Чувашии. Сам автор признает, что в ней «затрагиваются лишь некоторые вопросы творчества художников республики в послевоенный период». Их обсуждение он предваряет «небольшой исторической прогулкой по пути чувашского изобразительного искусства» [12, с. 6]. В дореволюционном искусстве чувашей А. Г. Григорьев рассматривает «народное изобразительное творчество» [12, с. 7], к которому относит чувашскую деревянную архитектуру, существование различных форм орнамента в вышивке, ткачестве, пиктографической письменности, а также и в скульптуре, в том числе надгробные столбы из дерева. В качестве профессионального искусства он рассматривает деятельность иконописных мастерских, российского архитектора XVIII в. чуваша П. Е. Егорова, чувашского поэта Константина Иванова, выполнившего несколько живописных работ и рисунков, а также тех художников, которые начали свое обучение в Петербургской Академии художеств еще до 1917 г. (А. А. Кокель, М. С. Спиридонов, Н. К. Сверчков, А. А. Александров и М. А. Адрианов).

О положении художественной культуры республики в 1950 — 1960-х гг. А. Г. Григорьев пишет более обстоятельно. Являясь инициатором организации в 1960 г. художественно-графического факультета (на базе физико-математического) Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева [42, с. 11], он стал первым его деканом, заведующим кафедрой изобразительного искусства, преподавателем. В рамках публицистического жанра он составил «первую развернутую работу о развитии чувашского изобразительного искусства» [12, с. 4].

Темой научных изысканий Н. А. Ургалкиной также явилось изобразительное искусство Чувашии. Материалы, собранные в работе над диссертацией, легли в основу ее первой книги «Чувашское советское искусство в 1917 — 1970 гг.» [39]. В ней она впервые рассматривает каждый из видов изобразительного искусства отдельно, прослеживая пути их развития. Автор старается назвать всех художников, работавших в республике на протяжении почти шестидесяти лет: с 1917 до начала 1970-х гг. Среди них и громкие имена, и художники, известные сегодня лишь специалистам.

1970-е гг. отмечены интересом к искусству автономных республик. Результатом внимания известных советских искусствоведов к чувашскому искусству явились специальные публикации. В 1973 г. в Ленинградском издательстве «Художник» вышла книга-альбом, демонстрирующая тенденции изобразительного искусства автономных республик [14]. Она была подготовлена ведущими искус-

ствоведами страны В. А. Юдичевым и В. В. Вансловым по итогам выставки произведений художников автономных республик РСФСР, проходившей в Москве в 1971 г. В подготовке разделов, посвященных каждой из 16 автономий, были привлечены местные специалисты. Главу о Чувашии начинает статья Н. А. Ургалкиной, где она уделяет большое внимание живописи. Для альбома были подготовлены репродукции хорошего качества.

Автор ряда трудов, в том числе по истории и теории изобразительного искусства республик Поволжья, советский искусствовед С. М. Червонная в 1978 г. издает монографию «Живопись автономных республик РСФСР (1917 — 1977)» [46]. Она прослеживает развитие одного из ведущих жанров искусства в российских автономиях, включая Чувашию. Формирование национальных художественных школ автор видит в тесной взаимосвязи с общими социальными преобразованиями в Российской Федерации. Значительную роль она отводит Казани, являвшейся в начале XX в. одним из центров российской культуры, где художественную школу прошли многие известные мастера изобразительного искусства автономных республик. Наиболее значительные произведения художников представлены в книге цветными и черно-белыми репродукциями.

А. Г. Григорьев и Н. А. Ургалкина продолжают писать историю чувашского искусства в формате обзорной публикации. Григорьев в небольшой работе «У истоков профессионального изобразительного искусства Чувашии» обращается к ее начальному этапу. Анализируя творческий метод художников республики, он ищет «условия и предпосылки формирования» [13, с. 2] профессионального искусства в глубине веков, утверждая связь с культурными достижениями народов, проживающих на территории от Дуная и Прибалтики до Урала и Тянь-Шаня, Китая, Средней Азии, Кавказа, Двуречья и Индии. Автор апеллирует к фактам существования различных мировых культур, откуда могли исходить корни чувашского профессионального изобразительного искусства. Обращаясь к чувашским живописцам, он называет первых — Кокель, Александров, Сверчков, и современных — Овчинников, Кипарисов, Гурин, Павлов, Карачарсков, связывая их творческий подход с идеологическими требованиями времени [13].

В 1978 г. в Ленинградском издательстве «Художник» вышла книга Н. А. Ургалкиной «Художники Чувашии» [38], посвященная зарождению в республике изобразительного искусства. Она подробно рассматривает процесс формирования культурного пространства и места в нем живописи, анализирует художественные особенности картин, включает репродукции самых значительных. Исследование охватывает период от начала 1920-х до конца 1970-х гг. Работа Ургалкиной над этим изданием проходила в тесном сотрудничестве с ведущими чувашскими художниками. Собранный материал стал основой для создания ею отдельных монографий. Таким образом, вышли книги о М. С. Спиридонове [36], Ю. А. Зайцеве [40], Н. К. Сверчкове [37], положившие начало серии «Художники Чувашии». Занимаясь исследованием истории развития чувашского изобразительного искусства, творчества чувашских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, особенностей их мастерства, пропагандируя изобразительное искусство республики, Н. А. Ургалкина внесла серьезный вклад в создание литературы об истории чувашской живописи.

Методы работы Н. А. Ургалкиной были строго научными. Ее основательный подход к работе выдают ссылки на материалы государственных архивов Чувашской и Татарской АССР, Российского государственного исторического архива

СССР, а также личных архивов художников. Используя специальную литературу, редкие публикации и воспоминания современников, она сумела создать объективную картину чувашского искусства в контексте событий истории. Основательный и скрупулезный подход к работе оказался полезным в создании уникального издания — биобиблиографического справочника. Первый был подготовлен и выпущен в 1968 г. [44]. Его востребованность подвигла к переизданию справочника в 1989 г. [45]. Ими пользуются искусствоведы, сотрудники музеев, журналисты и составители биографий художников. Материал, собранный и оформленный в единый классификатор, являет собой бесценный источник сведений. В нем данные о художниках в алфавитном порядке: о времени и месте рождения, учебы, работы, участия в выставках. Библиографический список завершает каждую статью. Чрезвычайно полезен раздел, где перечислены все выставки с 1927 по 1988 г., включая персональные. Справочные данные последнего издания не отменяют предыдущего, поэтому каждое из них представляет ценность непреходящего значения.

Художественная жизнь в Чувашии продолжалась, невзирая на социальный и экономический кризис в 1990-х гг. Расширялся коллектив Союза художников, обновляясь новыми членами, новыми выставками, проектами. Необходимость в актуальной справочной литературе была очевидной и в 2005 г., к 70-летию творческой организации, когда выходит альбом-каталог Союза [33], а в 2008 г. — иллюстрированный биографический справочник альтернативной организации — Союза чувашских художников [6]. Первый создан в формате альбома — справочная информация здесь представлена скупо. Второй более информативен, однако для справочного формата излишне описателен.

В большом, несколько помпезном издании 2017 г. — «Изобразительное искусство Чувашской Республики» [35] — чувашская живопись представлена в ряду других видов искусства. Авторы концепции организовали структуру альбома весьма специфично. Блоки, включающие в себя отдельные виды искусства с информацией о художниках, структурно не выстроены, поясняющая информация крайне мала. Однако альбом благодаря иллюстративному ряду дает реальную картину художественной жизни республики.

Большой блок литературы составляют каталоги выставок. Среди значительных художественных событий региона важным этапом в жизни художников была зональная художественная выставка «Большая Волга» [4, с. 232 — 233]. Этот крупнейший проект начал свою историю с 8 июля 1964 г. в г. Куйбышеве (ныне Самара) [15]. «Огромным форумом искусства» называет это событие мордовский искусствовед Е. В. Голышенкова. Его экспонентами «являются и признанные, и молодые талантливые авторы, демонстрирующие различные творческие манеры, отражающие богатую палитру мировосприятия, соединяя национальный колорит и общечеловеческие ценности, глубокий жизнеутверждающий реализм и многообразие авангардных устремлений» [11, с. 11].

В 1985 г. Чебоксары приняли VI зональную выставку «Большая Волга». Результатом подготовки и организации проекта явился каталог, составленный из разделов каждого региона-участника [1]. Его предваряет короткая вступительная статья общего характера А. Г. Григорьева. Издание — бесценный справочный источник в работе исследователя, вобравший список лучших к середине 1980-х гг. произведений живописи, графики, монументально-декоративного, театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства восьми регионов, входящих в

зону Поволжья¹. В 2008 г. в Чебоксарах и Самаре проходила X юбилейная «Большая Волга», в связи с которой Чувашия также издала каталог. Автор вступительной статьи Е. В. Голышенкова совершает обзор ключевых произведений выставки. Богато иллюстрированный цветными репродукциями произведений, он явился наглядным материалом и для специалистов, и для широкого пользователя.

Каталоги всесоюзных, всероссийских, международных выставок, биеннале, художественных фестивалей, коллекций, арт-проектов и т. д. являют картину группового действия. Отдельную группу составляют каталоги произведений одного автора. Они, как правило, включают весь список его произведений и направлены на то, чтобы представить весь творческий путь, весь объем созданных работ. Исключительную важность представляют каталожные данные предмета, куда входят название произведения, время его создания, материал и размер. Это позволяет оценить потенциал, вклад и роль художника в контексте времени, места и культуры в целом. Примером можно назвать «Каталог произведений А. И. Миттова», составленный А. И. Мордвиновой, который включает наиболее полный список произведений выдающегося художника Чувашии [16]. Большая их часть находится в Чувашском государственном художественном музее, в том числе все известные серии работ: «Земля наших дедов», «Чувашская старина», «Алран кайми аки-сухи», «Подруги», «Качели» и др. Значительные коллекции мастера хранятся в Государственной Третьяковской галерее, научно-исследовательском музее Академии художеств РФ (г. Санкт-Петербург), Чувашском национальном музее, в частных коллекциях России и за рубежом [16, с. 2]. Работа по каталогизации обширного собрания произведений народного художника Чувашской Республики М. С. Спиридонова в Чувашском государственном художественном музее была начата Н. И. Садюковым — составлен каталог Мемориального музея-квартиры художника [28]. Подобного рода труды адресованы в первую очередь работникам музеев, искусствоведам, историкам, поскольку являются необходимым источником для изучения и осмысления творческого наследия мастеров и национальной культуры.

Следует отметить, что справочная литература, лишенная субъективной оценки и эмоционального изложения, является наиболее ценным источником в работе. Другой вид — обзорные труды, охватывающие, как правило, временной отрезок от «начала славных дел» и до момента работы над ним. В них главным образом рассматриваются основные вехи художественной жизни с перечислением ведущих художников и указанием их основных произведений, созданных в названный период. Преимущества таких публикаций в том, что события рассматриваются здесь в контексте исторического развития республики и страны в целом, а оценка деятельности мастеров изобразительного искусства выстраивается автором по степени их значимости.

Существуют труды, посвященные отдельным видам искусства. Здесь следует назвать монографию кандидата искусствоведения Ю. В. Викторова «Чувашская станковая живопись XX века» [8]. Автором представлена целостная картина зарождения, становления и развития чувашской живописи. По его мнению, истоки чувашского изобразительного искусства берут начало еще в XIX в. в Симбирской чувашской учительской школе, основанной И. Я. Яковлевым в 1868 г., где препо-

¹ В зону «Большой Волги» VI выставки 1985 г. входили Астраханская, Волгоградская, Горьковская, Куйбышевская, Саратовская, Ульяновская области и Марийская, Татарская, Удмуртская, Чувашская автономные республики.

давал Н. Ф. Некрасов² [8, с. 5]. Его уроки получали К. В. Иванов, И. С. Максимов-Кошкинский, А. В. Китаев и др. Вероятно, не следует переоценивать школьное «обучение пению, игре на скрипке, рисованию, резьбе по дереву, чувашской вышивке» [8, с. 5], пусть и проводимых «на должном уровне». Викторов, вслед за А. И. Ивановым-Ехветом, ссылаясь также на Н. А. Ургалкину, признает роль Казанской художественной школы [8] в начальном этапе становления чувашского изобразительного искусства. «Это была первая в системе средних специальных художественных учебных заведений, подведомственных Академии художеств, школа» [22]. Здесь учились первые чувашские художники и педагоги, благодаря которым в республике формировалось художественное образование и изобразительное искусство — М. С. Спиридонов, Н. К. Сверчков, В. Д. Воронов, Н. А. Каменьщиков, Ф. Л. Лаврентьев. Автор придает большое значение роли М. С. Спиридонова в становлении чувашской станковой живописи и в организации художественной жизни в республике, ссылаясь на автобиографические труды художника. В книге названы все художники-станковисты, имевшие отношение к живописи Чувашии.

Позднее в серию «Художники Чувашии» были включены тома о П. В. Павлове [47] и Н. В. Овчинникове [10]. К 1980 г. Николай Овчинников был в зените славы — занимал серьезное положение в чувашском изобразительном искусстве, возглавляя правление Союза художников Чувашской АССР (1963 — 1989), был секретарем правления Союза художников РСФСР (1961 — 1983) и преподавал на кафедре живописи Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева. О нем писали крупнейшие советские искусствоведы Н. В. Воронов и С. М. Червонная. В книге, вышедшей в 1981 г., они охарактеризовали творческую и общественную жизнь живописца и педагога.

В 1984 г. увидел свет еще один том «Художников Чувашии» — о Петре Васильевиче Павлове. Стройный рассказ повторял сложившуюся в серии логику повествования, где автор — С. М. Червонная — начинает с биографической хроники: яркий представитель сурового стиля «выбирает поворотные героические моменты истории страны и показывает, как неумолимый ход этой истории вторгался в жизнь простых людей, задевал буквально каждого. Краски художника сдержаны и скупы. Павлов — мастер точно выверенной, четкой композиции» [47, с. 12 — 13].

Во второй половине XX в. в Чувашии уже были свои искусствоведы. Факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР окончили А. Г. Григорьев (1960), А. А. Трофимов (1969), М. А. Карачарскова (1971), В. М. Петрова (1987), А. И. Мордвинова (1996), Л. Н. Васильева (1997), К. В. Малинин (2001), Т. В. Краснова (2008), аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина — Ю. В. Викторов (1974), защитили кандидатские диссертации по искусствоведению Н. А. Ургалкина (1973), А. И. Мордвинова (2004), Л. М. Харитоновна (2005), И. В. Тургай (2010), А. Н. Булганина (2012). Биографии чувашских художников стали создавать «свои» специалисты. Ю. В. Викторов начиная с 1990-х гг. создал ряд монографий о самых ярких мастерах изобразительного искусства Чувашии — Петре Кипарисове [5], Федоре Осипове [7], Анатолии Брындине [3], Элли Юрьеве [9].

² Николай Федорович Некрасов (1874 — 1923) родился в Москве. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1894 — 1902). В 1905 г. приехал в Симбирск и по рекомендации дочери И. Я. Яковлева стал учителем рисования в Симбирской чувашской школе, где проработал 18 лет (1905 — 1923).

А. И. Мордвинова опубликовала свыше сотни научных трудов по искусствоведению и ряд монографий о художниках Чувашии. Один из ее монументальных трудов — о выдающемся чувашском художнике Анатолии Миттове «Будущее не спешило ко мне...» [21], о его исключительной роли, «во многом предопределившей пути развития чувашского изобразительного искусства XX века» [21]. А. И. Мордвиновой были организованы научные конференции, выставки, пленэры, посвященные Миттову.

Книги, посвященные А. Миттову, выходили и ранее, но то были издания другого рода. Первая увидела свет спустя почти двадцать лет после его ухода — в 1990 г. [2]. Здесь помещены очерки, художественно-критические статьи, а также воспоминания тех, кто был ему близок, среди которых поэт Геннадий Айги. Поистине бесценными являются размещенные в книге дневниковые записи, рассказы и стихи самого Миттова. Эта книга стала явлением в культурной жизни республики, побудив потребность в более глубоком понимании и исследовании гения Миттова. В 2011 г. в редакции А. И. Мордвиновой была издана книга-альбом «Дорога в гору» [43], Она составлена из текстов чувашских искусствоведов и ученых и представляет современный взгляд исследователей на уникальное наследие мастера.

Автобиография — один из жанров литературы, позволяющий открыть новые грани истории чувашской живописи. Законы жанра предполагают выполнение автором определенных условий. «Главная задача автора — поведать о самых значимых событиях в своей жизни, что подразумевает и необходимость оценки произошедшего» [31, с. 55]. Так, автобиография соединяет в себе документальность и фикциональность. Первой опубликованной автобиографией чувашского художника явилась книга Н. К. Сверчкова [32]. Собранные Никитой Кузьмичом дневниковые записи, фотоснимки, документы, воспоминания были оформлены в книгу «Счастье», в которой он повествует о своем творческом пути, делится размышлениями по вопросам искусства, художественного творчества, рассказывает о тех, кто сыграл важную роль в жизни живописца. Она положила начало такого рода литературе в среде художников республики. В 1990 г., к столетию одного из первых чувашских художников, основоположников чувашского профессионального изобразительного искусства М. С. Спиридонова, вышла автобиографическая книга «Крылья памяти» [34].

О себе и о своем творчестве решил издать книгу и Н. В. Овчинников. Получив название «Миг между прошлым и будущим» [23], она настраивает читателя на серьезный лад. В аннотации заявлены все самые высокие звания автора: художник, профессор, действительный член Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики и пр. Художник ведет стройный рассказ о том, что оказалось для него самым важным в его большом жизненном пути. Авторское повествование дополнено статьями авторитетных деятелей культуры. Также приводится библиографический список, цветная вкладка репродуцирует самые значимые произведения.

К ряду достойных внимания автобиографических трудов следует отнести «Воспоминания» [25] Праски Витти (В. П. Петров). Это рассказ о жизненном и творческом мужании художника и, со слов автора, «свидетельские показания очевидца, проживающего среди своих талантливых друзей и рядом с людьми, не принимающими его работы, его образ, жизнь художника, <...> считающего своей религией живопись и графику» [25, с. 1]. Праски Витти великолепно вла-

деет словом, легко и пластично ведет повествование, вспоминая весь свой путь, «безмерно много отпущенного ему времени». Свои воспоминания он выстраивает на фоне картины эпохи — времени, которому он дает яркую характеристику. Мастер попутно дает картину жизни Чебоксар 1950 — 1960-х гг., художественного училища, взаимоотношений с сокурсниками. Далее — о Ленинграде, свободолюбивой «Мухе»³, где он учился на факультете монументально-декоративной живописи. «Воспоминания» неординарного чувашского художника сродни книге «Воспоминания о XX веке» Михаила Германа. Известный российский писатель и искусствовед опубликовал мемуарные очерки, основанные на реальных событиях, фоном для которых служит история России XX в. Прекрасный пример такого рода литературы являет нам пусть несколько субъективное, но подлинное изложение детально-подробных реалий времени советской жизни 1930 — 1990-х гг. Этот, как назвал его один из читателей, «долгий прекрасный рассказ о времени и о себе» [26] погружает в обстановку советской действительности, в которой существовала художественная интеллигенция и которая была почвой для рождения стилей, направлений, тематики живописных произведений.

В иной, весьма оригинальной, подаче был создан автобиографический рассказ Георгия Фомирякова, оформленный в книге-альбоме «Этно-Я-Futurum». В ней он приглашает читателя в мир этнофутуристического искусства, к которому относит свое творчество, рассказывает об истоках своего увлечения искусством, о чувашских традициях и делится опытом [41, с. 2]. С начала 1990-х гг. Г. Фомиряков живет и творит в деревне, выстроив творческую мастерскую и поддерживая аутентичный чувашский образ жизни. Многочисленные репродукции и фотографии оживляют изобретательную авторскую подачу материала.

Литературное творчество художника может дать направление анализу произведений, помочь в их оценке и интерпретации. Записи, которые зачастую ведут творческие личности, нередко становятся ценным источником в постижении наследия мастера. Записки художника Анатолия Рыбкина «Мой старый добрый дом» собраны и оформлены в «книгу художника» А. И. Мордвиновой в 2017 г. Она сравнивает эти «литературные этюды» с живописными и графическими произведениями художника [27, с. 6]. Изложенные на бумаге письменные зарисовки Анатолия Рыбкина — это его воспоминания о детстве, родителях и родном доме. Свой «старый добрый дом» он вынес в название книги. Эти небольшие тексты, рожденные эмоциями или яркими впечатлениями, размещенные в книге без особой хронологии, сродни произведениям художника.

Целую серию публикаций о себе и своем творчестве продолжает издавать Валерий Иванов (Северянин), называя ее путевыми заметками «по России». К 2023 г. вышло уже семь брошюр в едином, небольшом по размеру и объему, формате. Рассказы сопровождаются цветными репродукциями, хроникой выставок, документальным приложением, которые могут составить почву для исследователей.

Еще один блок искусствоведческой литературы — статьи в научных журналах и сборниках. Они призваны раскрыть новые грани в постижении малоизученных областей искусства. «Ученые записки» Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) по вопросам истории, литературы, языкознания, искусства издавались с 1941 г., а в 1957 г. начинают выходить в

³ Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой, ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица (Академия Штиглица).

отдельных сериях по отраслям науки. Искусствоведы регулярно публикуются в «Ученых записках», «Трудах», тематических сборниках, сериях сборников «Чувашское искусство» и «Проблемы художественной культуры Чувашии». Многие публикации легли в основу монографических изданий Н. А. Ургалкиной, А. А. Трофимова, Ю. В. Викторова, А. И. Мордвиновой, И. В. Тургай.

Научную деятельность в области изобразительного искусства ведет Чувашский государственный художественный музей. За более чем 80-летний исторический путь здесь были подготовлены буклеты и каталоги выставок (тематических, персональных, передвижных), составлялись аннотации, сборники, альбомы. Справочная литература [49, с. 5] приводит список из около 90 статей (к 2014 г.), опубликованных сотрудниками музея, большую и важнейшую часть, проделанную ветеранами музейного дела Л. В. Семечкиной, Н. И. Садюковым, Г. Н. Ивановым-Орковым, М. А. Карачарсковой, А. И. Мордвиновой. Н. И. Садюков, долгое время работая главным хранителем и директором музея, непосредственно участвовал в формировании музейной коллекции. В результате многолетнего опыта он подготовил к печати монографии, связанные с приобретением, хранением, исследованием произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, экспозиционной работой. Его «Записки музейного работника» (2011) [29] — подробная и увлекательная история наиболее интересных приобретений. Главным образом это произведения признанных русских и советских мастеров, нахождение которых в коллекции музея и экспонирование могло оказать влияние на чувашских художников. Книгу «Творящие прекрасное» Николай Иванович собрал и выпустил в 2013 г. Сюда вошли его статьи о наиболее примечательных выставках, организованных Чувашским государственным художественным музеем и Союзом художников Чувашии в период с 1961 по 2011 г., а также очерки о художниках, чьи произведения вошли в золотой фонд чувашского искусства [30].

О художниках Чувашии, их участии в выставках сообщали не только каталоги. В 1960 — 1990-е гг. шире, подробнее, популярнее писали для периодических изданий специалисты (искусствоведы, музейщики-кураторы выставок), а также журналисты. В республиканской прессе публикации выходили и на чувашском языке. В местных, а также центральных журналах, таких как, например, «Художник», «ЛИК», «КИЛ», выходили статьи А. Г. Григорьева, Н. И. Садюкова, Л. В. Семечкиной, М. А. Карачарсковой, Г. Г. Исаева, В. М. Петровой, Г. Н. Иванова-Оркова, А. И. Мордвиновой, И. К. Кугуракова, А. П. Хузангая, М. С. Красотиной (Р. Кирилловой), Ю. В. Викторова, М. Н. Воробьева и др.

Альбомы, посвященные творчеству художников, сегодня представлены широким рядом изданий. Среди составленных специалистами альбомов нужно выделить такие как «Праски Витти. Молитва в цвете», «Художник Станислав Юхтар», «Линия одержимости», «Георгий Алексеев. Жизнь и творчество», «Ревель Федоров: история, современность, стилевые принципы творчества», «Овчинников Н. В. Живопись», «Юрий Ювенальев. Пейзажи деревни Аслы-Ялы», «Владимир Агеев» и др. Изобразительный ряд, представленный в альбомах художников, являет богатый материал для будущих исследований.

Жанр художественной критики нечасто встречается в культурном пространстве республики. Один из редких примеров — публикации историка В. И. Макаревского [18; 20], страстного поклонника мирового искусства и горячо переживающего за родное чувашское. В них непримиримый сторонник истины и принципиальный противник фальсификации истории излагает свою точку зре-

ния, строго придерживаясь фактов и архивных документов. Этот пример неподкупного и кропотливого труда привел его к созданию работы, где развенчивается несправедливо созданный миф об А. А. Кокеле [19].

Заключение

Становление изобразительного искусства Чувашской Республики связано с появлением профессиональных художников в начале XX в. В непростом процессе своего развития оно пережило периоды подъема и стагнации. Искусствоведческая наука в Чувашии начала формироваться во второй половине XX в., когда специалисты, получив специальное образование в ленинградских вузах, приехали в Чебоксары и обусловили рождение искусствоведческой науки. Живопись художников Чувашии требует сегодня новых подходов и глубокого изучения. Занимаясь анализом, интерпретацией и оценкой искусства, искусствоведы в своих публикациях создают историю чувашской культуры, подготавливая почву для последующих исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 6 зональная художественная выставка «Большая Волга», Чебоксары — 85: Живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство. Каталог выставки произведений. Чебоксары: Изд-во Чувашского обкома КПСС, 1985. 59 с.
2. Анатолий Иванович Миттов: Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост., прим. и коммент. О. В. Таллеровой-Миттовой; вступ. ст. Н. В. Воронова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 214 с.
3. Виктор Ю. В. Анатолий Брындин. Скульптор-монументалист. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 142 с.
4. Виктор Ю. В. Большая Волга // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1: А — Е. С. 232 — 233.
5. Виктор Ю. В. Петр Кипарисов: художник и педагог. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 213 с.
6. Виктор Ю. В. Союз чувашских художников. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2008. 174 с.: ил.
7. Виктор Ю. В. Федор Осипов. Жизнь и творчество. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 209 с.
8. Виктор Ю. В. Чувашская станковая живопись XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 255 с.
9. Виктор Ю. В. Элли Юрьев. Художник и время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 254 с.
10. Воронов Н. В., Червоная С. М. Н. В. Овчинников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 40 с.
11. Гольшеникова Е. В. Большая Волга — X: Юбилейная региональная художественная выставка // Центр и периферия. 2008. № 3. С. 92 — 101.
12. Григорьев А. Г. Сто тысяч красок. Популярный очерк современного чувашского изобразительного искусства. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1967. 85 с.
13. Григорьев А. Г. У истоков профессионального изобразительного искусства Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 95 с.
14. Изобразительное искусство автономных республик РСФСР: альбом / сост. В. А. Юдичев. Ленинград: Художник РСФСР, 1973. 449 с.
15. Калмыков Г. Откуда взялась и куда делась «Большая Волга»? // СамКульт [сайт]. URL: <https://samcult.ru/heritage/24241?ysclid=mffiu8mnh370613281> (дата обращения: 23.12.2023).
16. Каталог произведений А. И. Миттова / сост. А. И. Мординова. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 70 с.
17. Латвиненко Н. Хутошнёк М. Спиритонэв // Сунтал. 1927. 10 №. С. 27.
18. Макаревский В. И. «Автобиография» Кокеля: источниковедческие заметки // Чувашский гуманитарный вестник. 2021. № 16. С. 127 — 133.
19. Макаревский В. И. Алексей Кокель в паутине историографического мифа. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. 160 с.
20. Макаревский В. И. О конкурсной выставке 1912 года в Академии художеств (по материалам книги В. А. Васильева «Алексей Афанасьевич Кокель, 1880 — 1956: жизнь и творчество») // Искусство Чувашии: сборник статей. Вып. VIII. Чебоксары, 1918. С. 170 — 193.
21. Мординова А. И. Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов: книга-альбом. Чебоксары. Чуваш. кн. изд-во, 2022. 272 с.

22. Нечаев А. День в истории: Казанское худучилище, выпуск «копейки» и ядерные испытания в Северной Корее // Реальное время [сайт]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/223869-den-v-istorii-kazanskoe-hudozhestvennoe-uchilische-vaz-2101> (дата обращения: 12.12.2023).
23. Овчинников Н. В. Миг между прошлым и будущим. Чебоксары: ЧГИГН. 1998. 126 с.
24. Павлов Ф. На выставке картин // Павлов Ф. П. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962. С. 137 — 142.
25. Праски Витти. Воспоминания. Чебоксары: Free Poetry, 2016. 213 с.
26. Рецензии на книгу «Воспоминания о XX веке. Книга первая. Давно прошедшее. Plus-que-parfait» Михаил Герман // ТопЛибра — онлайн библиотека [сайт]. URL: <https://toplibra.com/books/692997/reviews> (дата обращения: 23.08.2023).
27. Рыбкин А. П. Мой старый добрый дом... Записки художника / сост. и авт. предисл. А. И. Мордвинова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 255 с.
28. Садюков Н. И. Мемориальный музей-квартира М. С. Спиридонова. Каталог. Живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство. Чебоксары: Чебоксарская тип. № 1. 2014. 128 с.
29. Садюков Н. И. Приумножая коллекцию. Записки музейного работника. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 190 с.
30. Садюков Н. И. Творящие прекрасное. Статьи, очерки о художниках. Чебоксары: Чебоксарская тип. № 1, 2013. 208 с.
31. Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. С. 54 — 56.
32. Сверчков Н. К. Счастье (Воспоминания художника). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 120 с.
33. Союз художников Чувашии: альбом-каталог: 1935 — 2005: 70-летию посвящается. Чебоксары: [б. и.], 2005. 199 с.: ил.
34. Спиридонов М. С. Крылья памяти. Воспоминания художника. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 207 с.
35. Трофимов А. А. Изобразительное искусство Чувашской Республики. Чебоксары; Москва: PNB Print, 2017. 255 с.
36. Ургалкина Н. А. Моисей Спиридонович Спиридонов: Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 47 с.
37. Ургалкина Н. А. Никита Кузьмич Сверчков: Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 71 с.
38. Ургалкина Н. А. Художники Чувашии. Ленинград: Художник РСФСР, 1978. 208 с.
39. Ургалкина Н. А. Чувашское советское искусство в 1917 — 1970 гг. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 120 с.
40. Ургалкина Н. А. Юрий Антонович Зайцев. Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 64 с.
41. Фомиряков Г. Г. Этно-Я-Futurum: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 191 с.
42. Художественно-графический факультет: становление и развитие. Чебоксары: Чебоксарская тип. № 1, 2010. 136 с.
43. Художник Анатолий Миттов. Дорога в гору: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 208 с.
44. Художники Чувашии: биобиблиографический справочник / сост. Н. А. Ургалкина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 256 с.
45. Художники Чувашии: биобиблиографический справочник / сост. Н. А. Ургалкина. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 476 с.
46. Червонная С. М. Живопись автономных республик РСФСР (1917 — 1977). Москва: Искусство, 1978. 208 с.
47. Червонная С. М. П. В. Павлов. Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 80 с.
48. Чувашский государственный институт гуманитарных наук [сайт]. URL: <http://chgign.ru/a/structure/2.html> (дата обращения: 14.12.2023).
49. Чувашский государственный художественный музей: биобиблиографический справочник сотрудников музея. 1939 — 2014 гг. Чебоксары, 2014. 80 с.

REFERENCES

1. The 6th zonal art exhibition “Bolshaya Volga”, Cheboksary — 85: Painting, sculpture, graphics, decor-approx. art. Cat. vyst. works of art. Cheboksary: the Chuvash Regional Committee of the CPSU publishing, 1985:59. (In Russ.)

2. Anatoly Ivanovich Mittov: Memories, poems. Essays, art-critical articles. Diary entries, short stories, poems by the artist / comp., approx. and a comment. About V. Tallerova-Mittova; introductory article by N. V. Voronov. Cheboksary;1990:214. (In Russ.)
3. Viktorov Y. V. Anatoly Bryndin. The sculptor is a muralist. Cheboksary;2001:142. (In Russ.)
4. Viktorov Y.V. Bolshaya Volga // Chuvash encyclopedia: in 4 volumes Cheboksary;2006(1): A. E.:232 — 233. (In Russ.)
5. Viktorov Y. V. Peter Kiparisov: artist and teacher. Cheboksary;1999:213. (In Russ.)
6. Viktorov Y. V. The union of Chuvash Artists. Cheboksary: Ed. Chuvash State Pedagogical University. 2008:174: ill. (In Russ.)
7. Viktorov Y. V. Fyodor Osipov. Life and Work. Cheboksary;2000:209. (In Russ.)
8. Viktorov Y. V. Chuvash easel painting of XX century. Cheboksary;2018:255. (In Russ.)
9. Viktorov Y. V. Elli Yuriev. The artist and time. Cheboksary;2005:254. (In Russ.)
10. Voronov N. V., Chervonnaya S. M. N. V. Ovchinnikov. Cheboksary;1981:40. (In Russ.)
11. Golyshenkova E. V. Bolshaya Volga — X: Jubilee Regional Art Exhibition // Tsentri i periferiya. 2008(3): 92 — 101. (In Russ.)
12. Grigoriev A. G. Hundred Thousand Colours. Popular Essay on Contemporary Chuvash Fine Arts. Cheboksary;1967:85. (In Russ.)
13. Grigoriev A. G. At the Origins of Professional Fine Arts in Chuvashia. Cheboksary;1978:95. (In Russ.)
14. Fine Arts of the Autonomous Republics of the RSFSR: Album. Comp. V. A. Yudichev. Leningrad;1973:449 p. (In Russ.)
15. Kalmykov G. Where did the Great Volga Come From and Where did It Go? // SamCult [website]. URL: <https://samcult.ru/heritage/24241?ysclid=mfiiu8mnhh370613281> (reference date: 23.12.2023). (In Russ.)
16. A. I. Mittov's Works Catalogue / compiled by A. I. Mordvinova. Cheboksary;2017:70. (In Russ.)
17. Latvinenko N. Khutoshnik M. Spiridonov // The Suntal. 1927(10):27. (In Chuv.)
18. Makarevsky V. I. Kokel's "Autobiography": Source Studies Notes // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2021:127 — 133. (In Russ.)
19. Makarevsky V. I. Alexey Kokel in the Web of Historiographical Myth. Cheboksary;2022:160. (In Russ.)
20. Makarevsky V. I. 1912 Competition Exhibition at the Academy of Arts (based on the book by V. A. Vasilyev, Alexey Afanasyevich Kokel, 1880-1956: Life and Work) // Art of Chuvashia: the collection of Articles. Issue VIII. Cheboksary;1918:170 — 193. (In Russ.)
21. Mordvinova A. I. The Future Was Not in a Hurry to Meet Me... Artist Anatoly Mittov: Album Book. Cheboksary;2022:272. (In Russ.)
22. Nechaev A. A day in History: Kazan Art School, the Release of the Kopecky, and Nuclear Tests in North Korea // Realnoe Vremya [website]. URL:<https://realnoevremya.ru/articles/223869-den-v-istorii-ka> (reference date: 12.12.2023). (In Russ.)
23. Ovchinnikov N. V. The moment between the past and the future. Cheboksary;1998:126. (In Russ.)
24. Pavlov F. At the exhibition of paintings // Pavlov F. P. the collected works: in 2 volumes. Vol. 1. Cheboksary;1962:13 — 142. (In Russ.)
25. Praski Vitti. Memories. Cheboksary;2016:213. (In Russ.)
26. The reviews of the book "Memories of 20th Century. Book One. The Long-Ago Past. Plus-que-parfait" by Mikhail German // TopLiba — online library [website]. URL: <https://topliba.com/books/692997/reviews> (reference date: 08/23/2023).
27. Rybkin A. P. My good old house... Artist's notes / comp. and the author of the preface by A. I. Mordvinova. Cheboksary; 2017:255. (In Russ.)
28. Sadyukov N. I. Memorial Museum-apartment of M. S. Spiridonov. Catalog. Painting, sculpture, graphics, decorative and applied arts. Cheboksary;2014:128. (In Russ.)
29. Sadyukov N. I. Multiplying the collection. Notes of a museum employee. Cheboksary;2011:190. (In Russ.)
30. Sadukov N. I. The creators of Beauty. Articles and Essays on Artists. Cheboksary;2013:208. (In Russ.)
31. Sapozhnikova Yu. L. The Genre of Autobiography: Concept and Features // Scientific Notes of Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University. 2012:54 — 56. (In Russ.)
32. Sverchkov N. K. Happiness (Memories of an Artist). Cheboksary;1976:120. (In Russ.)
33. The union of Artists of Chuvashia: Album-Catalog: 1935 — 2005: Dedicated to the 70th Anniversary. Cheboksary;2005:199. (In Russ.)
34. Spiridonov M. S. Wings of Memory. Memoirs of an Artist Cheboksary;1990:207. (In Russ.)
35. Trofimov A. A. Fine art of the Chuvash Republic. Cheboksary; Moscow;2017:255. (In Russ.)

36. Urgalkina N. A. Moisei Spiridonovich Spiridonov: Life and work. Cheboksary;1975:47. (In Russ.)
37. Urgalina N. A. Nikita Kuzmich Sverchkov: Life and Work. Cheboksary;1983:71. (In Russ.)
38. Urgalina N. A. Artists of Chuvashia. Leningrad;1978:208. (In Russ.)
39. Urgalina N. A. Chuvash Soviet Art in 1917 — 1970. Cheboksary;1973:120. (In Russ.)
40. Urgalina N. A. Yuri Antonovich Zaitsev. Life and Work. Cheboksary;1978:64. (In Russ.)
41. Fomyryakov G. G. Ethno-I-Futurum: book-album. Cheboksary;2020:191. (In Russ.)
42. The faculty of Art and Graphics: Formation and Development. Cheboksary;2010:136. (In Russ.)
43. Artist Anatoly Mittov. Road to the Mountain: Book-album. Cheboksary;2011:208. (In Russ.)
44. Artists of Chuvashia: Bio-bibliographic. handbook / comp. N. A. Urgalkina. Cheboksary;1969:256. (In Russ.)
45. Artists of Chuvashia: Bio-bibliographic handbook / comp. N. A. Urgalkina. 2nd ed. Cheboksary;1989:476. (In Russ.)
46. Chervonnaya S. M. Painting of the Autonomous Republics of the RSFSR (1917 — 1977). Moscow;1978:208. (In Russ.)
47. Chervonnaya S. M. P. V. Pavlov. Life and Work. Cheboksary;1984:80. (In Russ.)
48. The Chuvash State Institute of Humanities [website]. URL: <http://chgign.ru/a/structure/2.html> (date of reference: 14.12.2023). (In Russ.)
49. The Chuvash State Art Museum. Biobibliographic Guide to the Museum's Staff. 1939-2014. Cheboksary;2014:80. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.07.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 12.09.2025

Информация об авторе:

Малинина Алина Александровна, младший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4824-9443>, m-anila@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 18.07.2025;
approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 12.09.2025

Information about the author:

Alina A. Malinina, junior research fellow,
Chuvash State Institute of Humanities
(buil. 1, 29, Moskovsky pr., Cheboksary, Russia, 428015),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4824-9443>, m-anila@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 18.07.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хыççӑн 11.09.2025 ырланӑ; 12.09.2025 пичетлеме йышӑнӑ

Автор сиччен:

Малинина Алина Александровна, Чӑваш патшалӑх
гуманитари аслӑлӑхӗсен институчӗн аслӑлӑх кӗçӗн ӗçтешӗ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4824-9443>, m-anila@mail.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ сужкине пӗлтерет.
Автор ал çырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

ТАВАН ЯЛ ПУПЛЕВНЕ ТЁПЧЕНЁ ЁС РАБОТА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИССЛЕДОВАНИЮ ГОВОРА РОДНОЙ ДЕРЕВНИ WORK DEDICATED TO THE STUDY OF THE DIALOGUE OF THE NATIVE VILLAGE

Монографи: рец.: Кузнецов А. В. Тавай тәрәхәнчи Тәрмаш ялән каласәвё: диалектологие ономастика тәпчевёсем. — Шупашкар : ЧПГАИ, 2023. — 184 с.

Ю. М. Виноградов,
Чăваш республика вёрентү институтчён Регион аталанăвён
центрён аслалăх ертүсё ёштешё,
филологи аслалăхёсен кандидачё, доцент,
Шупашкар хули, Раçсей,
jurijvin46@mail.ru

Рец. на монографию: Кузнецов А. В. Говор села Турмышы Янтиковского района: диалектологические и ономастические исследования. — Чебоксары : ЧГИГН, 2023. — 184 с.

Ю. М. Виноградов,
ведущий научный сотрудник Центра регионального развития
Чувашского республиканского института образования,
кандидат филологических наук, доцент,
г. Чебоксары, Россия,
jurijvin46@mail.ru

The review on the monograph: Kuznetsov A. V. The dialect of the village of Turmyshi, Yantikovskiy district: dialectological and onomastic studies. — Cheboksary : Chuvash State University of Humanities, 2023. — 184 p.

Yu. M. Vinogradov,
leading researcher of the Center for Regional Development
of the Chuvash Republican Institute of Education,
candidate of Philological Sciences, associate professor,
Cheboksary, Russia,
jurijvin46@mail.ru

© Виноградов Ю. М., 2025

Филологи аслалăхёсен кандидачё А. В. Кузнецов «Тавай тәрәхәнчи Тәрмаш ялән каласәвё: диалектологие ономастика тәпчевёсем» кёнеке (Шупашкар : Чăваш патшалăх гуманитари аслалăхёсен институтчё, 2023. 184 с.) пичетлесе каларчё. Ку — Александр Валерьяновичан таван ялён каласәвне ятарласа тәпченё ёс. Паллах, профессионал чёлхесё мар так ку е въл каласәвән уйрăмлăхёсене тупса палăртма йывър. Ситменнине, пёлмен сынна каласура нимле уйрăмлăх та сук пек туйанма пултарать, мёншён тесен тәпчевсё литература чёлхин нормисене те пулин аван тавсарма тивёс. Ку енчен пăхсан кёнеке авторё нумай пёлүллё тата пысак опытлă сын. Саванпа та монографире мён сырни аслалăх енчен шанчăклă.

Кёнекен кўртём пайё пур (3 — 4 с.). Ун хысқан Тәрмаш ялёпе, ун каласәвёпе пётёмёшлён паллаштарнă (5 — 13 с.), ял каласәвён сасă тытăмёпе (14 — 32 с.) грамматикине (32 — 43 с.) тишкернё, каласәвән сăмах йышне пăхса тухнă (43 — 80 с.). Лексика нумай сийлине шута илнё те вёсене кашнине аңлантарнă. Нисеп сăмахёсене тишкерес

енёпе пысак опыт илнё автор ку ыйтáva Тáрмáш каласáвёнче те пáхса тухать (80 — 94 с.). Çавáн пекех тáванлáх сáмахёсем валли те вырáн уйáрнá (95 — 112 с.). Малалла сáмах сын ячёсем, хушамачёсем, йáх ячёсемпе хушма ятсем çинчен (113 — 142 с.), комонимсем, ял пайёсемпе урам ячёсем (143 — 153 с.), шыв-шур ячёсем (153 — 171 с.), микропонимсем (172 — 180 с.) çинчен пырать. Юлашкинчен пётёмлету тунá (181 — 182 с.). Кашни пай вёçёнче ку е вáл шухáш áста тёл пулнине кáтартнá, асáрхаттарусем панá.

«Куртём» пайра кёнекене очерк пуххи майлá çырнине, автор мёнле темáсем çинче чарáнс тáнине пёлтернё, ятарлá паллáсен списокёпе паллаштарнá.

«Тáрмáш ялё тата Тáрмáш каласáвё» пайра куç умне Тáрмáш ялён кун-çулне кáларса тáратнá тата ял каласáвне тёлченин историне уса панá. Автор çирёллетнё тáрáх, Чáваш патшалáх гуманитари áслáлáхёсен институçён архивёнче упранакан «Чáваш чёлхин диалектологи атласёнче» Тáрмáш каласáвё пирки информатор ют çёртен килсе пурáнакан сын пулнине пёлмесёр тунá 250 ыгла йáнáш тёл пулать иккен (7 с.). Çавáнна Тáрмáш каласу уйрáмлáхёсене Александр Валерьяновичáн хáйён тепёр хут тёлчеме, фактсене ятарласа тёрёслеме тивнё.

Ёçён 8 — 14-мёш страницисенче Тáрмáш каласáвне унччен хáш-хáш ученáй тёлченине, áна хáш диалекта кёртес пирки тёрлё шухáш каланине сырсá парать. Автор çапла ёненерет: Тáрмáш каласáвё хáш диалекта кёнине кáтартма Л. П. Сергеев профессор уса куракан *хутáш диалект* терминпа мар, *вáта диалект* терминпа уса курмалла, вáта диалектáн хёвел тухáç каласáвён туталáх паллине тури диалект витемёпе сыхáнтармалла мар, «хáйёнчех авалтан сыхланса юлнá пулám темелле» (12 с.), Тáрмáш каласáвё тёрёсси-пе Вáрмар каласáвё пек тесе пáхмалла.

Тáрмáш каласáвён уса сасá шучё анат диалектпа танлаштарсан пуянрах, турипе танлаштарсан чухáнрах пулнине ёненернё, кашни уса сасса сáнласа панá, ытти диалектологсем мён асáрханине каланá. Автор сырнá тáрáх, диалектсен уса сасá тытáмё пёр евёрлё, анчах ку е вáл каласура уйрáмлáхсем тёл пуласçё. Акá Тáрмáш каласáвёнче литература чёлхинче уса куракан 8 уса сасáсáр пуçне тутапа калакан [á°] тата [ё°] уса сасáсем пур. Вёсемсёр пуçне [ý] тата [ö] сасáсем хушшинче тáракан уса сасса та асáрхатáн. Анат тата ту диалектсенчи тёл [a] вырáнне час-часах [o] каланине (*шакка* вырáнне *шокко*) илтме пулать. Сасáсен сингармонизмне илес тёл Тáрмáш каласáвёнче хытáлáхпа çемселёх килёшёвё те, туталáх килёшёвё те харáс тёл пуласçё: *çá°мá°ллá°х*, *çём°ртлём°х*. Çак уйрáмлáха тёпе хурса монографи авторё Тáрмáш каласáвне анат диалектран кáларса Вáрмар каласáвне кёртмелли шанчáклá сáлтав тесе пáхать. Автор сáнанá тáрáх, каласáвáн пусáм системинче уйрáмлáх çук. Хупá сасáсенчен чáваш сáмахёсенче те тёл пулакан [ф] сасса кáтартмалла. Ку акá, тёлсёлхрен, *хáвар* тес вырáнне *ф'ар* тенинче палáрать. Тёлчевсё Л. П. Сергеев йáнáшине турлетсе [ч] фонема анат диалектра калакан çемсе [т°] мар, анлá сарáлнá [ч] пекех тет. Автор литература чёлхипе (ытти диалектпа) Тáрмáш каласáвён уса сасá тур килёвёсене кáсáкланса тишкернё. Вёсем вулакана, уйрáмах вёрентекене, шул ачисен пуплев культурине сёлкес пирки пáйтах ёсleme тивёс пуррине ёненересçё. Хупá сасáсен хáйне евёрлё тур килёвёсем сукпа пёрех иккен: *кáш* (хáш), *таксан* (тахсан). Ку каласура ытти тёрёк чёлхисенче анлá сарáлнá *кáста* (лит. *áста*) вариант тёл пулни кáсáклá. Кунашкал пулámсенчен сасáсем тухса ўкнине (*ватá сын* вырáнне *ват сын* тенине, *кукамай сывлáхё* вырáнне *кукамай сывлáх'* тенине т. ыт. те) тата пёрешкелленнине (*каятпáр* вырáнне *каятпáр*, *çавáн пек* вырáнне *çам пек* тенине) асáнмалла.

Грамматика уйрáмлáхёсенчен морфологии А. В. Кузнецов ят сáмахсенне те, глаголсенне те, пулáшу сáмахёсенне те тишкерет, литература чёлхине тивёçтерекен формáсемпе танлаштарса пáхать. Хáйне евёрлёх хáш-хáш формáра суккине кёскен пёлтерет те уйрáмлáхсем çинче тёллён чарáнсá тáрать. Акá падеж системине илес тёл уйрáмлáх япала ячёсен камáнлáх, пару тата пирке падежёсенче кáна палáрать иккен. Тёлсёлхрен, камáнлáх падежёнче *пáрвáн*, *кётёвён*, *пёлёвён* тесе (туллин) каламасçё — кёскетесçё: *пáрун*, *кётун*, *пёлун*. Нумайлáх хисеп аффиксёнче [э] уса сасá хытá сáмахсенче [á°] сасса куçать, çемсе сáмахсенче — [ё°] сасса: *сынсá°м*, *çерçисём°м*. Сáпат аффиксёнсенчен 3-мёш сáпатáн уйрáмлáх пур: вáл хáш-пёр сáмахра литература чёлхипе килёшмест. Кунта *карчáкё*, *старикё*, *сáмахё*, *путекё*, *йывáç турачё*, *калпакё*, *çуначё* тесе калас вырáнне *карчáкки*, *старикки*, *сáмаххи*, *путекки*, *йывáç туратти*, *калпакки*, *çунатти* тесçё. Калас енчен глаголсем те икё ушкáн тáваççё. Акá хальхи вáхáтра пёр ушкáн литература чёлхипе килёшсе тáрать,

тепри сасәсем тухса ўкнипе паләрәть. Сасәсем (уҗсисем те, хупписем те) сәмахән кирек хаш пайёнчен тухса ўкеҗсә: *каты* (лит. *каять*), *каяҗ* (лит. *каяҗсә*), *каятпәр*, *каптпәр* (лит. *каятпәр*), *каят* (лит. *каятпән*) (37 с.). Килешү наклоненийән 1-мөшпе 3-мөш сәпат формисем сайра тел пулаҗсә, тата 2-мөш сәпат формипе пачах уса курмаҗсә (38 с.). Юнашар тәракан глаголсем сасә енчен улшанса пәр пәрлөх тавас туртам пысак: *сырсил* (*сырса ил* вырәнне), *сапсач* (*сапса ячә*), *парсар* (*парса яр*). Кунашкал пәрлөшөве автор сәмах пулавө шутне кертет, хутлә глагол синчен сырать (39 с.). Икә глагол пәрлөшөвөнче малта тәраканни инфинитив аффиксә вырәнне сайра хутра **-а (-е)** деепричастин аффиксне йышанать: *вула пуҗла*, *ташла пуҗла* (39 с.). Пирән шухашпа — **-а (-е)** аффикслә глагол хыҗри глагола пәханни пөтөм литература чөлхине катартуллә: *Ача ута* (*калаҗа*, *кайык тыта*) *пуҗларә*.

Синтаксис уйрәмләхә, төпрен илсен, сәмах майлашавөпе сыханнә. Автор ёнентернә тәрәх, Тәрмәш тата Енөш Нәрвәш ялөсенче икә сәмах пәрлөше сәмах тавас туртам пур. Куна, төслөхрен, төп компонентчә си сәмахлә ят сәмах майлашавө төп мар форма йышаннә чухне асархама пулать: *мансне* < *ман сине*, *лашасне* < *лаша сине*, *сөтелсне* < *сөтел сине* (40 — 41 с.). Сасә күлөпине сәмах майлашавөн төп пайө сүхатгине те курма пулать иккен. Төслөхрен, җакнашкалли глагол сәмах майлашавөн пәханакан пайө **-са (-се)** аффикслә чухне пулать: *татс ил*, *сыртс ил*, *кайс ил*, *туртц ил* (ку төслөхсене монографи авторө хутлә сәмахсем тесе пәрле сырса панә). Танл.: *татса ил*, *сыртса ил*, *кайса ил*, *туртса ил*. Асаннә төлөхсемпе пәрешкел тесе автор пайөсен чиккинче сассисем сүхалакан *касса яр*, *сисе яр*, *җатсе яр* йышши сәмах майлашавөсене пәхса тухать. Вырәнта сәмахсен чиккине пытарса *кассар*, *сисеач(ә)*, *җәтсонә* теҗсә иккен. Автор ят сәмах майлашавөн пайөсене сыхантаракан 3-мөш сәпат аффиксә тәтәшах тухса ўкнине (*хәр амәш*), җавна май хаш-пәр төслөхре умра тәракан хупә сасса җөмөтсө хәварнине (*мунча чуль*) паләртать (41 с.).

Предложенисен тыгәмә Тәрмәш тәрәхөнче, төпрен илсен, литература чөлхинчи пек. Ыйту сәмахөсене предложени пуҗламәшне ларгас (*Кәҗтан килен-ха эс?*) туртам вайлә. Вырәс чөлхин витөмөпе — союзла сәмахлә хутлә предложенисемпе (*Сырава, хашине әпә ёнер сыртәм, халә те яман-ха*) уса курас йәла аталанса пырать. Вәл, паллах, җамрәк сынсене катартуллә (42 с.).

Тәрмәш калаҗавөн лексикки валли кәнекере чи пысак вырән уйәрнә. Лексикана ушқанласа әнлантарнә. Ушқанөсем сахал мар, мөншөн тесен вөсене уйәрмалли критерисем нумай — кәсәкланакан валли материал чылай. Җакә ку е вәл шухаша ёнентерме е хирөслеме, җаваш чөлхи епле иккенне төрөсрөх әнланма пулашать. Акә орфографире *пүрт умә*, *сак айә*, *сүл пуҗә* йышши сәмах майлашавөсен сәпат аффиксә тухса ўкнә варианчөсене (*пүрт ум*, *сак ай*, *сүл пуҗ*) пәрле сырәс текенсем пур. Вөсен шухашөпе — 3-мөш сәпат аффиксә төп сәмах тыгәмөнче сүкки сәмах майлашавө сәмаха куҗнин палли пулса тәрәть иккен, савәнпа пәрле сырмалла имөш. А. В. Кузнецов кәнекинче сәпат аффиксә тухса ўкнә *чөре курәк*, *чөкре курәк* (47 с.), *чәрәш курәк*, *шөпөн курәк*, *шәнар курәк*, *шәм-шак курәк*, *шәпа курәк* (48 с.), *пәлан вәкәр*, *пәлан пәруш* (54 с.) тата ытти савнашкал сәмах майлашавөсене пайтах тел пулатпәр. Вөсен тыгәмә сәпат аффиксә тухса ўкнә сәмах майлашавөсене ыттисен ретне тәрәтса уйрәм сырәма сәлтав пуррине төпөр хут ёнентерет. Кәсәкланаканшан А. В. Кузнецов кәнекинче нисеп сәмахөсем, таванләх сәмахөсем, ономастика материалө пур.

Төпрен илсен, пухнә материал тата ун пирки сырнә тишкерү Тәрмәш калаҗавне куҗ умне кәрет кәларса тәрәтма май парать, автор төплөн өсленине ёнентерет. Чи пөлтөрөшли — асаннә калаҗу синчен унччен сырнә йәнәшсене түрлетни. Пирән умра — диалектологипе тулли сырнә шанчәклә материал.

Малашне вак-төвек йәнәша түрлетме, җитменнине хушса хума автора сөнө вай тата әнәсү сунатп. Пысак каләплә кәнеке тухасса шанатп.

Статья редакции 19.08.2025 ситнә; пичетлеме 12.09.2025 йышаннә:
статья поступила в редакцию 19.08.2025, принята к публикации 12.09.2025;
the article was submitted 19.08.2025, accepted for publication 12.09.2025.

Автор ал сырәван юлашки вариантне вуласа тухнә тата ырланә;
автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE / ЁСЛЅЛЅХ ПУРНЅЁ

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “SLAVIC-TURKIC WORLD: HISTORY AND MODERNITY”

«СЛАВЯН-ТЁРЁК ТЁНЧИ: ИСТОРИ ТАТА ХАЛЬХИ САМАНА» ХАЛЅХСЕН ХУШШИНЧИ II ЁСЛЅЛЅХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЁЙ

25 — 27 июня 2025 г. в Чебоксарах состоялась работа II Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность», приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР. Организаторами мероприятия выступили Министерство образования Чувашской Республики, Российское военно-историческое общество, Российское общество «Знание», Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Совет ректоров вузов Чувашской Республики, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

Крупный научный форум объединил более 190 историков, лингвистов, социологов, этнологов и других ученых из крупнейших научных и образовательных учреждений Российской Федерации (более 30 регионов), Азербайджана (Баку, Гянджи), Республики Беларусь (Минск, Витебск), Казахстана (Алматы, Астана), Кыргызстана (Бишкек, Ош), Узбекистана (Ташкент, Андижан, Чирчик), Молдовы (Комрат), Туркменистана (Ашхабад, Дашогуз), Китая (Чунцин). Он позволил консолидировать усилия исследователей-гуманитариев, занимающихся историей и культурой славянских и тюркских народов, общим историческим прошлым этносов и активизировать изучение их этнокультурного взаимодействия.

С приветственным словом к участникам конференции обратились Глава Чувашской Республики Олег Николаев, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Анатолий Аксаков, директор Департамента региональной политики Российского военно-исторического общества Аяна Шойгу, ректор Казахского национального университета им. аль-Фараби Жансеит Туймебаев (видеовыступление), председатель Совета ректоров вузов Чувашской Республики, ректор Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова Андрей Александров.

Открывая мероприятие, Олег Николаев отметил значимость проводимой работы в изучении собственной истории и взаимной истории народов, что способствует формированию правильного понимания происходящих событий и укреплению межэтнического сотрудничества: «Конференция продолжает раскрывать роль и место чувашского народа в жизни страны, в его взаимодействии с другими тюркоязычными народами, а также в вопросах организации жизни со славянскими народами. Несмотря на языковые барьеры, наши народы всегда уважали друг друга, объединяли усилия перед лицом общих угроз, шли вперед, совместно преодолевая трудности. Только знание своей истории, понимание своих корней и своей силы позволяет выдерживать любые испытания, строить будущее, сохраняя вековые традиции и используя современные возможности для достижения общих целей».

Пленарное заседание продолжили выступления ведущих ученых России и зарубежья. Результаты своих исследований представили доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Московского государственного лингвистического университета, эксперт ВПШ им. И. А. Ильина Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник НОЦ РГГУ Аполлинария Аврутина («*Единство народов России в контексте славяно-тюркского мира*»),

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Хатуты Бербекова, главный редактор научного журнала РУДН «Полилингвильность и транскультурные практики», научный редактор журнала «Филологические науки» Улданай Бахтикиреева (видеодоклад «*Исторические, социокультурные и языковые контакты тюрков и славян в трудах Г. В. Вернадского, О. О. Сулейменова, Г. П. Мельникова*»), доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, профессор Высшей школы экономики, Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова Александр Кадырбаев («*Дунайские болгары – славяне или тюрки? К вопросу об этногенезе болгарского народа*»), доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук Анна Дыбо (видеодоклад «*Ранние славяно-тюркские языковые контакты*»), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Узбекского государственного университета мировых языков Дусмамат Кулмаматов («*Лингвотекстологическое исследование тюркоязычных хивинских и двуязычных — тюрко-персидских бухарских челобитных и их русских переводов XVII века*»), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и технологии преподавания истории Азербайджанского государственного педагогического университета Севиндж Алиева (видеодоклад «*Славяно-тюркские взаимосвязи на Южном Кавказе по письменным источникам (до 1722 г.)*»), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, лектор Российского общества «Знание» Елена Линькова («*Российская нация: диалектика межнациональных и межконфессиональных отношений и укрепление общероссийской идентичности*»), кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Владимир Клементьев («*Эволюция политико-правового статуса Чувашской Республики в 1920 — 2000-е гг. в контексте исторических реалий, нормативных характеристик и конституционного измерения*»).

Модерировал пленарное заседание доктор филологических наук, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук Юрий Исаев.

Во второй половине дня работа форума прошла на секционных площадках «Историческое единство культурного и территориального пространства евразийских народов», «Опыт межэтнических и социокультурных взаимоотношений славянских и тюркских народов» и «История, экономика, культура и административное управление народов Евразии в исторической ретроспективе и на современном этапе».

II Международная научно-практическая конференция «Славяно-тюркский мир: история и современность» стала эффективной площадкой для обсуждения проблем истории и современного состояния социально-культурного и экономического развития народов России, их национально-административного строительства и территориального устройства.

По итогам проведения конференции будет издан сборник докладов участников с статейным размещением в базе данных РИНЦ.

А. Д. ГАВРИЛОВ,
научный сотрудник ЧГИГН

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки представляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические

пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Русинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке!**

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте ЧГИГН: <https://chgign.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2025
Том 1. № 3

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 25.09.2025.
Выход в свет 30.09.2025. Печать оперативная.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 14,66. Тираж 200 экз. Заказ № К-266.
Цена свободная.

Учредитель:
Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1

ISSN 3034-6827

9 773034 682009 >